

Министерство образования и науки РФ
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Пермский государственный педагогический
университет»

***90 лет Пермскому
государственному
педагогическому
университету***

**Т Р У Д Ы
К А М С К О Й
А Р Х Е О Л О Г О -
Э Т Н О Г Р А Ф И Ч Е С К О Й
Э К С П Е Д И Ц И И**

ВЫПУСК VII

ПГПУ

Пермь 2011

УДК 902 (470.53)
ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)
Т 782

**Т 782 ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ. Выпуск VII: сб. науч. тр./ под общ. ред. А.М. Белавина;**
Перм. гос. пед. ун-т.—Пермь, 2011.— 185с.: ил. и табл. —Библиогр.: с. 169-
179

ISBN 978-5-85218-523-5

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», в которой публикуются новые материалы и исследования по археологии, древней и средневековой истории и этнографии Пермского края и сопредельных территорий.

Выпуск № VII содержит статьи и заметки, посвященные интерпретации новейших археологических и антропологических материалов Пермского Предуралья и сопредельных территорий..

Сборник может быть полезен студентам-историкам, учителям, краеведам, музейным работникам.

Ил. 37. Табл. 19. Библиогр. 462 назв.

УДК 902 (407.53)
ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

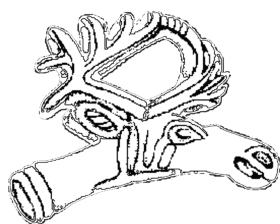

Редколлегия:

*Д-р ист. наук, проф. А.М. Белавин (отв. редактор);
д-р ист. наук, доц. Н.Б. Крыласова (отв. за выпуск);
Г.Т. Лени; канд. ист. наук, доц. Е.Л. Лычагина;
канд. ист. наук Ю.А. Подосенова, А.Н. Сарапулов*

ISBN 978-5-85218-523-5

© Коллектив авторов, 2011
© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2011
© Пермский государственный педагогический
университет, 2011

Е.Л. Лычагина, Н.С. Шмырина
АНАЛИЗ КАМЕННОГО
ИНВЕНТАРЯ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ ПОЗДНЕГО КАМНЯ НА
ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ

Исследование неолитических памятников Пермского Предуралья началось еще в конце XIX века. Сейчас в Пермском Предуралье насчитывается более 60 археологических памятников эпохи неолита. Особый интерес вызывает наличие на территории края неолитических памятников с двумя разными традициями орнаментации посуды - гребенчатой и накольчатой. Орнаментация посуды является одним из самых важных признаков для выделения той или иной археологической культуры, а так же, скорее всего, признаком того или иного этноса. Мы же в свою очередь хотели сравнить каменный инвентарь памятников с разными традициями в орнаментации посуды.

Каменные изделия, прежде всего орудия, сочетают в себе разные элементы. Например: форма предмета, обуславливается технологическими условиями его производства (сырье, орудия расщепления), культурными традициями (предпочтение тех или иных видов заготовок и законченных форм), функциональным назначением орудия. С другой стороны, функция обуславливается во многих случаях формой заготовки, качеством сырья и т.д. Таким образом, изучив каменное изделие во всех аспектах, которые определяли его существование в древности, можно получить целос-

тное представление, как об отдельных артефактах, так и о каменной индустрии в целом (Деревянко, Волков, Петрин, 1999).

Для анализа мы взяли каменный инвентарь из последних археологических исследований памятников неолита на территории Пермского Предуралья. Это материал таких стоянок, как Чашкинское Озеро VIII (исследования 2002 г.), Чашкинское Озеро VI (2005 г.), Чашкинское Озеро IV (2002 г.), Хуторская стоянка (2006 г.), поселение Чернушка (2003 г.), а также материалы раннеэнеолитической стоянки Чашкинское Озеро I (2007 г.).

Часть из указанных памятников относится к памятникам с накольчатой керамикой - Чашкинское Озеро IV, Чашкинское Озеро VIII. Только гребенчатая керамика встречается на таких стоянках как Хуторская и Чашкинское Озеро I. На остальных памятниках встречаются оба вида орнаментации посуды.

Анализ каменного инвентаря проводился по нескольким параметрам - сырье, техника расщепления, орудийный набор. Все полученные данные были занесены в таблицы (табл.1-3).

Сырьё

Как отмечает Г.Н. Поплевко, качество микроструктуры скола не имеет четкой зависимости от цвета (Поплевко, 2007). Поэтому цвет исходного материала при характеристике сырья учитываться не будет.

На исследуемых памятниках мы выделяем разные группы сырья. Так на стоянке Чашкинское Озеро I для изготовления каменного инвентаря использовался кремнь низкого качества разных цветов и так называемые "другие породы", в данном

случае это кварцитопесчанник (Лычагина, 2008). Большая часть каменного инвентаря была изготовлена именно из этого материала - 74 % от всех изделий из камня (59 % от

1).

На стоянке Чашкинское Озеро VIII три четверти орудий изготовлено из кремня. Остальные изделия изготовлены из сланца, кварцито-

Таблица 1. Характеристика сырья и техники расщепления

Параметры	Чашкинское Озеро I	Чашкинское Озеро IV	Чашкинское Озеро VI (2005 г.)	Чашкинское Озеро VIII	Хуторская (2006 г.)	Чернушка
Сырье	<i>Кремень</i> – 64 экз. (из них 20 орудий), 26 % <i>Другие породы</i> – 183 (из них 29 ср.), 74 % <i>Плитчатый кремнь</i> – 2 орудия	<i>Кремень</i> – 340 экз., 84 % <i>Другие породы</i> – 73 экз., 16 %	<i>Кремень</i> – 883 экз., 77 % <i>Другие породы</i> – 250 экз., 23 % <i>Плитчатый кремнь</i> – 11 орудий	<i>Кремень</i> – 136 экз. (из них 16 орудий), 76 % <i>Другие породы</i> – 42 (из них 5 ср.), 24 %	<i>Кремень</i> – 306 экз. (из них 95 орудий), 38 % <i>Другие породы</i> – 509 (из них 40 ср.), 62 % <i>Плитчатый кремнь</i> – 8 орудий	<i>Кремень</i> – 227 экз. (из них 47 орудий), 64 % <i>Другие породы</i> – 130 (из них 55 орудий), 36 % <i>Плитчатый кремнь</i> – 13 (из них 4 орудия)
Техника расщепления	Ощеповая (88%: 12%)	Ощепово-пластинчатая (78%: 22%)	Ощепово-пластинчатая (70%: 30%)	Ощеповая (92%: 8%)	Ощепово-пластинчатая (65%: 35%)	Плитчато-ощеповая (47%: 53%)

общего количества орудий) (табл. 1).

Интересная картина была выявлена и на Хуторской стоянке в ходе исследований 2006 г. (Лычагина, 2007). 62 % найденных изделий из камня относилась к группе "других пород" (в основном к серо-коричневому кварцитопесчаннику). В тоже время, по количеству изготовленных орудий, кремнь превалировал над остальными породами - 70 %. Часть изделий была изготовлена из плитчатого кремня (табл. 1).

На поселении Чернушка для изготовления орудий использовался галечниковый кремнь и прозрачный серый халцедон примерно в одинаковой пропорции (Лычагина, 2004). Часть изделий была изготовлена из плитчатого кремня (табл.

песчанника и др. пород (Лычагина, 2003). Похожая ситуация и на стоянке Чашкинское Озеро IV, где из кремня изготовлено 84 % орудий и на стоянке Чашкинское Озеро VI - 77 % орудий (табл. 2).

Анализ сырьевой базы памятников различных культурно-хронологических групп выявил следующее. Для памятников с накольчатой керамикой характерно широкое использование галечникового и мелового кремня. В тоже время, ни на стоянке Чашкинское Озеро IV, ни на стоянке Чашкинское Озеро VIII, не выявлено орудий из плитчатого кремня. На памятниках, где встречается только гребенчатая керамика, основную массу каменных предметов составляют изделия из квар-

Таблица 2. Номенклатура каменных орудий труда

Наименование орудий	Чашкинское Озеро I	Чашкинское Озеро IV	Чашкинское Озеро VI (2005 г.)	Чашкинское Озеро VIII	Хуторская (2006 г.)	Чернушка
Скребки и скребловидные орудия	11 (23%)	13 (23%)	39 (27%)	1 (5%)	41 (30%)	10 (19,5%)
Режущие орудия	13 (27%)	7 (12%)	21 (14,5%)	7 (33%)	18 (13,5%)	4 (8%)
Острия и наконечники	7 (14%)	9 (16%)	11 (7,5%)	2 (9,5%)	13 (9,5%)	4 (8%)
Комбинированные орудия	3 (6%)	1 (2%)	1 (0,5%)	-	4 (3%)	-
Скобели	2 (4%)	8 (14%)	19 (13%)	1 (5%)	11 (8,5%)	5 (10%)
Резцы и резчики	2 (4%)	-	3 (2%)	-	5 (4%)	2 (4%)
Тесловидные орудия	3 (6%)	-	5 (3,5%)	-	-	1 (2%)
Дротовидные орудия	-	4 (7%)	-	1 (5%)	-	2 (4%)
Отщепы с ретушью	2 (4%)	6 (10,5%)	16 (11%)	-	16 (12%)	5 (10%)
Пластины с ретушью	-	5 (8,5%)	19 (13%)	-	24 (17,5%)	12 (23,5%)
Шлифованные орудия	-	-	-	7 (33%)	-	-
Рубящие орудия	-	-	4 (3%)	-	-	-
Другие	6 (12%)	4 (7%)	7 (5%)	2 (9,5%)	3 (2%)	6 (12%)
Итого:	49 (100%)	57 (100%)	145 (100%)	21 (100%)	135 (100%)	51 (100%)

цито-песчанника. Но для изготовления наиболее сложных орудий, с бифасиальной обработкой, чаще использовался плитчатый или меловой кремнь. На памятниках, где присутствуют обе группы керамики, превалируют изделия из галечникового кремня и халцедона, но значительную группу орудий составляют и изделия из плитчатого кремня.

Техника расщепления

Заготовками для орудий могут служить отщеп, пластина и пластинчатый отщеп, сколы с нуклеусов, плитки и т.д. Как указывает Г.Н. Поплевко "для получения скола-заготовки определенного вида - отщепа" используется перманентное (нестадиальное) расщепление (Поплев-

ко, 2007, с. 51).

На стоянке Чашкинское Озеро I для изготовления орудий использовались разные заготовки, но преобладало использование отщепов (в т.ч. и пластинчатых). Пластины в качестве заготовок для орудий встречались очень редко.

Нуклевидные формы в основном представлены первичными сколами и пренуклеусами из кварцито-песчанника. Значительное количество отходов производства из этой породы свидетельствует о том, что освоение материала шло непросто. Нуклеусов устойчивых форм всего 3 экз. (табл. 3). Они использовались для скалывания пластинчатых отщепов (рис. 1: 1-

Таблица 3. Характеристика пластин и нуклеусов

Наименование	Чашкинское Озеро I	Чашкинское Озеро IV	Чашкинское Озеро VI (2005 г.)	Чашкинское Озеро VIII	Хутурская (2006 г.)	Чернушка
Пластины:	-	8 экз.	57 экз.	4 экз.	49 экз.	38 экз.
Узкие	-	5 (62,5 %)	41 (72 %)	-	43 (88%)	14 (37 %)
Средние	-	3 (37,5 %)	14 (24,5 %)	4 (100 %)	6 (12%)	24 (63 %)
Широкие	-	-	2 (3,5 %)	-	-	-
Нуклеусы:	3 экз.	6 экз.	30 экз.	5 экз.	4 экз.	10 экз.
Аморфные	-	-	5 (17 %)	2 (40 %)	1 (25%)	-
Призматические	1 (33,3 %)	4 (66 %)	21 (70 %)	-	1 (25%)	1 (10 %)
Конические	1 (33,3 %)	2 (34 %)	4 (13 %)	2 (40 %)	-	3 (30 %)
Торцовые	1 (33,3%)	-	-	1 (20%)	2 (50%)	6 (60%)

3). Таким образом, индустрию памятника можно охарактеризовать как отщеповую, 61% орудий изготовлен на отщепах.

Технику расщепления на стоянке Хутурской можно охарактеризовать как отщепово-пластинчатую. Соотношение орудий на пластинах и отщепах 35 %:65 %. Находки нуклеусов на данном памятнике малочисленны, причем преимущественно с них скалывались отщепы (табл. 3).

На поселении Чернушка соотношение орудий на пластинах и отщепах - 47 %:53 %. Но, если принять во внимание те пластины без следов дополнительной обработки, которые несут на себе следы использования, то орудий на пластинах будет больше, чем орудий на отщепах. Таким образом, индустрию данного памятника мы можем охарактеризовать как пластинчато-отщеповую. В пользу этого свидетельствует и наличие многочисленной группы нуклеусов устойчивых форм, большая часть из которых использовалась для скалывания пластин (табл. 3).

На стоянке Чашкинское Озеро VI также выделяется крупная группа нуклеусов устойчивых форм, в которой преобладают призматические (табл. 3). Наличие на нуклеусах негативов от снятий пластин и

отщепов свидетельствует о том, что для изготовления орудий использовались как пластины, так и отщепы (рис. 9: 1-5). Соотношение орудий на пластинах и отщепах 30 %:70 %. Таким образом, мы можем говорить о том, что для памятника характерна отщепово-пластинчатая индустрия, при которой отщепы используются для изготовления орудий значительно чаще, чем пластины.

На стоянке Чашкинское Озеро IV к нуклевидным формам было отнесено 22 предмета, среди которых нуклеусы, нуклевидные куски и сколы с нуклеусов. Четыре из шести нуклеусов относятся к призматическим, с которых скалывали как пластины, так и пластинчатые отщепы (табл. 3). С остальных нуклеусов, которые являются коническими, скалывались пластины (рис. 5: 1-3). Но для изготовления орудий чаще всего использовались отщепы средних размеров и нуклевидные осколки. На отщепах изготовлено 36 предметов, а на пластинах 10 орудий, соотношение - 78% : 22%. Так, что индустрию памятника можно охарактеризовать как отщепово-пластинчатую.

Каменную индустрию стоянки Чашкинское Озеро VIII можно охарактеризовать как отщеповую - 57 % орудий изготовлено на отщепах,

5 % - на пластинах. Обнаруженные на памятнике нуклеусы в основном служили для скалывания отщепов (рис. 7: 1-2).

Таким образом, в независимости от культурно-хронологической принадлежности, для неолитических - раннеэнеолитических памятников Пермского Предуралья характерно преобладание орудий на отщепах над орудиями на пластинах.

Орудийный набор

Перейдем к характеристике орудийного набора. На стоянке Чашкинское Озеро I к изделиям с вторичной обработкой было отнесено 49 предметов (табл. 2).

Самые многочисленные категории орудий - ножи, скребки, острия и наконечники (рис. 1-2). Подобный набор орудий характерен для памятников позднекаменного века.

Орудийный набор следующего памятника (Хуторская стоянка) представлен 135 предметами (табл. 2).

Наиболее многочисленной группой являются скребки - 41 экз. (рис. 4). Такое большое количество скребков на поселении, несомненно, говорит о том, что они играли важную роль в хозяйственной жизни стоянки (Денисов, 1960, с. 34-71). Крупными группами также представлены пластины и отщепы с ретушью, ножи, острия, скобели (рис. 3).

А теперь рассмотрим орудийный набор памятников с накольчатой керамикой.

В коллекции стоянки Чашкинское Озеро IV отмечено 57 орудий (табл. 2). Самой многочисленной группой орудий являются скребки - 14 экз. (рис. 6: 7-21). Крупными группами представлены: ножи, ско-

бели, острия, долотовидные орудия (рис. 5, 6:1-6).

На стоянке Чашкинское Озеро VIII ведущими категориями орудий были ножи и орудия для обработки дерева (тёсла, долота, топоры) в различной степени готовности (табл. 2). Таким образом, стоянка Чашкинское Озеро VIII, предстает перед нами как своеобразный памятник - производственная площадка для изготовления шлифованных орудий. Видимо, со спецификой памятника связаны и особенности в каменном инвентаре, проявляющиеся в наличии большого количества крупных отщепов и заготовок орудий, а также в отсутствии значительного пластинчатого комплекса (рис. 7).

Последними мы рассмотрим памятники, на которых встречается керамика с двумя видами орнаментации - это стоянка Чашкинское Озеро VI и поселение Чернушка (табл. 2).

Самые многочисленные группы орудий на стоянке Чашкинское Озеро VI составляют скребки, скобели, режущие орудия и пластины с ретушью (табл. 2). Значительными группами представлены острия и отщепы с ретушью (рис. 9-11).

На поселение Чернушка найдено 51 орудие. Как видно из таблицы 2 на памятнике присутствуют все категории орудий, соответствующие эпохе неолита: пластины и сечения с ретушью, скребки, орудия с обработанными выемками, режущие орудия, острия и наконечники, долотовидные и тесловидные орудия. Особенностью данного памятника является наличие большого количества пластин с ретушью и следами сработанности (рис. 8).

Таким образом, основной ору-

дийный набор на большинстве неолитических памятников Прикамья, совпадает. Определенные различия в большей степени связаны со спецификой отдельных памятников, нежели с культурными различиями.

Тем не менее, проанализировав каменный материал данных памятников по трем параметрам, мы выделили ряд особенностей характерных для памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой.

Начнем с ряда особенностей, присущих каменному инвентарю памятников с накольчатой керамикой. Одной из них является наличие нуклеусов устойчивых форм (табл. 3). Чаще всего это одноплощадочные нуклеусы, конической и подпризматической формы, с негативами от снятия пластин и пластинчатых отщепов.

Следующей особенностью является преобладание краевой дорсальной ретуши для вторичной обработки каменного инвентаря. Вентральная ретушь встречается только в единичных случаях. Двусторонне обработанные плоской отжимной ретушью орудия на памятниках данной группы не встречены.

Еще одной особенностью каменного инвентаря памятников с накольчатой керамикой является отсутствие в качестве сырья плитчатого кремня.

Что же касается памятников с гребенчатой керамикой, то их главной особенностью будет отщеповая индустрия, а так же использование плитчатого кремня для изготовления орудий. В незначительной степени используются пластины и пластинчатые отщепы. Ведущими категориями орудий являются ножи,

наконечники, скобели и скребки различных форм.

А теперь хотелось бы проанализировать каменный материал памятников, на которых встречена накольчатая и гребенчатая керамика. Это стоянка Чашкинское Озеро VI и поселение Чернушка.

С одной стороны, на данных памятниках присутствуют орудия, изготовленные на плитке, что свойственно памятникам с гребенчатой керамикой. Основным видом орудий являются скребки, причем большей частью концевых форм. Из режущих форм выделяются двусторонне обработанные и шлифованные, характерные для поселений с гребенчатой керамикой. С другой стороны, присутствие достаточного количества пластин и орудий из них, является характерной чертой памятников с накольчатой керамикой.

Подводя итоги характеристике каменной индустрии памятников, следует отметить, что каменная индустрия поселения Чашкинское Озеро VI и поселения Чернушка сочетают в себе как орудия, характерные для памятников с гребенчатой керамикой, так и орудия, характерные для комплексов с накольчатой керамикой. В частности, с гребенчатым комплексом можно связать значительное количество орудий на отщепах и плитках с бифасиальной обработкой. К накольчатому же комплексу относятся изделия, изготовленные на правильных узких и средних пластинах с краевой односторонней, преимущественно дорсальной, ретушью.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на выделенные нами различия, разница в каменном инвентаре отдельных групп памятни-

ков незначительна. Это может свидетельствовать о том, что пришлое население очень быстро переняло традиции изготовления каменных орудий у местного. Отщеповая индустрия сохраняется довольно долго, что и находит свое отражение на памятнике эпохи энеолита - Чашкинское Озеро I. Материальная сфера изменяется и приспособляется к новой жизни гораздо быстрее, чем духовная культура. Поэтому различия в орнаментации кера-

мики сохраняются дольше, чем способы изготовления орудий из камня.

Сравнение обеих индустрий показывает, что, не смотря на различия в обработке камня и традиции изготовления орудий, номенклатура орудийного набора практически совпадает. Это может свидетельствовать о схожести хозяйственной деятельности обеих групп населения.

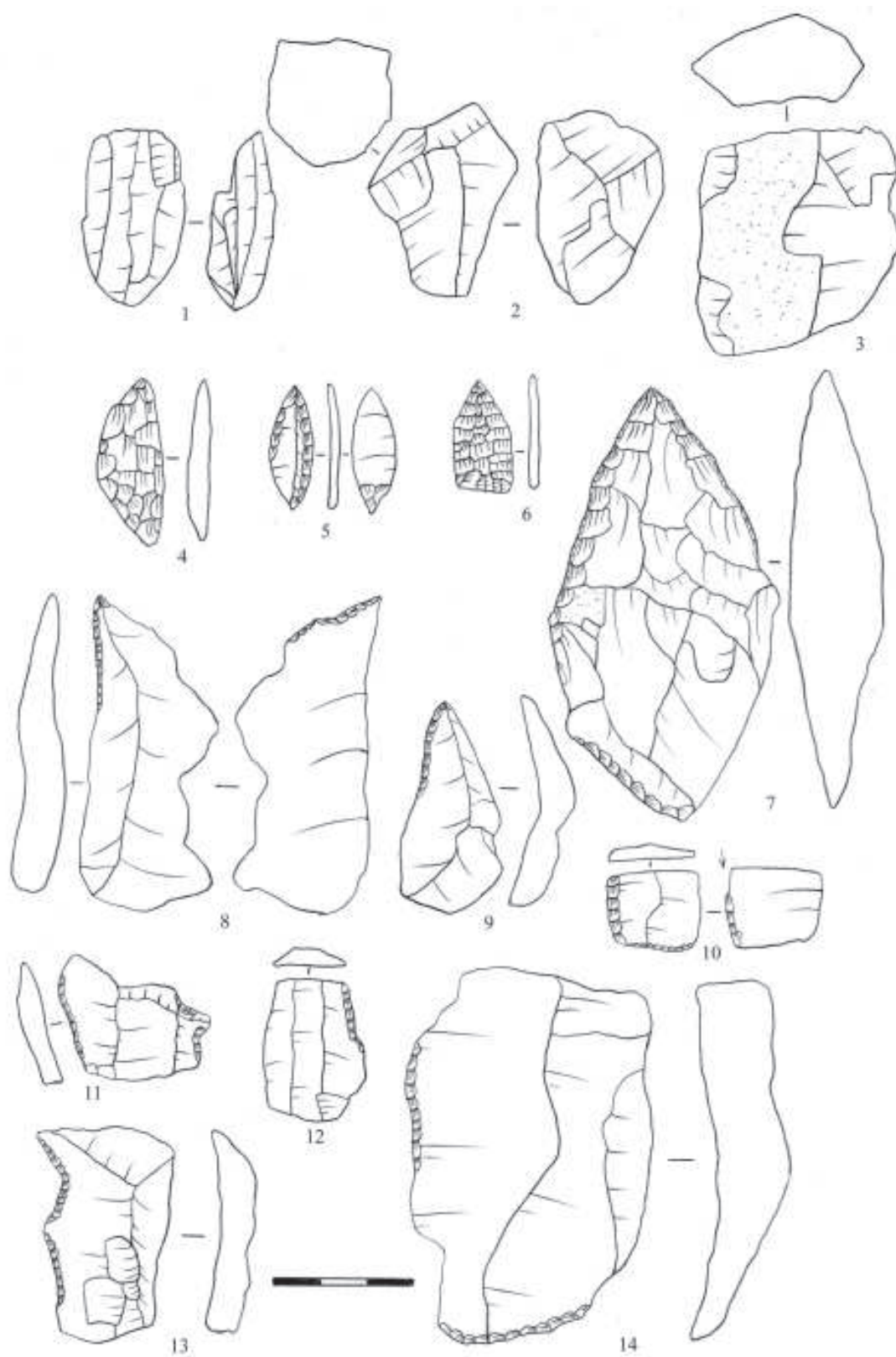

Рис. 1. Стоянка Чашкинское Озеро I. Каменный инвентарь

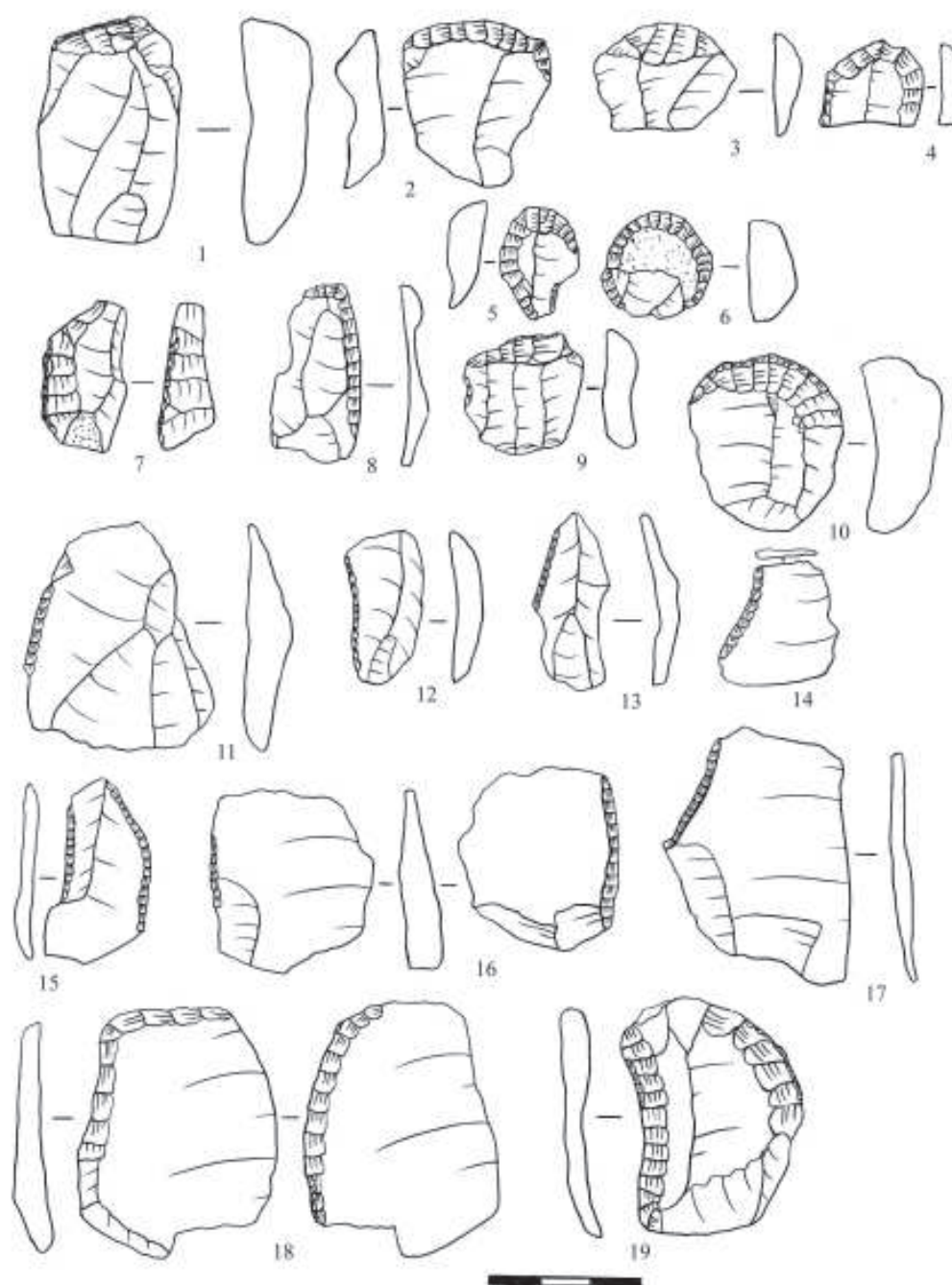

Рис. 2. Стоянка Чашкинское Озеро I. Каменный инвентарь

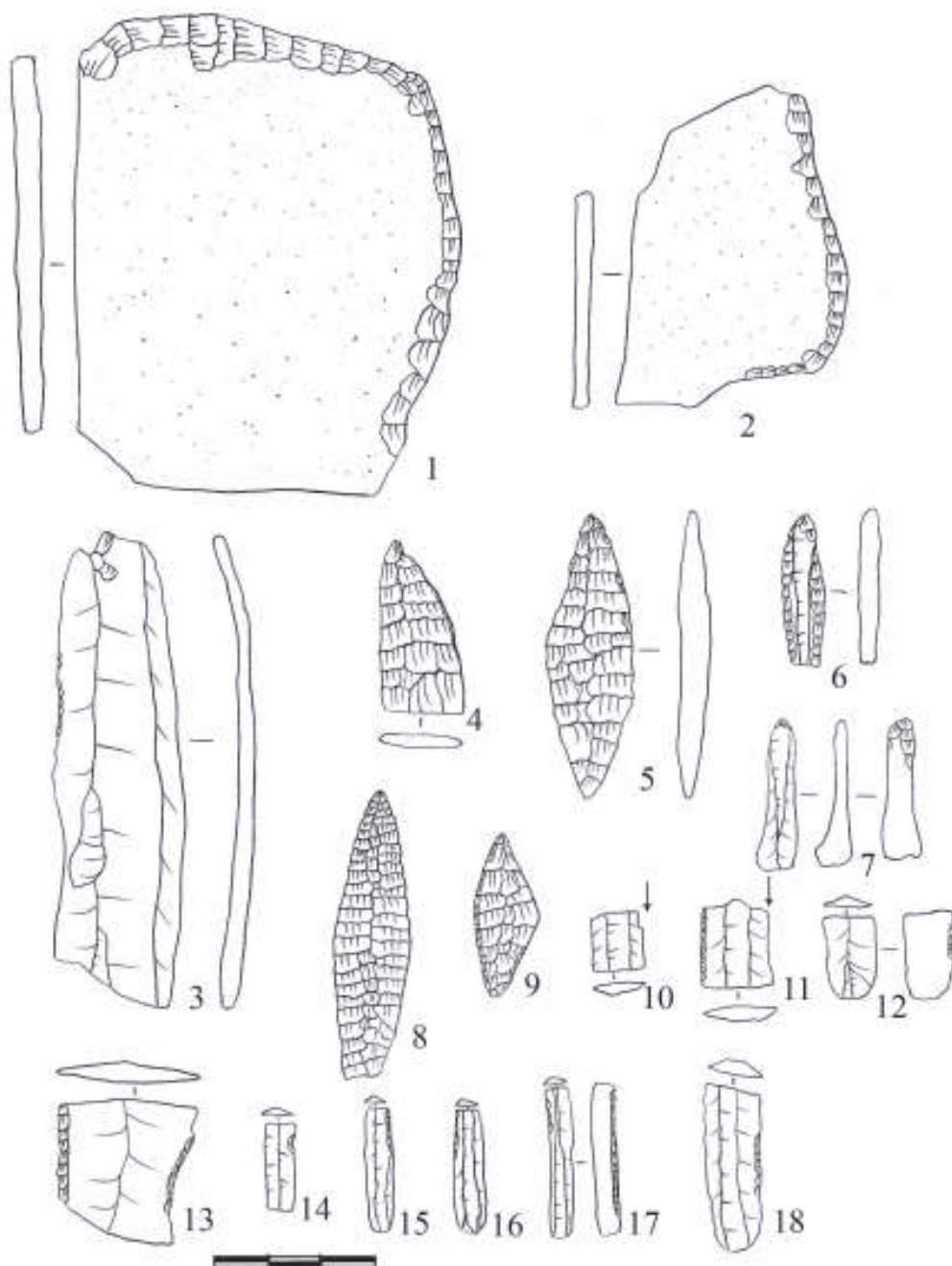

Рис. 3. Стоянка Хуторская. Каменный инвентарь

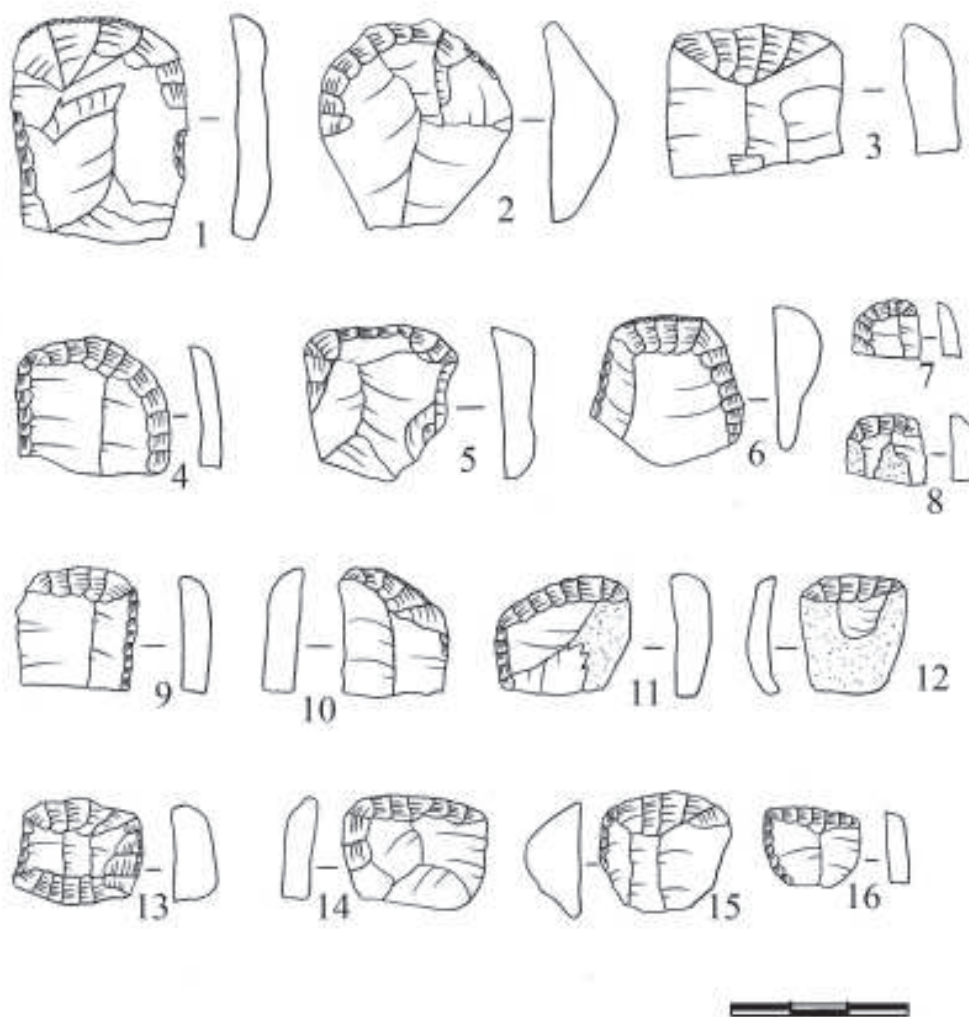

Рис. 4. Стоянка Хуторская. Скребки

Рис. 5. Стоянка Чашкинское Озеро IV. Каменный инвентарь

Рис. 6. Стоянка Чашкинское Озеро IV. Ножи и скребки

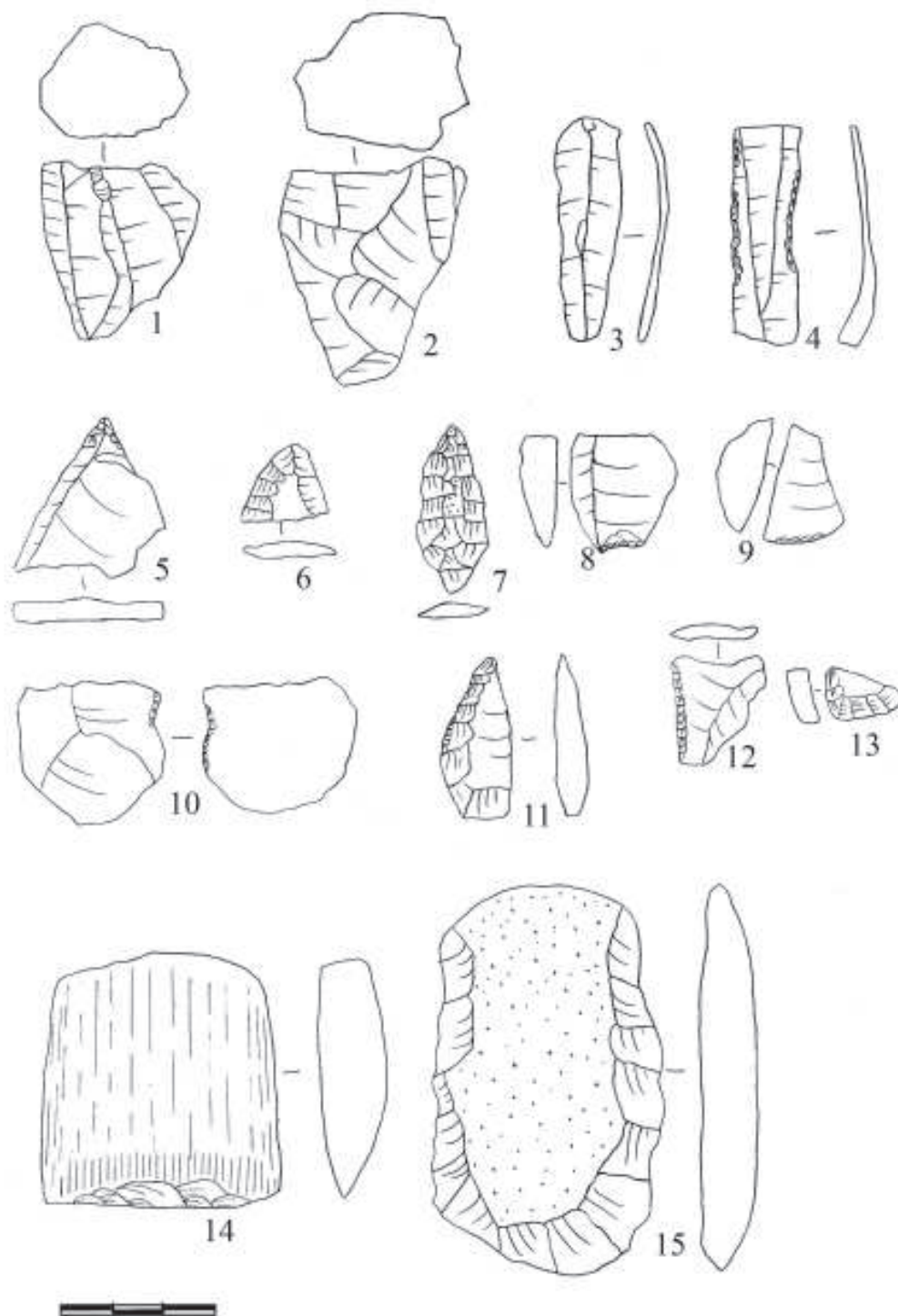

Рис. 7. Стоянка Чашкинское Озеро VIII. Каменный инвентарь

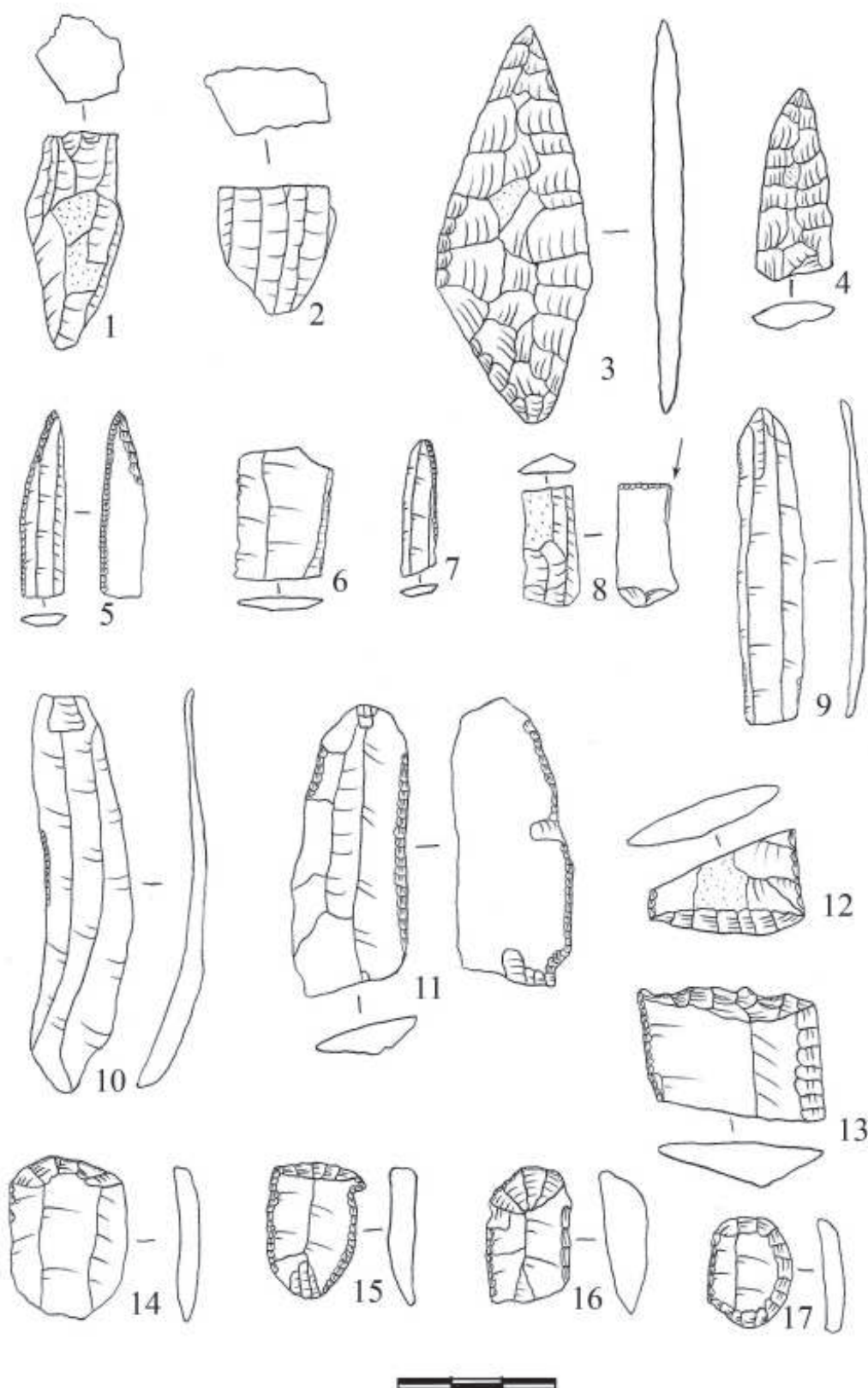

Рис. 8. Стоянка Чернушка. Каменный инвентарь

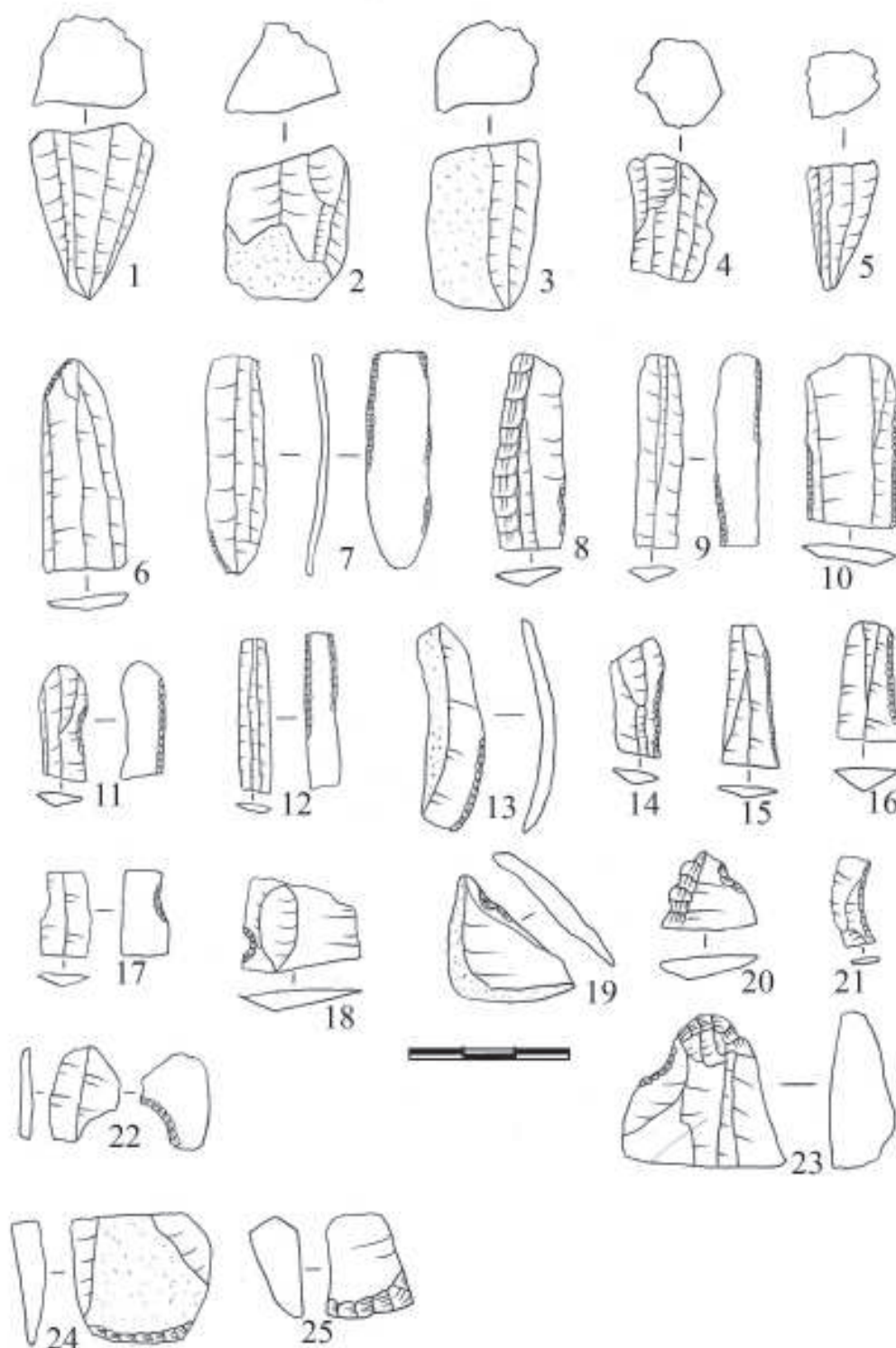

Рис. 9. Стоянка Чашкинское Озеро VI. Каменный инвентарь

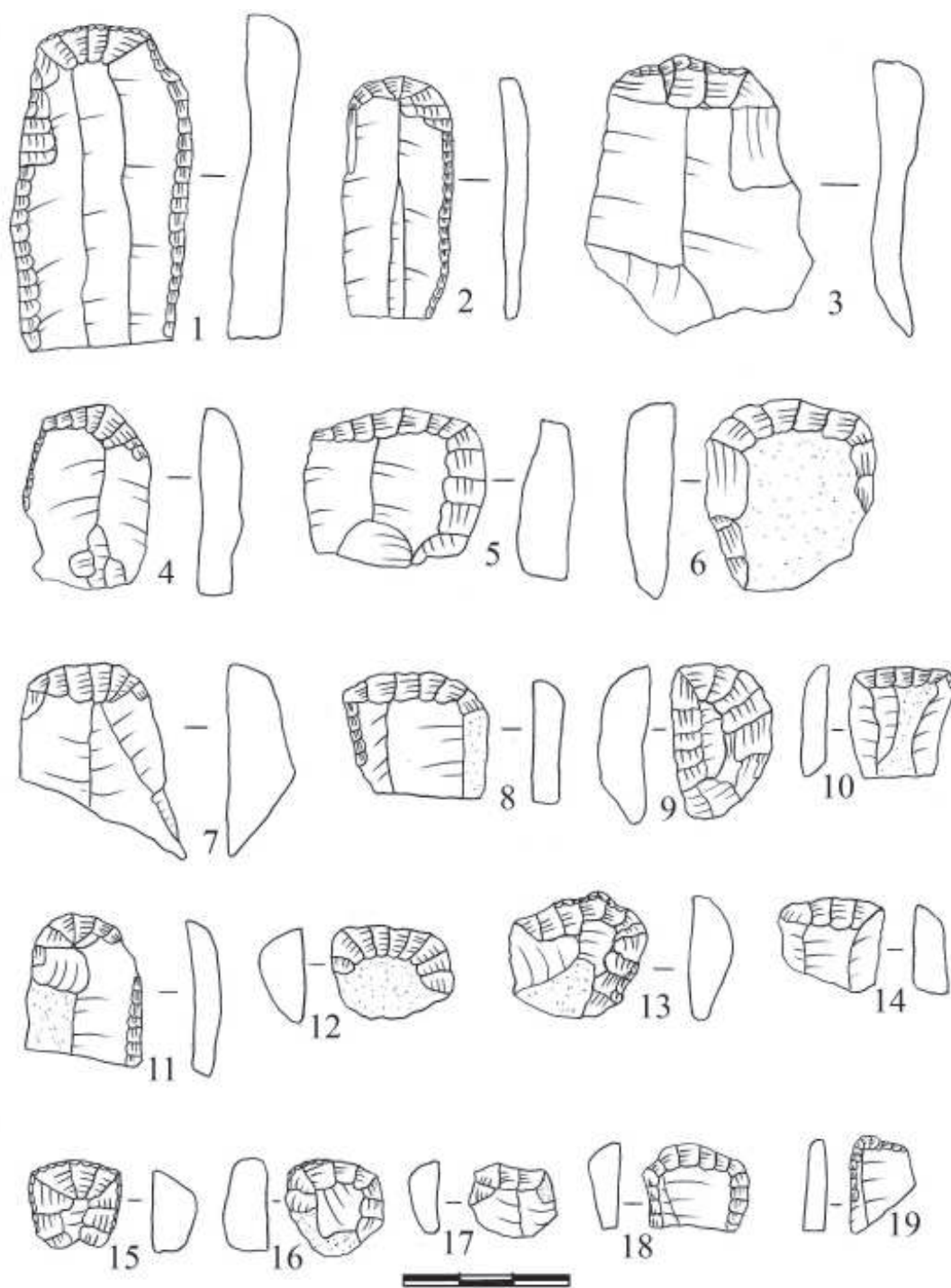

Рис. 10. Стоянка Чашкинское Озеро VI. Скребки

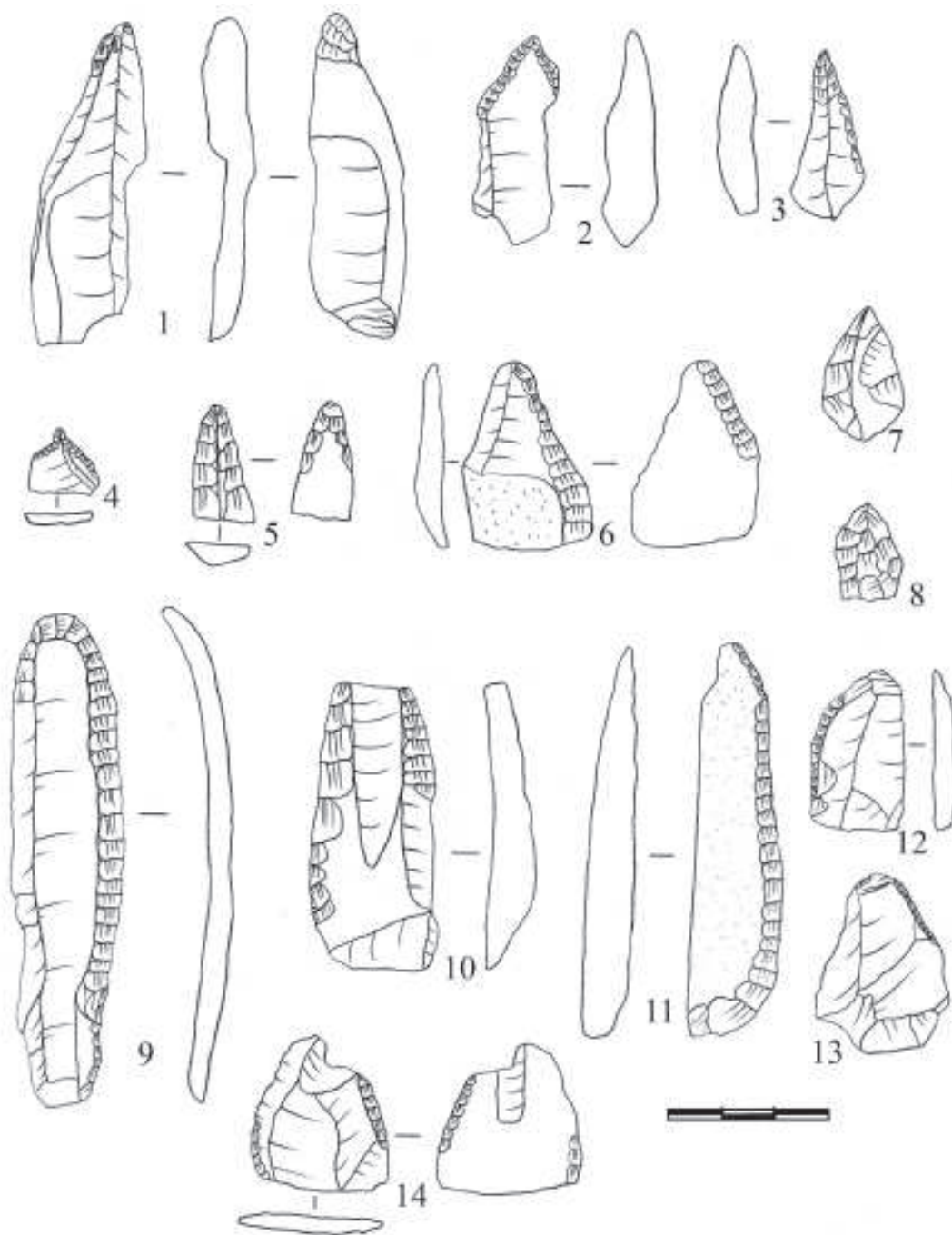

Рис. 11. Стоянка Чашкинское Озеро VI. Острия и ножи.

**А.М.Жульников
ПЛОСКОСТНЫЕ
ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИКЕ
В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И
ЗАУРАЛЬЯ**

Сосуды с зооморфными и антропоморфными изображениями являются сравнительно немногочисленной категорией находок на древних поселениях Восточной Европы и Зауралья, однако вряд ли можно сомневаться в их значимости не только для реконструкции мировоззрения первобытных людей, но и для изучения процессов межкультурного взаимодействия.

Плоскостным зооморфным и антропоморфным изображениям на керамической посуде эпохи неолита и бронзы со стоянок Восточной Европы и Зауралья посвящен ряд обобщающих работ, в которых рассмотрены вопросы о датировке, культурной принадлежности и, отчасти, семантике зооморфного и антропоморфного декора (Edgren, 1967; Гурина, 1972; Мошинская, 1976; Ошибкина, 1980; Чаиркина, 2005; Кашина, 2006; Клементьева, 2006; Ковалева, Зырянова, 2007).

П.Н.Третьяков и Н.Н.Гурина обратили внимание на совпадение территории распространения орнитоморфных изображений на керамике с областью расселения финно-угров (Третьяков, 1966. С. 59; Гурина, 1972. С. 45) и поставили вопрос о причинах этого явления. По мнению В.И.Мошинской в перво-

бытную эпоху имело место воздействие со стороны Зауралья на развитие зооморфного декора более западных культур (Мошинская, 1976. С. 31-32).

В рамках данного исследования основная задача анализа плоскостных фигур на сосудах состоит во всестороннем рассмотрении данного явления в хронологическом и пространственном отношении, в контексте связей древнего населения Восточной Европы и Зауралья. Отчасти облегчает решение этой задачи связь изображений с сосудами, для многих из которых может быть установлена принадлежность к тому или иному типу керамики. При определении направлений взаимодействия, устанавливаемых на основании сходства плоскостных изображений на керамической посуде, учитывались данные по динамике распространения типов керамики, с которыми связаны фигуры на сосудах.

Малочисленность сосудов с изображениями в первобытной культуре свидетельствует о том, что они изготавливались и использовались древними людьми лишь изредка, скорее всего, во время так называемых окказиональных ритуалов. Этим отчасти объясняется, что целый ряд изображений выполнен на внутренней стороне сосуда. Так как изображения на сосудах создавались редко и только по особым случаям, то это зачастую, приводило к угасанию традиции, что, в свою очередь, обусловило единичность некоторых типов плоскостных изображений и композиций из них.

Изображения следов животных на керамике, являющихся, как известно, в мифологических представ-

лениях народов мира субститутами живых существ, анализируются в данной работе как гомологичные зооморфным фигурам. Это отчасти подтверждается сходством композиций из следов и фигур птиц на посуде эпохи неолита - в виде одной или нескольких цепочек, опоясывающих сосудов параллельно венчику.

Далеко не все фигуры, определяемые исследователями на плоскостные зооморфные изображения (змеи, копытные, птицы) из-за фрагментарности сосудов (Гаврилова, 1972. Рис. 35, 1, 3; Журавлев, 1991. Рис. 94, 2-14, 16-17; Никитин, 1996. Рис. 75, 5, 13, 15) могут быть признаны достоверными, поэтому они не рассматриваются в данной работе.

В настоящее время на территории Финляндии, Белоруссии, юго-восточной части Прибалтики и северо-западных регионов европейской части России найдено около 40 неолитических и энеолитических сосудов с орнитоморфными изображениями. Примерно половина их происходит с территории Финляндии и Карельского перешейка. Древнейшее на Севере Европы изображение птицы на глиняном сосуде найдено на территории Финляндии на стоянке Киикарусниemi. Сосуд относится к ранней фазе типичной гребенчатой керамики Финляндии, что подтверждается и имеющейся радиоуглеродной датировки стоянки - 6150 ± 110 (Hel-1750) (Niemiinen, Ruonavaara, 1984. P. 11).

Сосуды с антропоморфными фигурами на нео-энеолитической керамике Восточной Европы встречаются реже, чем с орнитоморфными. По данным автора насчитывается 13 сосудов с подобными изображе-

ниями (Финляндия - 2, Беларусь - 2, Литва - 2, Латвия - 1, Карелия - 1 (?), Новгородская обл. - 1, Вологодская обл. - 1, Среднее Поволжье - 3). Изображение на раннеэнеолитическом сосуде с поселения Звидзе (Лозе, 1983) относится к рубежу V-IV тыс. до н. э. (Лозе, 1988). Сосуды с накольчатой орнаментацией и антропоморфными фигурами на плоском доннышке со стоянок Среднего Поволжья датируются IV тыс. до н. э. (Никитин, 1996. С. 101). Остальная часть сосудов с антропоморфными фигурами датируется в пределах III тыс. до н. э. (здесь и далее по тексту - некалиброванные даты).

На территории Восточной Европы известно два сосуда с изображениями копытных животных - оба энеолитического времени (Никитин, 1996. Рис. 75, 4; Бадер, Соколова, 1953. Рис. 16, 8) и два неолитических сосуда, на которых имеются фигуры, похожие на изображения дерева (Журавлев, 1991. Рис. 101; Никитин, 1996. Рис. 35).

Керамическая посуда с плоскостными изображениями относительно многочисленна и на территории Зауралья и Южного Урала, где найдено около 30 сосудов с орнитоморфным декором (Клементьева, 2006), наиболее ранние из которых относятся к энеолиту (Чайкина, 2005. С. 240). Изредка на территории Зауралья встречаются сосуды с антропоморфными фигурами, изображениями копытных и змей (Чайкина, 2005; Ковалева, Зырянова, 2007). Наиболее ранними, видимо, являются антропоморфные фигуры на неолитической боборыкинской керамике, датируемой IV тыс. до н.э. (Ковалева, Шилов, 2002. С. 121).

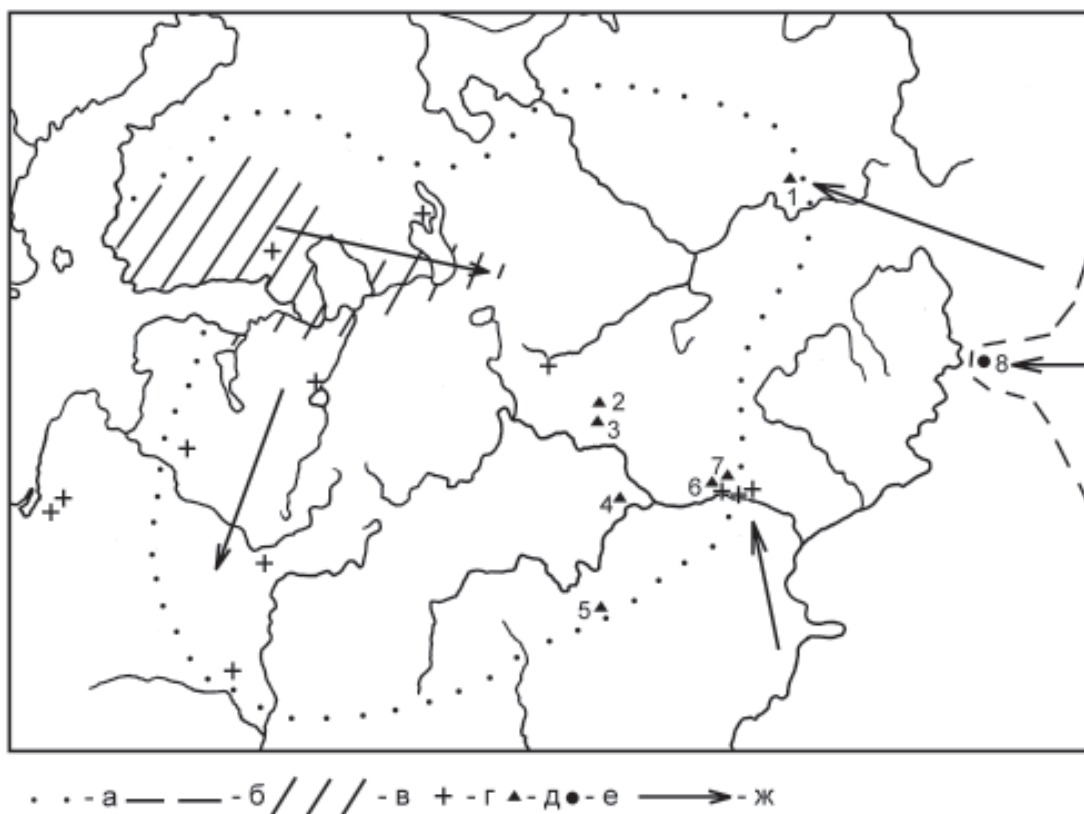

Рис. 1. Распространение плоскостных изображений на неолитической и энеолитической керамике лесной полосы Восточной Европы.

а - граница распространения орнитоморфных фигур, б - граница распространения сосудов с фризами из фигур копытных животных, в - территория, где найдены изображения водоплавающих птиц с обозначенным крылом (в виде одного - двух наклонных оттисков гребенчатого штампа), г - антропоморфные изображения, д - изображения в виде отпечатков птичьей лапы, е - сосуд с изображением птицы и копытных животных, ж - предполагаемые направления распространения традиции.

1 - Вис I, 2 - Умиление II, 3 - Федоровское, 4 - Володары, 5 - Имерка VIII, 6 - Ахмыловское II, 7 - Баркужерское III, 8 - Бор III

Имеющиеся хронологические различия между наиболее ранними орнитоморфными изображениями Восточной Европы и Зауралья, с учетом имеющегося пространственного разрыва в ареалах распространения нео-энеолитических орнитоморфных фигур (рис. 1), позволяют предполагать конвергентное происхождение данного образа в западных и восточных регионах его распространения.

Картографирование неолитических орнитоморфных изображений показало, что наиболее ранние

из них располагаются в западной части ареала их распространения в Восточной Европе - в южной части территории Финляндии и Верхнем Поволжье. В позднем неолите ареал распространения орнитоморфных фигур существенно расширился, охватывая в основном области распространения гребенчато-ямочной (прибалтийской) и ромбоямочной керамики. Особо выделяется локальная территория, где найдены сосуды с фигурами водоплавающих птиц с крылом, обозначенным одним - двумя наклонными оттис-

ками гребенчатого штампа (Жульников, Кашина, 2010. Рис. 3, 2, 3). Эти изображения связаны с керамикой только одного типа - гребенчато-ямочной (прибалтийской) и, видимо, маркируют круг брачных связей определенной группы населения восточнобалтийского региона (рис. 1).

При изучении особенностей неолитических и энеолитических орнитоморфных фигур и их размещения на сосудах выявились некоторые иные региональные отличия. Так на неолитической керамике Восточной Европы фигуры птиц размещены на сосудах в виде однорядного фриза, в основном у венчика, или, изредка, в шахматном порядке по всей окружности сосуда (Жульников, Кашина, 2010, С. 10). На зауральских энеолитических сосудах, напротив, имеются композиции из нескольких рядов орнитоморфных фигур, отделенных друг от друга горизонтальными полосами из оттисков гребенки (рис. 2, 5). Именно такой сосуд был найден на стоянке Вис II в бассейне р.Вычегда - у восточной границы ареала распространения орнитоморфных изображений Восточной Европы (рис. 2, 4). Данный сосуд напоминает посуду чужьяельскую типа, датируемую первой половиной III тыс. до н.э. Предполагается, что развитие керамики этого типа происходило при активном взаимодействии с зауральскими культурами (Стоколос, 1988. С. 55). Этот вывод подтверждается и данными изучения плоскостных изображений на керамике.

Отпечатки в виде птичьей лапки известны только на позднеолитической и энеолитической посуде в восточной части основного аре-

ала распространения орнитоморфных образов на керамике Восточной Европы (рис. 1).

Особо следует выделить сходство антропоморфных фигур на плоских доньшках накольчатой керамики Среднего Поволжья (рис. 2, 1, 2) и боборыкинской керамики Среднего Зауралья (рис. 2, 3). По мнению ряда исследователей население с боборыкинской керамикой является на территории Зауралья пришлым, предположительно с территории Кавказского Причерноморья. Предполагается, что население боборыкинской культуры привнесло в среду лесных охотников мифологические образы, сформировавшиеся в среде скотоводов и земледельцев (Ковалева, Шилов, 2002. С. 120-121). В.В.Никитин также полагает, что население с плоскодонной накольчатой керамикой появляется в Среднем Поволжье в результате миграции скотоводческого населения с юга - степных и лесостепных районов Подонья (Никитин, 1996. С. 107). Таким образом, в эпоху неолита население некоторых южных районов лесной полосы Восточной Европы и Зауралья впервые могло столкнуться с племенами, являвшихся носителями иного хозяйственно-культурного типа, другого мировоззрения и особой изобразительной традиции.

Для понимания особенностей взаимодействия Прикамского и Зауральского населения важное значение имеет находка на стоянке Бор III сосуда, на котором имеется фриз из фигур копытных животных, выше которого имеется одиночное (?) изображение, видимо, водоплавающей птицы (рис. 2, 6) (Бадер, Соколова, 1953. Рис. 16, 8). По ряду особенно-

Рис. 2. Сходство в типах некоторых фигур и композиций на керамике неолита, энеолита и бронзы Восточной Европы и Зауралья.

1, 2 - Отарское VI, Нижняя Стрелка IV (Никитин, 1996. Рис. 35), 3 - Пикушка I (Ковалева, Шилов, 2002. Рис. 1, 1), 4 - Вис II (Буров, 1967. Табл. IX, 11, 12), 5 - Аятское Правобережное (Чаиркина, 2005. Рис. 63, 11), 6 - Бор III (Бадер, Соколова, 1953. Рис. 16, 8), 7 - 9 - Амня I, Коптяки IX, Карасье Озеро (Чаиркина, 2005. Рис. 65, 4, 7, 8), 10 - Лопью (Буров, 1965. Рис. 2, 1), 11 - поздняяковская керамика (Бадер, Попова, 1987. Рис. 71), 12 - Вёкса, 13 - Макуша III (Чаиркина, 2005. Рис. 54), 14 - Конецбор I (Канивец, 1974. Рис. 21, 1), 15 - 17 - Самусь IV (15 - сланец, 16 - 17 - керамика) (Есин, 2009. Рис. 36), 18 - Бож-ты (Косинская, 2001. Рис. 1), 19, 20 - Самусь IV (Есин, 2009. Табл. 1, 1, 2)

стей орнаментации этот сосуд может быть отнесен к борскому этапу гаринско-борской культуры. С другой стороны, композиция в виде фриза из фигур копытных для восточноевропейской керамики не характерна, зато представлена на аятской и иной энеолитической посуде Зауралья (Мошинская, 1972. С. 60-61; Чаиркина, 2005. С. 247 - 250). Показательно, что наряду с изображениями копытных животных с обозначенными ногами (рис. 2, 8, 9), на зауральской посуде имеются фигуры, у которых, как и на сосуде со стоянки Бор III, ноги не изображены (рис. 2, 7). В связи с тем, что фигуры на сосуде со стоянки Бор III находят определенные аналогии в зауральской керамике, стоит обратить внимание на наличие на многих стоянках гаринско-борской культуры посуды зауральского происхождения (Бадер, 1961. С. 28). Керамика зауральского происхождения на гаринско-борских памятниках относительно малочисленна и не образует самостоятельных комплексов, поэтому ее происхождение в бассейне Камы явно связано не с миграцией зауральских племен, а с брачными связями населения Прикамья и Зауралья. Одним из последствий этих связей, видимо, и явилось появление на борском сосуде фриза из копытных животных, относящегося к зауральской (аятской - ?) культурной традиции.

Подавляющая часть остальных немногочисленных энеолитических плоскостных орнитоморфных и антропоморфных изображений на сосудах с поселений Восточной Европы выполнена настолько своеобразно (Смирнов, 1941; Edgren, 1967. Abb. 4; Никитин, 1996. Рис. 75, 1, 4,

7, 9, 10; Кашина, 2006. Рис. 1, 2), что нет оснований предполагать какое-либо инокультурное влияние из-за пределов того или иного региона на иконографию этих образов.

Существенные изменения в стиле изображений и, отчасти, наборе образов, связанных с керамикой, происходят на территории лесной полосы Восточной Европы в начале эпохи бронзы - первой половине II тыс. до н. э.

На тулове одного из сосудов фатьяноидного типа с поселения Вёкса, относящегося ко второй четверти II тыс. до н. э., имеется оригинальная композиция. Она состоит из горизонтальных рядов оттисков гребенки, поставленной под углом, между которыми находится ряд из треугольников, расположенных вершинами вверх. В пустом пространстве между треугольниками размещена сдвоенная зигзагообразная линия, утончающаяся в нижней части. Эта линия, соединяющая нижний и верхний горизонтальный ряды, напоминает изображение змеи или, скорее, молнии (рис. 2, 12). Аналогичным образом интерпретируются исследователями сходные композиции на энеолитической керамике Зауралья (Ковалева, 2002. С. 18; Викторова, 2002; 2004. С. 171) (рис. 2, 13). Зооморфные изображения на фатьяноидной керамике немногочисленны и локализуются на территории между верховьями реки Сухона и Волго-Окским междуречьем (рис. 3). Репертуар образов на фатьяноидной керамике весьма специфичен: на двух сосудах этого типа с Галичской стоянки и Кухмарского могильника зафиксированы фигуры рыб (Крайнов, 1962; Кольцов, 1971), на сосудах с посе-

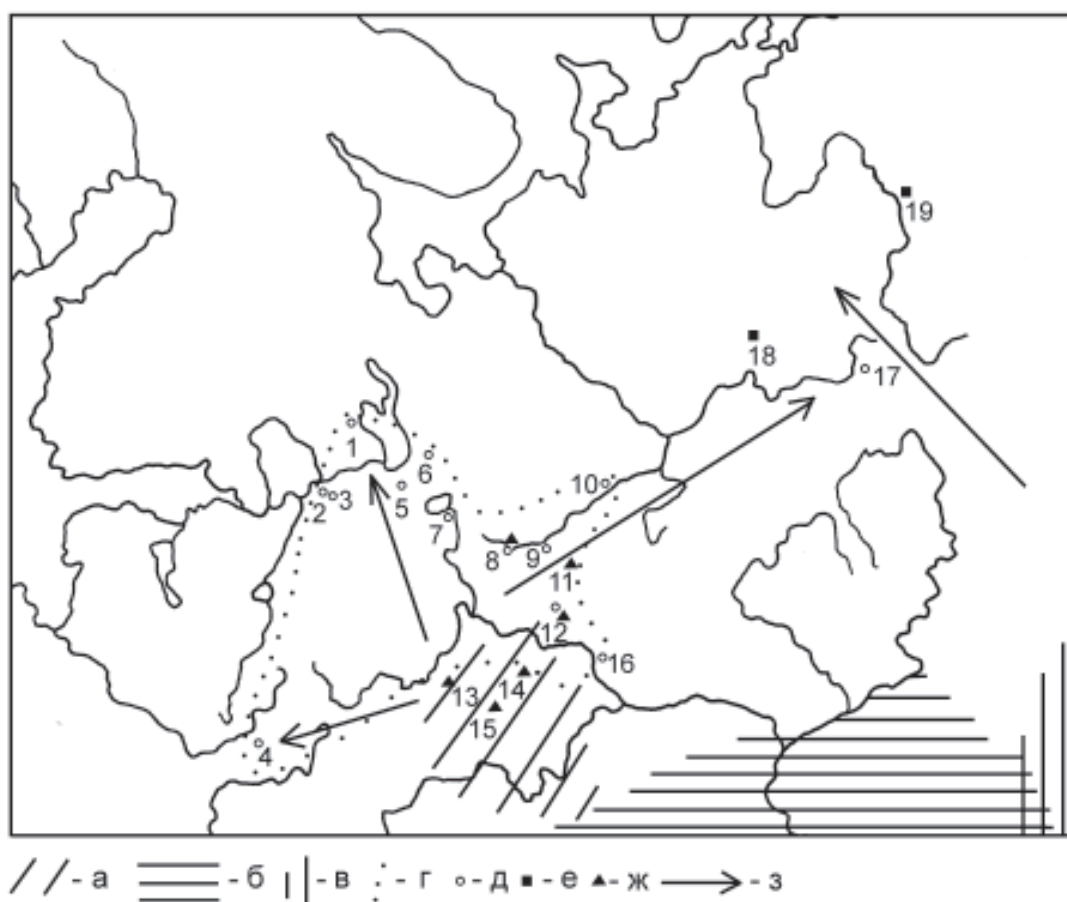

Рис. 3. Распространение плоскостных изображений на керамике эпохи бронзы лесной полосы Восточной Европы.

а - территория поздняяковской культуры, б - северная часть территории срубной культуры, в - западная часть территории андроновской общности, г - граница распространения сетчатой керамики со стилизованными орнитоморфными мотивами, д - памятники с сетчатой керамикой, где найдены сосуды с плоскостными изображениями, е - памятники, где найдены сосуды с плоскостными изображениями самусьского облика, ж - памятники с изображениями на фатьяноидной керамике, з - предполагаемые направления распространения некоторых типов изображений на керамике эпохи бронзы.

1 - Суна VI, 2 - Усть-Рыбейна II, 3 - Новая Деревня II, 4 - Сертея II, 5 - Илекса (на Куштозеро), 6 - Кемское III, 7 - Белозерская, 8 - Вёкса, 9 - Усть-Шингарь II, 10 - Березовая Слободка 2 - 3, 11 - Галичская, 12 - Федоровская, 13 - Кухмарский могильник, 14 - Сахтыш I, 15 - Воймежное I, 16 - Сокольское II, 17 - Лопью, 18 - Бож-ты, 19 - Концебор I

лений Федоровское и Воймежное I имеются стилизованные изображения змеи (Гаврилова, 1972; Воронин, 1997. Рис. 85). Фигуры змей и рыбы на этих сосудах ориентированы параллельно краю венчика. В трех случаях изображения змеи и рыб нанесены на внутренней стороне сосуда, что возможно связано с представлениями древних людей о

связи данных образов с нижним миром. О возможном проникновении на рубеже энеолита и бронзы каких-то групп зауральского населения на запад, свидетельствуют серии из сосудов валиковой керамики, представленные на ряде стоянок Среднего Поволжья (Соловьев, 2000. С. 124).

Образы змеи и рыбы объеди-

няет то, что они в мифологии народов Севера Евразии являются существами, связанными с нижним миром. Здесь намечается их семантическая параллель с набором предметов известного Галичского клада, где многочисленны фигуры животных "хтонического мира". Этот клад, вполне обоснованно, связывается с памятниками сейминско-турбинского типа (Студзицкая, Кузьминых, 2001), что также подтверждает предположение о связи изображений змей на фатьяноидной керамике с зауральской традицией.

Единичный сосуд с однорядным фризом из реалистических фигур водоплавающих птиц на фатьяноидном сосуде со стоянки Сахтыш I (Китицына, 1976. Рис. 1) свидетельствует, видимо, о сохранении населением с этой керамикой определенных волосовских традиций.

На одном из сосудов лебяжского типа, найденном на стоянке Конецбор I в бассейне реки Печора, имеется изображение, которое интерпретируется В.И.Канивцом как антропоморфная личина (Канивец, 1974. С. 42) (рис. 2, 14). По прочерченной технике и некоторым особенностям самого изображения, оно имеет аналогии среди некоторых антропоморфных изображений самумьской культуры (рис. 2, 15-17), что, позволило В.С.Стоколосу высказать предположение о возможном привнесении отдельных элементов зауральского искусства в среду культур Северного Приуралья (Стоколос, 1988. С. 150). По мнению В.С.Стоколоса, возможность зауральского влияния на лебяжскую керамику подтверждается хронологической близостью самумьской, атаманнюрской и, отчасти, лебяж-

ской керамики, пограничным расположением лебяжской (бассейн Вычегды и Печоры) и атаманнюрской культур (бассейн Печоры) (Стоколос, 1988. С.152-156). В бассейне р. Вычегда имеется и другая находка, подтверждающие наличие зауральского влияния на керамику эпохи бронзы Северо-Востока Европы - на стоянке Бож-ты, исследованной Л.Л.Косинской на реке Вымь, был найден плоскодонный сосуд эпохи бронзы, напоминающий по форме атаманнюрскую посуду бассейна Печоры (Косинская, 2001). Сохранившаяся часть композиции на тулове сосуда состоит из двух фигур лебедей, расположенных головами напротив друг друга (рис. 2, 18). Между фигурами лебедей находится вертикальная зигзагообразная линия. Зигзагообразная линия, по мнению Л.Л.Косинской, напоминает изображение змеи. Композиция из фигур лебедей и змеи обрамлена сверху и снизу поясами из горизонтальных и вертикальных линий, геометрических мотивов. Сложный орнамент, состоящий из геометрических фигур и зигзагов, имеется и на дне сосуда (снаружи и внутри). По своей структуре и "космогоническому" характеру композиция на сосуде с поселения Бож-ты сходна с изображениями на некоторых самумьских сосудах. На одном из самумьских сосудов в качестве вертикали, соединяющей сферы мироздания, изображена антропоморфная фигура (рис. 2, 19). По обе стороны от столбообразной антропоморфной фигуры находятся изображения водоплавающих птиц. Сходным образом построена композиция и на другом самумьском сосуде (рис. 2, 20). Подобные композиции, состоящие

из вертикальных изображений дерева, змея, антропоморфной фигуры, столпа и т. п., с двух сторон от которых располагаются симметричные изображения животных, имеются во многих культурных традициях. Все они представляют собой один из относительно поздних вариантов изображения структуры Вселенной (Топоров, 1997).

Примерно в середине II тыс. до н.э. на керамике поселений юго-западной части бассейна Белого моря, южной части бассейна Онежского озера и на территории Верхней Волги появляются композиции из зигзагов, напоминающих стилизованные изображения водоплавающей птицы (Гурина, 1972. Рис. 11; Ошибкина, 1980. Рис. 1, 2; Гаджиалиева, 1999. Рис. 2, 4). Стилизованные композиции из орнитоморфных зигзагов на сетчатой керамике, имеют многочисленные параллели в орнаменте ряда народов Севера Восточной Европы и Западной Сибири и определяются современным населением Сибири именно как изображения водоплавающей птицы (Иванов, 1963. С. 383-385).

Подавляющая часть сосудов с орнитоморфными зигзагами с территории бассейна Белого моря и Онежского озера, а также Верхней Волги по своим признакам может быть отнесена к сетчатой керамике эпохи бронзы. Сетчатые сосуды с зигзагами в виде "утки" не только определенным образом локализованы на территории Севера Европы (рис. 3), но и имеют параллели в орнаментации поздняяковской керамики. Эти данные, несмотря на некоторые сомнения в орнитоморфном характере рассматриваемых фигур, позволяют использовать их при ре-

шении проблемы определения характера взаимодействия населения эпохи бронзы Южного Прибеломорья и Волго-Окского междуречья. Комплексы сетчатой керамики с ямочно-гребенчатым стилем орнаментации, с которыми связаны сосуды со стилизованными изображениями водоплавающей птицы, являются наиболее ранними среди памятников этого типа. Подобная керамика (с фатьяноидными формами посуды), отсутствует на территории Финляндии, Северной Карелии и на побережье Белого моря, где имеется только поздняя сетчатая керамика. Судя по этим данным, традиция орнаментации сосудов орнитоморфными зигзагами, возникнув на стадии ранней сетчатой керамики, видимо, сравнительно быстро угасла. Относительная синхронность ранней поздняяковской и ранней сетчатой керамики, территориальная близость памятников этих культур, наличие в орнаментации и формах сосудов ранней сетчатой керамики признаков влияния поздняяковской, дают основание предположить, что орнамент в виде орнитоморфных зигзагов на памятниках эпохи бронзы южной части бассейна Белого моря и Онежского озера появился под влиянием населения с поздняяковской керамикой. Контакты населения этих двух культур, судя по отсутствию на левобережье Волги поздняяковских могильников, видимо, активно происходили на пограничной территории Волго-Окского междуречья. На севере мода на редуцированный орнитоморфный орнамент распространилась, вероятно, уже по линии брачных связей внутри групп населения с сетчатой керамикой. Следует от-

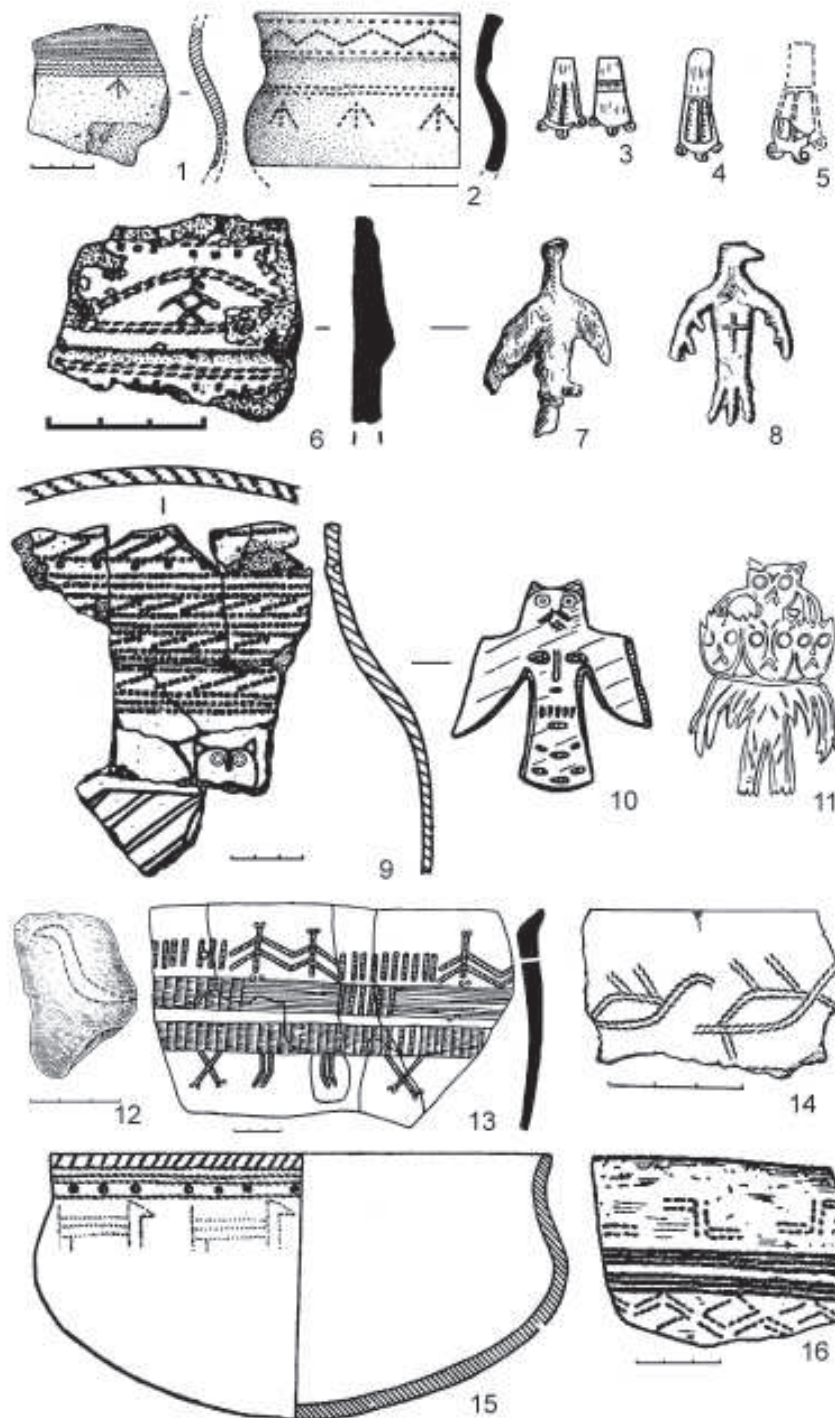

Рис. 4. Основные варианты плоскостных изображений на керамике эпохи раннего железа лесной полосы Восточной Европы и аналогии им в теревтике.

1 - Вис II (Буров, 1967. Табл. XXV, 6), 2 - Перный (Канивец, 1974. Рис. 53, 7), 3 - 5 - Илекса III (Косменко, 1993. Рис. 30, 6-8), 6 - Угдым II (Королев, 2002. Рис. 5, 10), 7 - Зуевский могильник (Збруева, 1952. Табл. IV, 6), 8 - Барсов Городок (Челякин, 2002. Рис. 6, 1), 9 - Борганьель I (Ашихмина, 1985. Рис. 3, 1), 10 - Уньский клад (Буров, 1992. Рис. 1, 13), 11 - Усть-Язьва (Оборин, 1976. Рис. 3), 12 - Селище (Ошибкина, 1987. Рис. 80, 5), 13 - Кудомы XI (Косменко, 1993. Рис. 36, 2), 14 - Заосиновка I (Мокрушин, 1989. Рис. 1), 15 - Ананьинский могильник (Збруева, 1952. Табл. XIV, 10), 16 - Одоевское городище (Воеводский, 1952. Рис. 7, 1)

метить, что орнитоморфные зигзаги, сходные с поздняяковскими, встречаются в эпоху бронзы на керамике срубной культуры (Отрощенко, Формозов, 1988), андроновской общности Евразийских степей (Гурина, 1972; Молодин, 1985. Рис. 43-46), молчановской культуры Томско-Нарымского Приобья (Косарев, 1974. Рис. 37-42). Появление стилизованных изображений в виде "уточек" следует, видимо, отнести к разряду эпохальных явлений. Появление этой оригинальной композиции на керамике поселений южной части бассейна Белого моря и Верхней Волги свидетельствует об общности некоторых культурных процессов, происходивших в эпоху бронзы у степного, лесостепного и, отчасти, лесного населения Восточной Европы и Зауралья.

Единственное антропоморфное изображение на керамике эпохи бронзы в восточной части бассейна Белого моря (рис. 2, 10) также имеет аналогии в орнаменте на поздняяковской керамике (рис. 2, 11). Население с сетчатой керамикой, с некоторыми поздняяковскими чертами в орнаментации, примерно в середине II тыс. до н.э. начинает продвижение в северном и северо-восточном направлении с территорий, находящихся южнее Ладожского и Онежского озер, южной части бассейна Белого моря. Видимо, с этой миграцией и следует связать появление сосуда с антропоморфным изображением на восточной границе ареала распространения сетчатой керамики.

На керамике начала раннего железного века с поселений Севера Восточной Европы плоскостные изображения встречаются редко

(рис. 4). Единственная композиция из фигур млекопитающих животных, выполненная отпечатками шнура, зафиксирована на сосуде из Ананьинского могильника (рис. 5, 15) (Збруева, 1952. С. 68). Остальные фигуры зооморфные фигуры на керамике эпохи раннего железа являются изображениями птиц или птичьих лап. Большая часть изображений эпохи раннего железа Восточной Европы относится к ананьинской культурной традиции.

На поселении Заосиновка I в Прикамье обнаружен сосуд гляденовского времени, украшенный фигурами взлетающих водоплавающих птиц (уток -?), выполненных оттисками шнура (рис. 5, 14) (Мокрушин, 1989. С. 81-82). Эти фигуры, видимо, имеют конвергентное происхождение, так как они не имеют каких либо аналогий с изображениями, встречающимися на ананьинской посуде.

На стоянке Кудомы XI в западной части бассейна Онежского озера найдено два сосуда керамики типа лууконсаари с орнитоморфными фигурами (рис. 5, 13). Появление этих изображений в этом районе могло быть связано как с брачными связями населения восточной части бассейна Балтийского моря и Верхневолжского бассейна, так и с фиксируемом по керамике проникновению небольших групп ананьинского населения из Верхнего Поволжья в бассейн реки Онеги, а затем - в бассейн Онежского озера (Жульников, 2008) (рис. 4).

В конце эпохи бронзы и в раннем железном веке, наряду с профильными фигурами, появляются фронтальные изображения птиц (рис. 5, 6, 9). Эти изображения по

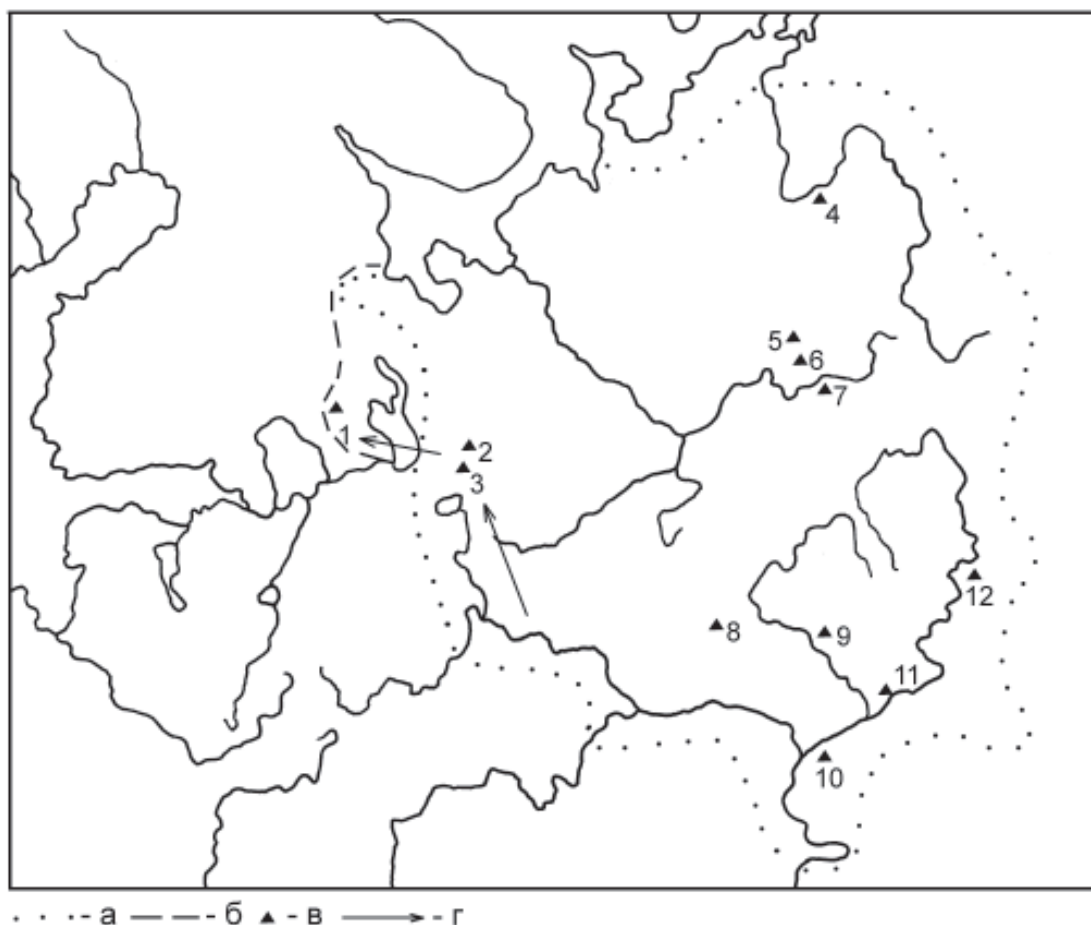

Рис. 5. Распространение плоскостных изображений на керамике эпохи раннего железа лесной полосы Восточной Европы.

а - территория распространения памятников с ананьинской керамикой (три и более сосудов), б - западная граница распространения единичных сосудов ананьинского типа, в - сосуды с плоскостными изображениями на керамике эпохи раннего железа, г - основной путей продвижения населения с ананьинской керамикой с Верхней Волги в бассейн реки Онеги и Онежского озера.

1 - Кудомы XI, 2 - Верхнее Веретье, 3 - Селище, 4 - Перный, 5 - Борганьель I, 6 - Вис II, 7 - Угдым II, 8 - Одоевское Городище, 9 - Курган, 10 - Аргыж, 11 - Ананьинский могильник, 12 - Заосиновка I

своему облику напоминают бронзовые фигурки хищных птиц, известные на многих памятниках эпохи раннего железа Восточной Европы и Зауралья (рис. 5, 7, 8). Так как изображения птиц анфас на сосудах единичны, можно допустить, что они являются подражанием бронзовым фигуркам. Наиболее ранние изображения бронзовых птиц с опущенными крыльями встречены на ананьинских памятниках Прикамья

(Збруева, 1952. Табл. IV, 6), датируемых не ранее VII-VI вв. до н. э., и на памятниках белоярской и иткульской культур Зауралья, датируемых VIII-IV вв. до н. э. (Чемакин, 2002. С. 238).

Фронтальное изображение совы на сосуде со стоянки Борганьель I (рис. 5, 9) относится, видимо, к началу I тыс. до н. э. Аналогии этому изображению имеются в бронзовой пластике Прикамья и Европейско-

го Северо-Востока (рис. 5, 10, 11). О появлении к востоку от Урала изображений хищных птиц на керамике, относящейся еще к эпохе бронзы, свидетельствует сосуд с поселения Тух-Эмтор в Васюганье. Хищная птица - орлан или коршун - изображена анфас на сосуде, имевшем отношение к бронзолитейному производству (Кирюшин, Малолетко, 1979. Рис. 13, 1).

Так как изображения птиц на сосудах эпохи раннего железа Восточной Европы относительно немногочисленны по сравнению с орнитоморфными изделиями из бронзы, то наблюдаемое между ними сходство, является, видимо, следствием влияния теревтики на керамическую посуду. Отдельные бронзовые украшения зауральского происхождения в эпоху раннего железа проникают в Восточную Европу вплоть до бассейна Онежского озера и юго-западной части бассейна Белого моря (Косменко, 1993. Рис. 30, 10; Жульников, 2005. Рис. 156, 5), что связано не с миграциями на запад отдельных групп зауральского населения, а с широкими обменными контактами населения ананьинской общности, в том числе и с зауральскими племенами.

На сосудах раннего железного века меняется вид композиций из фигур в виде отпечатков птичьей лапы. Многие фигуры ориентированы вниз - от края венчика, реже вверх, обрамляя нижнюю или, редко, верхнюю часть основной орнаментальной композиции (рис. 5, 1, 2). Изображения "свисающих" птичьих лапок появляются в южной части бассейна Белого моря на ананьинской посуде, датируемой не позднее VI века до н. э. Все эти изоб-

ражения напоминают бронзовые подвески и нашивки в виде лапчатых привесок и подвесок, которые известны на поселениях и погребальных памятниках пьяноборского времени на территории Восточной Европы (Збруева, 1952. Табл. LII, 11; Генинг, 1970. Табл. XIX, 17; Косменко, 1993. С. 125-128; Башенькин, Васенина, 2004. Рис. 15, 2, 3). Наиболее ранние подвески такого типа появляются в Прикамье не ранее I века до н.э. (Генинг, 1970. С. 93), что не позволяет связать этот тип бронзовых украшений с мотивом в виде свисающих лапок на ананьинской керамике. В этой связи, можно допустить, что на развитие некоторых птичьих образов на керамике эпохи раннего железа могли оказать влияние изображения, выполненные в иной технике и на ином материале (вышивка, аппликация и т.п.). Не исключено и конвергентное происхождение этого мотива на ананьинской керамике, учитывая значение образа водоплавающей птицы в мифологии и материальной культуре финно-угорских народов.

Выводы:

1. Появление плоскостных орнитоморфных и антропоморфных изображений на неолитической и энеолитической керамике отдельных регионов Восточной Европы и Зауралья носило, видимо, в основном конвергентный характер. Антропоморфные изображения на плоских доньшках неолитических сосудов накольчатой керамики Среднего Поволжья и Боборыкинской керамики Среднего Зауралья связаны, видимо, с проникновением в южную часть лесной полосы Восточной Европы и Зауралья некоторых групп

населения из степных или лесостепных районов. Появление в восточной части бассейна Белого моря и в Прикамье единичных сосудов с композициями из плоскостных изображений, имеющих аналогии в орнаментации зауральской энеолитической посуды, связано как с брачными связями, так и, возможно, с миграцией отдельных групп зауральского населения на территорию Северного Приуралья.

2. В начальную эпоху бронзы имело место проникновение в бассейн Волги и Камы с востока групп сейминско-турбинского населения, что могло дать импульс для появления фигур змей на фатьяновидной керамике Верхнего Поволжья и южной части бассейна Белого моря. Впрочем, не исключено, что "восточная" инновация имела место еще в конце эпохи энеолита и была связана с проникновением на запад - в Прикамье и Среднее Поволжье небольших групп населения с валиковой посудой. В эпоху бронзы на территорию Северо-Восточного Приуралья проникает зауральское население с атаманнюрской керамикой, что отразилось в появлении в восточной части бассейна Белого моря и бассейне реки Печоры единичных сосудов с композициями и изображениями, имеющих аналогии в самусьской культуре. Появление редуцированных орнитоморфных изображений на сетчатой керамике Восточной Европы связано с влиянием поздняяковской культуры, родственной ряду лесостеп-

ных культур Евразии, для керамики которых обычен мотив в виде латинской буквы "Z". Редуцированный орнитоморфный мотив, хотя и традиционен для современного финно-угорского населения Евразии, однако, следует признать, что для эпохи бронзы появление данного мотива в лесной полосе Европы произошло под воздействием населения круга степных и лесостепных культур Евразии (срубной, андроновской и т. д.). Редуцированный орнитоморфный мотив был характерен только для наиболее ранней сетчатой керамики, что свидетельствует о быстром угасании данной традиции в восточной части бассейна Балтийского моря и южной части бассейна Белого моря.

3. В эпоху раннего железа зауральское влияние на плоскостные изображения на керамике, видимо, если и имело место, то, скорее всего, носило опосредованный характер - через распространение на запад бронзовой пластики, образы которой начали появляться и на керамической посуде населения Восточной Европы. Плоскостные изображения на керамике лесной полосы Восточной Европы характерны в основном только для культур ананьинской общности. Единичные плоскостные изображения на керамике эпохи раннего железа восточнобалтийского региона связаны, по-видимому, с проникновением с востока в бассейн Онежского озера небольших групп ананьинского населения.

А.В. Лавров
ОЧАГИ В ПОСТРОЙКАХ
ГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Для реконструкции жилищ эпохи энеолита немаловажную роль играют очаги. В данной статье под очагом подразумевается любое отопительное сооружение (очаг, кострище, очажная яма и т.д.). С помощью очагов (от их количества, месторасположения, состава) можно выявить не только их функциональные назначения, но и некоторые конструкционные особенности постройки, а также социальную структуру общества.

В данной работе автор классифицирует очаги в зависимости от их расположения. Всего было изучено 92 очага-кострища. Располагались они в выходе, у выхода, в центре, у стенки, вдоль оси. Перейдем к более подробному описанию:

В выходе. Сюда относятся очаги, которые непосредственно располагались во входах-выходах или переходах. Всего таких очагов 5 (Гагарское I, Кама-Жулановское III, Тюремка IV). Как правило, они имеют малую мощность (в основном около 0,1 м) и средние размеры (в среднем около 1 м в диаметре). Исключение составляет очаг №1 жилища I Гагарского I поселения. При диаметре в 1 м, мощность очага достигала до 1,1 м (!!!). Возможно, что это не очаг, а хозяйственная яма, куда выбрасывали недогоревшие угли, которые, со временем, дали столь большую мощность. Функциональное назначение данных очагов - отопительное. Скорее всего, их

могли использовать и как дымокуры (рис.1). Стоит отметить, что данные очаги встречаются чаще всего на поселении Кама-Жулановское III, где они находились сразу в трех постройках. В данном случае они использовались не как дымокуры, а для отопления.

У выхода. Наиболее часто встречающаяся группа (всего 31). Данные очаги выделяются не только своим месторасположением, но большими размерами и мощностью (рис. №1). По функциональному назначению можно выделить несколько подгрупп:

*Отопительная. Сюда относятся очаги, у которых встречено небольшое количество материальной культуры. Всего их пять. Как правило, эти очаги мало использовались (мощность от 0,1 до 0,2 м). Размеры таких очагов разные так на поселении Камский Бор II диаметр очага №2 равнялся 0,6 м, а на Бойцовском IV поселении размеры очага были довольно внушительными (1,64x2,1 м). Если присутствовал такой очаг в постройке, то в другой части жилища находился еще один - основной.

*Как центр хозяйственной жизни. Сюда относятся все остальные очаги данной группы. Они очень сильно различались между собой размерами, мощностью и материальной культурой. Так на Гагарском I поселении очаг имел размеры 5,16x2 м, при мощности прокаленного песка 0,4 м, а на поселении Тюремка III диаметр очага составлял 1 м, при мощности 0,3 м. Материальная культура данных очагов состояла из керамики и обработанных камней, реже костей. Такие очаги в постройках могли быть не

единственными, в другой части жилища мог находиться и второстепенный очаг.

***Полифункциональные.** В отдельную группу выделяются два очага жилища №3 поселения Басенький Борок (рис. 3). Они находились непосредственно у выхода и содержали не только характерную для других поселений материальную культуру (керамика, обработанные камни, кости), но и обломки глиняных сопел. В данном случае очаги располагался не случайно у выхода, так как выплавка металла в закрытом помещении требует обязательной вентиляции, чему может способствовать вход-выход.

В центре. Всего 22. Очаги, располагающиеся в центре постройки, являются самыми пожаробезопасными. Поэтому наличие в жилище такого очага не редкость (рис. №1). Очаги данной группы очень разнообразны не только своей формой, но и размерами, мощностью. В среднем диаметр равнялся 1-1,5 м при мощности прокаленного песка до 0,7 м. Такие очаги были в основном полифункциональными (Тюремка III, Гагарское I, Бор I), хотя некоторые носили второстепенную роль (Камкий Бор II). Материальная культура в очагах и возле них представляло собой, как правило, керамику, обработанные камни, кости.

У стенки. Данная группа встречается реже (всего 13), так как риск возникновения пожара очень велик (рис.1). Размеры этих очагов, в среднем, от 0,5 до 1,5 м в диаметре. Столь большое различие связано, опять же, с функцией которую носил очаг. Так на поселении Гагарское I в жилище №2 у стенки нахо-

дился очаг размерами 1,54x2,7 м, при мощности прокаленного песка 0,3 м. В данном случае он был центром хозяйственной деятельности жителей, что подтверждает и материальная культура найденная в нем и около него (большое количество керамики, обработанных камней, костей).

Совершенно другой очаг был обнаружен на поселении Гагарское I в жилище №3. Диаметр очага равен 1 м, при мощности прокаленного песка 0,3 м. Культурных остатков в нем и вокруг не обнаружено. Скорее всего очаг нес второстепенную роль, тем более что в постройке находились другие очаги больших размеров и мощностью прокаленного песка.

Вдоль оси. Очаги данной группы позволяют нам говорить о конструкции самой постройки, а точнее о ее крыши. Это была двускатная несоединенная крыша. Всего таких очагов 26. Функции очагов не рассматривались, так как они относятся либо к группе у выхода, либо в центре (рис. №3).

Итак, наиболее распространенные группы очагов в постройках гаринской культуры у выхода, в центре, либо вдоль оси. Связано это в первую очередь с конструкцией самой постройки (точнее крыши). При наличии несоединенной двускатной крыши целесообразнее использовать очаги вдоль оси, в том числе и у выхода и в центре. Использование очагов у стенки, с чем не соглашается А.М. Жульников [Жульников.С. 20-23], возможно. Хотя риск возникновения пожара очень велик, такие очаги практикуются в постройках гаринской культуры.

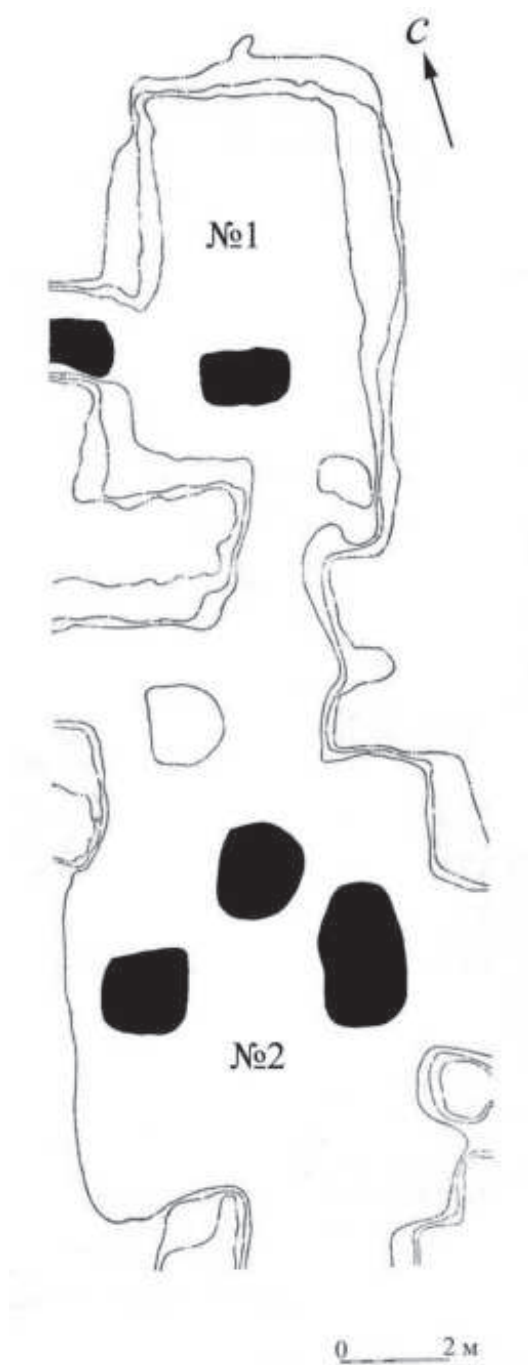

Рис. 1. Постройки с очагами в выходе, в центре (жилище №1), у стенки и у выхода (жилище №2). Гагарское I поселение

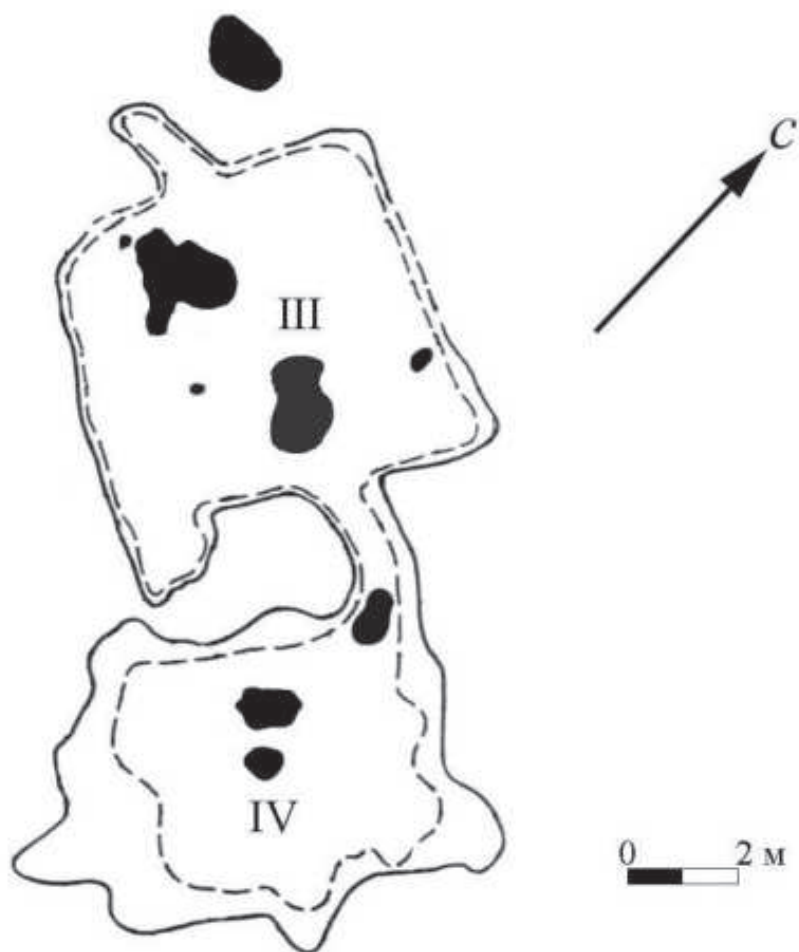

Рис 2. Жилища №3,4. Поселение Басенький Борок

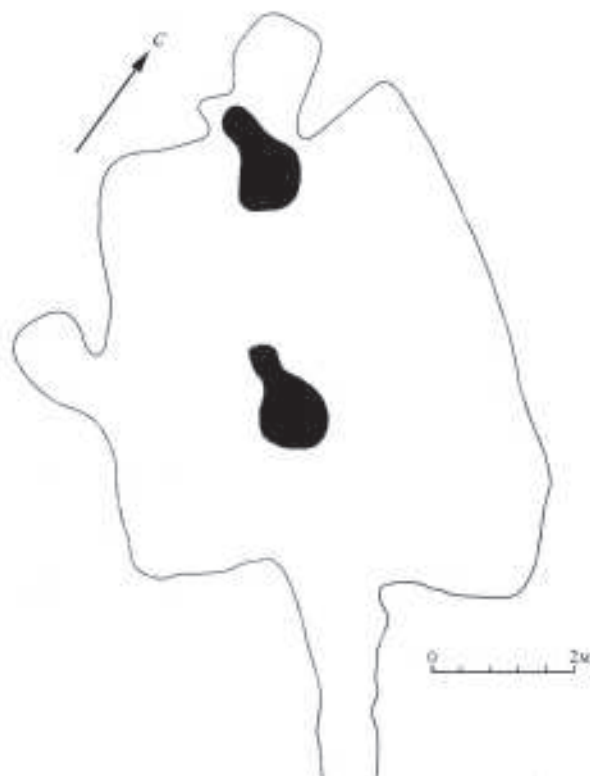

Рис. 3. Постройка с очагами вдоль оси. Поселение Выстелищина

**В.П. Денисов, А.С Жуковский,
А.Ф Мельничук
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ТУРБИНСКО-СЕЙМИНСКОГО
ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО
ГОРИЗОНТА ПЕРМСКОГО
ПРИУРАЛЬЯ.**

В октябре 2006 г. отрядом Камской археологической экспедиции ПГУ под руководством А.С. Жуковского проводились охранные археологические раскопки на памятнике археологии федерального значения "Турбинский I, могильник". В ходе работ было вскрыто 73 кв. м

Памятник археологии "Турбинский I, могильник" расположен на высоком коренном берегу р. Кама напротив устья р. Чусовой. Он занимает мысовую часть, образованную с одной стороны, берегом р. Камы, с другой - глубоким логом, по дну которого протекал ручей. В настоящее время лог с ручьем затоплены в результате создания Камского водохранилища. По современному административному состоянию могильник расположен на территории пос. Шустовка, который территориальной относится к Орджоникидзевскому району г. Перми. Площадка памятника испытывает большое антропогенное воздействие: на ней расположены жилые, хозяйственные строения жителей поселка, их приусадебные участки, а также яхтклуб "Молот", который занимает северную мысовую часть его территории. История изучения могильника представлена в обобщающей монографии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, посвященной изу-

чению сейминско-турбинского культурного феномена (Черных Кузьминых, 1989, с. 18)

Археологические раскопки 2006 г. проводились в северной части памятника археологии, в непосредственной близости от раскопа О.Н. Бадера. Последний во время своей работы на могильнике оставил неисследованным участок с ломаной линией границы раскопа. Данное обстоятельство, по всей видимости, было связано с размещением на этом участке на момент проведения раскопок в 1960 г. какого-то строения, скорее всего небольшого жилого дома с надворными постройками.

В раскопе Р-IV-06 удалось зафиксировать очертания одного погребения. Оно получило № 112, продолжая общую нумерацию погребений на памятнике. Погребение № 112 (рис. 1) было выявлено на уровне -0,68 - 0,72 м. В верхних слоях погребение практически не фиксировалось. Момент его фиксации связан с обнаружением практически на одном уровне фрагмента и целого кремневых наконечников стрел с отжимной ретушью классического турбинско-сейминского облика.

Погребение (предполагаемые размеры 0,83 x 2,03 м) было вытянуто по линии ЮЗ-СВ. В его заполнении отмечена серая супесь с включением желто-коричневого и темно-серого легкого песка. Дно предполагаемой камеры не достигало материковой глины и глубина от условного ноля составила -0,88 м.

В погребении был обнаружен целый ряд предметов погребально-инвентаря: типичные кремневые турбинские наконечники стрел с усеченным основанием из серого

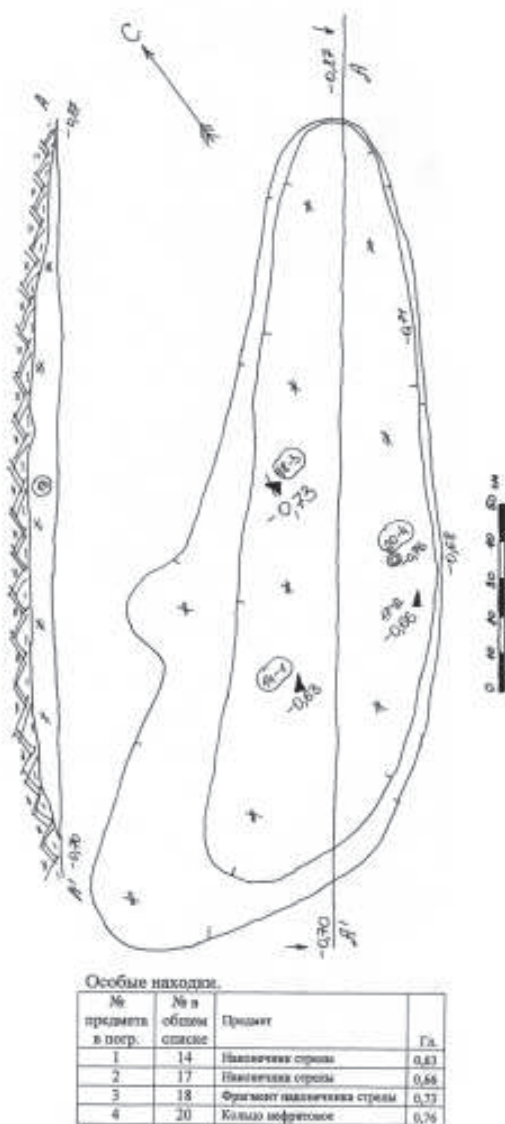

Рис. 1. Погребени №112 Турбинского могильника

кремня и кольцо из нефрита. Целый наконечник стрелы был обнаружен в юго-западной трети погребения у продольной оси могильной ямы на глубине -0,63 м. Подобный же наконечник был выявлен у юго-восточного края очертания погребения на глубине -0,66 м. В 10 см. севернее него было на глубине -0,76 м. найдено небольшое кольцо из нефрита (рис. 3:4). Фрагмент наконечника стрелы был обнаружен в центральной трети пятна погребения

на глубине -0,73 м. и тяготеет к его северо-западному краю. Таким образом, комплекс предметов в исследованной части погребения состоит из 4 предметов, расположенных примерно на одно уровне.

В ходе работ была собрана выразительная коллекция предметов материальной культуры, которая хронологически расчленяется на несколько групп: комплекс XX в., комплекс эпохи раннего железного века, комплекс эпохи бронзы, отдельные находки эпохи неолита-энеолита.

Комплекс предметов XX в. включает несколько фрагментов гончарной посуды, фрагмент свинцовой пломбы с изображением звезды и представительный монетный материал, даты которого колеблются в пределах 1923 - 1957 гг. Интерес из всей коллекции представляет находка монеты достоинством 10 копеек с годом чеканки. 1923 г., исполненная в серебре. Ее предположительно можно связать с обследованием памятника А.В. Шмидтом в 1923-1925 гг.,

Комплекс эпохи раннего железного века (конец I тыс. до н.э. - начало I тыс. н.э.) включает фрагменты керамических сосудов и каменный инвентарь. Из 19 обнаруженных венчиков сосудов 77% принадлежит к раннему периоду гляденовской культуры, датируемой в данном случае концом I тыс. до н.э. Большинство керамики орнаментированы (71%). Наиболее распространенным орнаментом является резная насечка.

Остальные 23% венчиков относятся к поздней стадии ананьинской культуры, датируемой V-III вв.

до н.э. Все они орнаментированы различными способами, из которых наиболее распространенным является шнуровой орнамент.

Каменный инвентарь раннего железного века представлен многофункциональным орудием (скребок, кресальный кремь), изготовленным на массивном нуклевидном куске из серого кремня (рис. 2:11). Скребки раннего железного века отличаются высоким крутым, почти отвесным рабочим лезвием. Грубая ретушь с сильными заломами, свойственными для кресальных кремней распространяется и на боковые края изделия. Подобные экземпляры обнаружены на памятниках раннего железного века Верхнего Прикамья (Скородум). С скребком, очевидно, хронологически сочетается кресальный кремь, изготовленный на сколе из округлой гальки серого цвета (рис. 2:5). На рабочих краях отмечаются характерные забитости, свойственные для орудий этого типа

Комплекс неолита - энеолита. Среди керамического материала выделяется неорнаментированный фрагмент стенки сосуда. Черепок плотного глиняного теста с большой толщиной стенки и примесью песка и шамота соотносится с материалом эпохи неолита- раннего энеолита, обнаруженным О.Н. Бадером в 1958-1960 гг. (Бадер, 1964, с. 111-114) Кроме того, к рассматриваемому хронологическому горизонту, возможно, отнести часть скребков, которые могут также соотноситься с этой эпохой

Комплекс эпохи бронзы. Вне погребения 112 найдены каменные изделия которые могут сопрягаться и с турбинско-сейминским хронологическим горизонтом. Среди

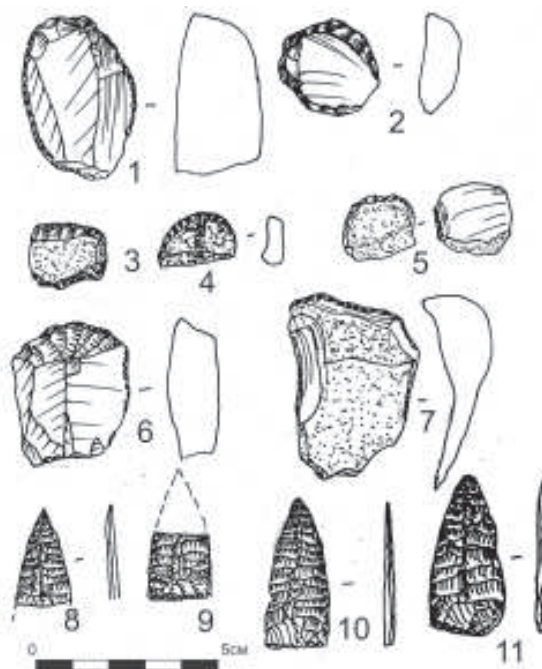

Рис.2. Кремневый инвентарь

них преобладают скребки. Выделяется овальный скребок, произведенный на поперечном сколе (таблетка) с нуклеуса параллельного принципа скалывания (рис. 2:2). О.Н. Бадер подобные изделия относил ко второму типу скребков (Бадер, 1964, с. 105. рис. 98,А. Б.). Скребок изготовлен из серого полосчатого яшмовидного кремня, который начинает применяться в кремневой индустрии населения Среднего Прикамья, начиная с позднего мезолита и особенно широко в позднем неолите. Учитывая яркий пластинчатый комплекс с резцовой техникой, обнаруженный О.Н. Бадером на площадке Турбинского некрополя, мы в свое время полагали его мезолитический возраст. Однако наличие пластин и нуклеусов параллельного принципа скалывания на "чистых" поселениях турбинско-сейминского хронологического горизонта затрудняет решение точной датировки пластинчатого кремневого

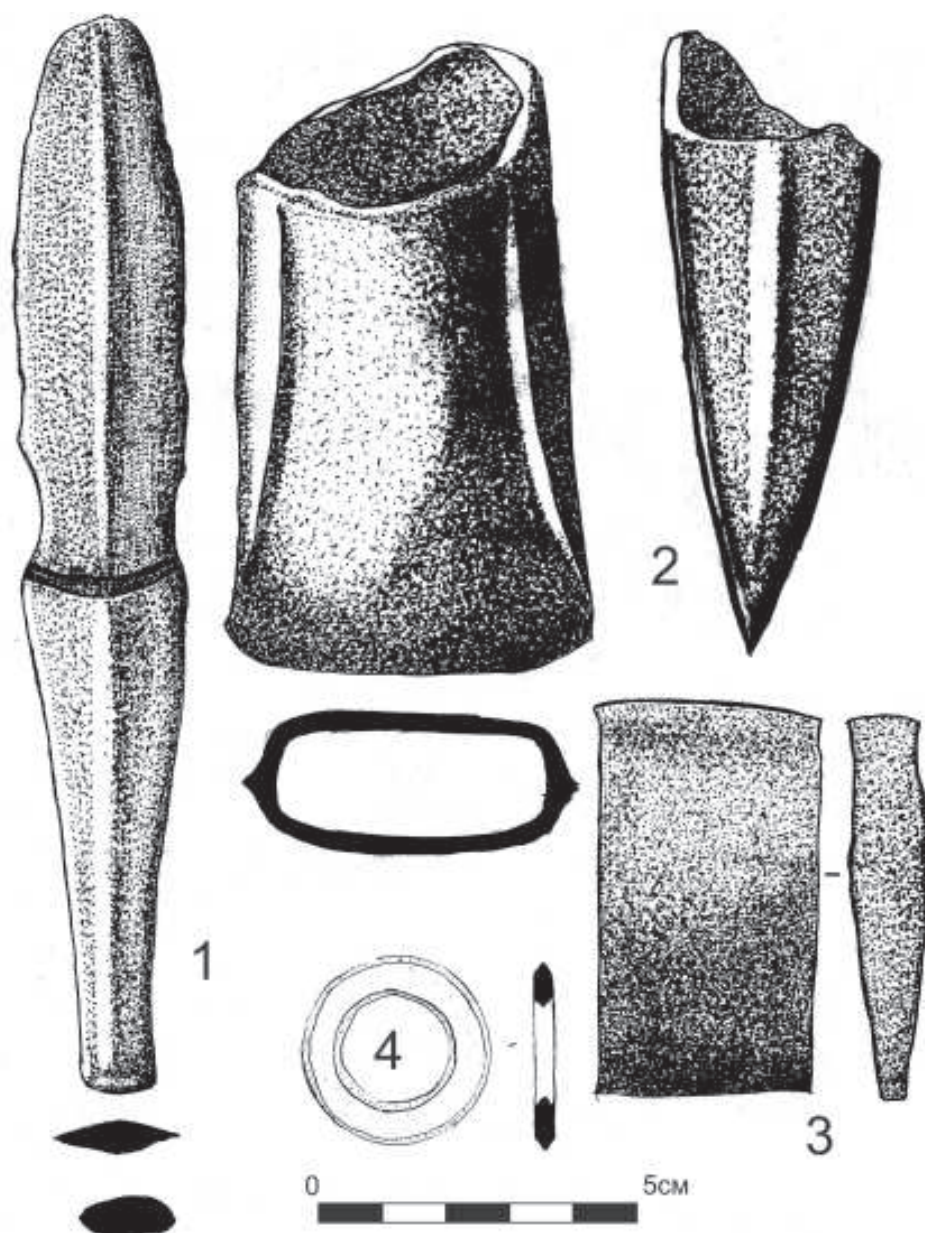

Рис.2. Бронзовые изделия и нефритовое кольцо.
1-могильник Бор-Ленва, 2-4 - Турбинский могильник

комплекса (Денисов, Мельничук, 1991, с. 103, рис. 2, 1- 4.). Из серого полосчатого кремня изготовлен скребок подпрямоугольной формы (рис. 2:3). Еще один концевой скребок изготовлен на уплощенной кремневой гальке (рис. 2:4). Выделяется подпрямоугольный концевой скребок, изготовленный из серого плитчатого кремня (рис. 2:6). Любопытен концевой скребок с изогнутым

крутым лезвием, произведенный на уплощенной кремневой гальке из серо-розового кремня (рис. 2:7). Желвачная корка гальки и имеет темно-красный или бордовый цвет. Использование уплощенной разноцветной гальки для производства орудий было широко распространено на позднегаринских памятниках Среднего Приуралья, по нашему мнению, в связи с истощенностью

плитчатого кремня, характерного сырья для каменной индустрии камского неолита и раннегаринской эпохи. Именно из кремня этой расцветки изготавливались орудия, найденные в турбинских погребениях (Бадер, 1964, С. 96)

В пределах погребения найдено 3 наконечника стрелы (одно орудие представлено обломками) Они изготовлены из розовато-серого кремня и покрыты тщательной двусторонней ретушью. Наконечники представлены типичной сейминско-турбинской подтреугольной формой с усеченным основанием (Рис.2: 8-11). Среди погребального инвентаря выделяется небольшое нефритовое кольцо светло-зеленого цвета (рис. 3:4).

За пределами погребения в верхнем слое раскопа (глубина фиксации - 28 см) найден плоский клин из бронзы (6 x 3, 4 м), покрытой темно-зеленой благородной патиной (рис. 3: 3). Площадка приплюснута от сильных ударов, полученных в древности. Следы работы отмечаются в притупленном основании изделия.

В.П. Денисову 2003 г. местным жителем был передан бронзовый кельт, найденный им на огороде (рис. 3:2). Орудие (9, 5 x 5, 5 см), по типологии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, относится к разряду К-4 - кельты неорнаментированные. По-

добные орудия характерны для Турбинского I некрополя (Черных, Кузьминых, 1989, с. 39, рис. 4).

Еще одна новая находка сейминско-турбинского времени происходит из сборов с разрушенного Камским водохранилищем могильника Бор-Ленва (Денисов, Кузьминых, Черных, 1988, с. 47-49) Местным жителем О. Пуляром, который в свое время передал в Пермский краевой музей бронзовое копье абашевского облика (Денисов, Мельничук, 1999, с. 34-35), найден бронзовый кинжал разряда КЖ-8: кинжал двулезвийный с продольным ребром и перехватом на клинке; прилитая рукоять без отверстий - "прорезей" (рис. 3:1). Размеры орудия: общая длина 170 мм, длина рукояти 80 мм, длина клинка 90 мм, ширина 27 мм, толщина 35 -40 мм. С турбинскими древностями, по данным Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, связано на территории Евразии только 2 находки подобного оружия. Наиболее близок находке из Бор-Ленвы кинжал, найденный в раннесрубном погребении кургана могильника Песочное I в Самарской области (раскопки В.А. Скарбовенко, 1978 г.) (Черных, Кузьминых, 1988, с. 115, рис. 65: 3). Бор-Ленвинский кинжал является *первой находкой* подобного рода на обширной территории Пермского края.

О.О. Малых
ПАЛАШИ ПРИКАМЬЯ III В. ДО
Н.Э. — III В. Н.Э.

Традиционно считается, что палаш - это оружие, разработанное и распространенное в эпоху средневековья. На сегодняшний день высказывается предположение, что палаша в Прикамье появляются в VII в. н.э. Палаша в нашем регионе появляются в период III-IV в. до н.э. в памятниках караабызской археологической культуры и в период II-III в. н.э. в памятниках чегандинской культуры.

Прежде чем говорить о распространении палашей, необходимо определить, что же представляет собой данное оружие. Палаш - это разновидность длинноклинового однолезвого оружия, предназначенная для нанесения колюще-режущих повреждений. К характерным особенностям данного оружия относятся однолезвийная или полуторная заточка клинка и прямой или почти прямой клинок. Острие и хвостовик оружия находятся на одной прямой.

В Прикамье в Раннем железном веке существовало две традиции палашей - караабызская и чегандинская, названные так по археологическим культурам, в памятниках которых обнаружено оружие.

Древнейшие прикамские палаша происходят из могильников караабызской археологической культуры, относящихся к периоду IV в. до н.э. - IV в. н.э.

Караабызские палаша представляют собой оружие с прямым

однолезвым клинком длиной 30-40см, хвостовик является продолжением спинки клинка. Следов полуторной заточки не зафиксировано. Особенности перехода от клинка к хвостовику позволяют утверждать, что рукоять не была рассчитана на применение металлического перекрестия. Вероятнее всего, общая длина оружия составляла около 45-50см.

Большинство палашей, обнаруженных в погребениях караабызской культуры, представляют собой однотипное оружие, отличающееся друг от друга незначительной разницей параметров.

Исходя из конструкции оружия и его параметров, правомерно будет предположить, что палаша рассчитаны для нанесения колюще-режущих повреждений, для нанесения же эффективных рубящих ударов оружие не обладает достаточной массой и длиной.

На данный момент нам известно об обнаружении палашей в погребениях №2, 69, 70, 75, 76, 85, 128 Юлдашевского могильника (Агеев, 1992, с.99), погребениях №6, 8, 21, 23, 87, 90 Камышлы - Таманского могильника (Агеев, 1992, с.99), погребениях № 6, 9, 27, 28, 33, 35, 69, 75, 76, 80, 82, 112 Охлебининского могильника (Пшеничнюк, 1968, с.93-102), погребении 137 Ново - Сыскульского могильника (Васюткин, Калинин, 1986, с.116). Такое количество оружия может свидетельствовать о распространенности и устойчивости традиции ранних палашей в среде населения, оставившего данные могильники.

Широкое распространение палашей можно объяснить отчасти возможностью использования ору-

жия для хозяйственных и бытовых нужд. На основании формы палашей можно предположить, что они развиваются из ножей.

Существует вероятность того, что палаши производятся непосредственно в среде кара-абызских племен, возможно в одном производственном центре. На это указывают следующие факты:

Во первых, большинство палашей однотипны и отличаются друг от друга только параметрами, да и то не значительно.

Во вторых, простота конструкции не требует от кузнеца высокой квалификации, что делает возможным изготовление палаша практически в "домашних условиях".

Традиция ранних палашей могла возникнуть в среде носителей караабызской культуры. Прямых аналогий в материалах синхронных или предшествующих культур нам неизвестно.

На наш взгляд, палаши караабызской культуры существовали в период II в. до н.э. - I-II в. н.э. В начале первого тысячелетия усложняется военная обстановка в Прикамье в связи с миграционными процессами, происходящими в регионе. Увеличение военных столкновений приводит к повышению значимости оружия ближнего боя и его совершенствованию. Вероятнее всего, караабызские палаши выходят из употребления вследствие того, что они были менее эффективны, чем мечи, распространенные в данный период.

Возникает закономерный вопрос о влиянии караабызских палашей на клинковое оружие Прикамья.

На наш взгляд, прямые ана-

логии ранним палашам можно обнаружить только в материалах Бирского могильника, датированных периодом II-VII в. н.э. В погребениях №77, 156, 206 обнаружены длинные палаши (Мажитов, 1968, с.38), переход от клинка к хвостовику имеет подтреугольную форму, что исключает наличие металлического перекрестия. Вероятнее всего, эти погребения относятся к бахмутинскому этапу функционирования памятника.

Вполне возможно, что бирские палаши являются продолжением традиции караабызского оружия. В пользу караабызского происхождения традиции бирских палашей может свидетельствовать конструктивная особенность оружия. Караабызские и бирские палаши не имеют металлических перекрестий.

На сегодняшний день мы не можем с уверенностью говорить о наличии взаимосвязи между бирскими и караабызскими палашами, но нам кажется, что бирские палаши продолжают традиции караабызского оружия или непосредственно относятся к материалам данной культуры.

Не меньший интерес представляют палаши, обнаруженные в погребениях № 7, 33 Чегандинского II могильника (Генинг, 1971, с.7,64), погребении №133, 143 Афонинского могильника (Агеев, 1992, с.46, 118), погребениях № 733, 1291, 1317 Тарасовского могильника (Голдина, 2004, с.134,207,210), погребениях № 71, 78, 79 могильника Нырганда II (Агеев, 1992, с.46, 118) чегандинской культуры.

Чегандинские палаши - это оружие с однолезвым клинком

длиной от 50 до 80 см и навершием округлой формы, изготовленным в виде двух противостоящих друг другу змей.

Если различия между караабызскими палашами заключаются в небольшой разнице параметров, то чегандинские палаши имеют индивидуальные отличия позволяющие, по крайней мере, отнести их к разным подтипам.

В качестве примера приведем описание оружия из погребения 7 Чегандинского II могильника и погребения 1317 Тарасовского могильника.

В погребении № 7 слева от костяка обнаружен палаш с прямым однолезвым клинком длиной 55 см и шириной 3 см (Генинг, 1971, с.7). Рукоять снабжена прямым перекрестием, отлитым из меди или бронзы украшенным орнаментом, состоящим из треугольников. Рукоять увенчана литым надсадным навершием, состоящего из раструба и антенн, оформленных в виде двух противостоящих друг другу змей. Ножны снабжены литыми обоями изготовленные в едином стиле с навершием. Необходимо отметить, что обоймы ножен чегандинского палаша имеют аналогичную форму с обоями ножен палашей Охлебининского могильника.

Оружие из погребения №1317 представлено палахом с прямым однолезвым клинком длиной 77,4 см и шириной 3,2 см (Голдина, 2004, том 2, табл.509 рис.10). Перекрестие представлено железной пластиной, обернутой вокруг пяты клинка и заклепанной на конце. Навершие представлено в виде двух антенн, оформленных в виде

двух противостоящих друг другу змей. Особенностью данного оружия является необычно широкая спинка клинка до 1,2 см. По всей видимости, спинка клинка откована необычно широкой для того, чтобы клинок имел достаточную массу, что обеспечит эффективное нанесение рубящего удара, и в то же время был пригоден для нанесения колющего удара за счет небольшой ширины оружия. Конструктивные элементы клинка изначально рассчитаны на нанесение эффективных колющих и рубящих повреждений.

Если палаш из погребения 7 Чегандинского могильника представляет собой в большей степени статусное оружие, то палаш из погребения 1317 тарасовского могильника представляет собой боевое оружие, рассчитанное для боевого применения.

Характерной особенностью всех известных нам палашей происходящих из чегандинских могильников являются навершия, изготовленные в рамках одного сюжета, две противостоящие друг другу змеи, образующие незамкнутый круг. Навершия могут быть отлиты из меди или бронзы или откованы из железа заодно с хвостовиком.

Навершия в виде двух противостоящих змей встречаются на савроматских акинаках. В качестве примера можно привести меч, относящийся к V-IV в. до н.э. из Осьмушенского кургана (Смирнов, Петрушенко, 1963, с.25). На наш взгляд, логично предположить, что сюжет оформления наверший заимствован из среды савромато-сарматских племен.

Интересна особенность пала-

шей происходящих из погребений №78, 79 Нырганда II могильника (Агеев, 1992. с.46). Острия клинков слегка изогнуты, что в большей степени характерно для сабель, нежели для палашей. Говорить о возникновении сабель в раннем железном веке все не стоит. В раннем железном веке встречаются экземпляры оружия, которые можно отнести к саблям, но устойчивой традиции так и не сложилось.

К сожалению, большая часть материалов раскопок Ныргандинского II и Афонинского могильников не опубликована, поэтому о палашах, происходящих из этих памятников нам судить сложно.

На данном этапе мы можем только предполагать о происхождении чегандинских палашей. С одной стороны палаши могут попасть к чегандинскому населению из среды носителей караабызской культуры. В пользу данного предположения может свидетельствовать факт того, что в период II в. до н.э. - II в. н.э. в среде караабызского населения существует традиция ранних палашей, которая могла быть перенята чегандинским населением. К тому же, эти культуры располагались в непосредственной близости друг от друга и существовали примерно в один и тот же период. Однако прямых аналогий между караабызскими и чегандинскими палашами нам пока не удастся найти. Среди караабызских палашей не известно "змеевидных" наверший, общая длина большинства нижнекамских палашей не превышает 50 - 60 см, в то время как длина чегандинских палашей варьируется в пределах 80см.

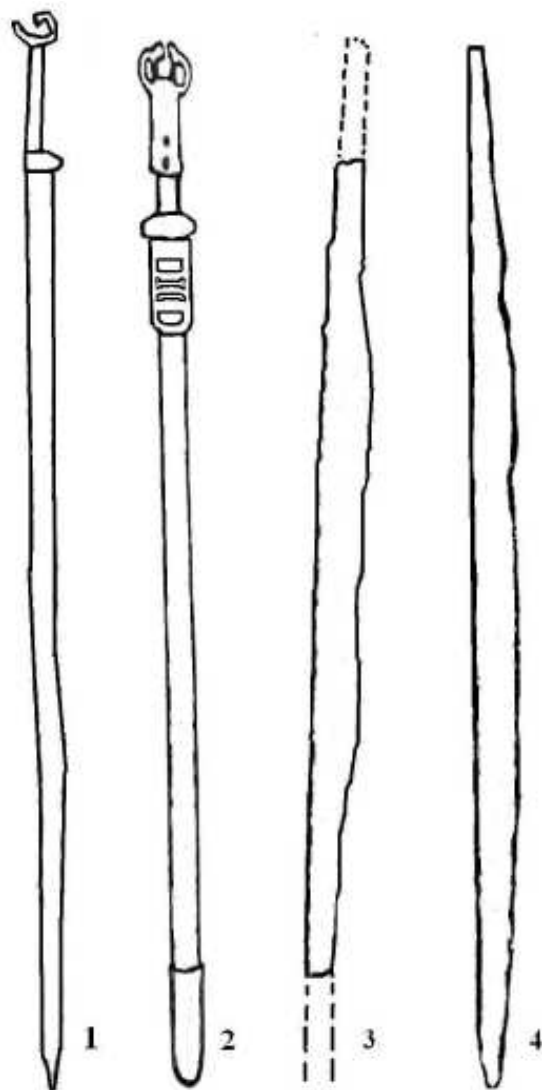

Рис. 1. Палаши

1-Тарасовский могильник п.1317. (Голдина, 2004. Т.2 таб.509 рис.10), 2-могильник Чеганда II погребение 7. (Генинг, 1971. таб. XI рис. 1.), 3-Охлебининский могильник. (Пшеничнюк, 1968. Т.3 с. 94. рис. 16), 4-Ново-Сысыкульский могильник погребение 137. (Васюткин, Калинин, 1986. с.116, рис.16.8)

В период II-III веков однолезвие длинноклинковое орудие известно в гуннских материалах. Гуннское оружие в большей степени напоминает однолезвие мечи, нежели палаши и, вероятнее всего, не могут быть истоком традиции чегандинских палашей традиция.

Возможно, что палаши были принесены населением, оставившим часть воинских погребений Тарасовского могильника. Тарасовские палаши это весьма эффективное боевое оружие, которое могло возникнуть только в регионе, где тактика ведения ближнего боя весьма распространена и клинковое оружие имеет большое значение. Логично предположить, что местное население начало копировать более эффективное оружие, пришедшее вместе с мигрировавшим населением, тем самым создав традицию чегандинских палашей.

Возможно, традиция могла возникнуть в среде носителей чегандинской культуры, но наш взгляд это маловероятно. Во-первых, в оформлении оружия присутствуют явные степные мотивы, известные еще в соврабатские времена. Во-вторых, в нашем регионе до эпохи Великого переселения народов длинноклинковое оружие, по-видимому, не имело большого значения в военном деле, следовательно, нет оснований для развития местных традиций.

В материалах какэльской (Худяков, 1986, с.79-80) и таштыкской (Худяков, 1986, с.100) культуры существовавшей на территории Западной Сибири известны палаши и их модели с кольцевыми навершиями, которые можно считать ближайшими аналогами чегандинских палашей. На наш взгляд, ма-

ловероятно, что традиция чегандинских палашей заимствована в Западной Сибири, хотя полностью отвергать такую возможность нельзя.

Версий происхождения чегандинских палашей достаточно много, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют нам отдавать приоритет какой либо из них.

На наш взгляд, чегандинские палаши были распространены в период II-III в. н.э. Вероятнее всего, большая часть чегандинских палашей попала в регион извне. Часть оружия оказалась в составе погребальных комплексов, часть могла быть повреждена и переработана, часть оружия могла быть утрачена. Выход из употребления имеющихся палашей приводит к прекращению традиции.

Подводя итог всему вышесказанному, можно смело утверждать, что появление палашей на территории Прикамья можно отнести к периоду III-II в. до н.э. В Прикамье существовало две традиции ранних палашей чегандинская и карабызская, не находящие прямых аналогий в материалах археологических культур соседних с Прикамьем регионов. Традиции прикамских палашей прерываются в раннем железном веке и не могут считаться основой для развития средневекового оружия.

В.В. Мингалев
ОСОБЕННОСТИ
ВНТУРИКУРГАННЫХ
КОНСТРУКЦИЙ
МОГИЛЬНИКА ЧАЗЕВО I

Введение

Курганные могильники в таежной зоне Приуралья не являются стандартным типом памятников для лесостепных и степных территорий России. Появление курганов относится к достаточно узкому хронологическому периоду в истории таежного Приуралья - V-VII вв. н.э.

К исследованию курганных могильников Прикамья обращались многие археологи. Несмотря на большое количество исследований, вопросы о причинах, характере и хронологии появления курганных могильников в Приуралье являются дискуссионными, а некоторые аспекты проблемы так и остаются за гранью исследования. Данная статья посвящена неисследованному аспекту курганных могильников Прикамья - характеру курганных насыпей и ровиков на примере могильника Чазево I.

Причиной отсутствия анализа курганных насыпей в Прикамье является то, что большая часть курганов была распахана в период русского освоения Прикамья. Курганы фиксируются по незначительным всхолмлениям или по курганным канавкам (планиграфически). Несмотря на то, что могильник Чазево I, так же, как и другие курганные могильники, подвергся разорению, из-за особого отношения к данному памятнику местных жителей полного разрушения курганных на-

сыпей не произошло, а месторасположение его на болотной сопке исключило распашку территории могильника. На основании данных, полученных в результате раскопок на могильнике Чазево I, был реконструирован алгоритм создания курганной насыпи.

*Характеристика могильника
Чазево I*

Называемое местными жителями чудским могильником, урочище "Шойна-Ыб" (коми-перм. могильное поле) впервые было исследовано И.Я. Кривошековым в 1889 г. Им был исследован могильник Чазево I, расположенный в этом урочище. При этом было выявлено 19 курганных насыпей, на одной из которых был заложен раскоп размером 4,0 x 4,0 м. (16 кв. м). В ходе раскопок были найдены угли, кусочки железа и древесины; также было обнаружено, что курган был граблен в древности (Кривошеков, 1914, с. 116-117). Первые упоминание могильника в научной литературе мы встречаем у А.П. Иванова.

В советский период могильник впервые обследовался в 1956 г. отрядом Археологической экспедиции Коми-Пермяцкого окружного музея под руководством В.Ф. Генинга. На нем было зафиксировано 40 курганных насыпей, составлен глазомерный план и заложено два раскопа на двух курганах общей площадью 45,54 кв. м. Оба кургана оказались грабленными в древности. Ориентация погребений запад-северо-западная. Вещевой инвентарь в ходе работ не был выявлен. Сохранность могильника всеми исследователями признавалась, как удовлетворительная (Генинг, 1956, с.14-17). Исходя

из результатов раскопок 1956 г., мы можем датировать данный памятник концом V-VI вв. н.э. и культурно отнести к харинскому культурному феномену.

Почитаемость этого места у местного населения и его удовлетворительное состояние делало раскопки на данном памятнике нецелесообразными. В связи с этим после 1956 г. могильник не попадал в сферу интереса научного мира.

В 2006 г. в ПГПУ поступили сведения о грабительских раскопах на памятнике. В этом же году был составлен инструментальный план и выявлено 37 курганов (рис. 1). В 2007 г. на памятнике были проведены раскопки. Было заложено два раскопа неправильной конфигурации (вследствие сильной залесенности) общей площадью 131 кв. м. В ходе раскопок было вскрыто 4 кургана, 17 ям и 4 погребения под курганами.

Визуальные особенности курганов на памятнике

Среди курганов, представленных в лесной полосе Приуралья, курганы могильника Чазево I выделяются своими размерами: 12 курганов из 37 имеют высоту насыпи ок. 1,20 м, 25 курганов имеют размеры более 6 х 6 м, что сближает данный курганный могильник с Калашниковским могильником в Сылвинском поречье и с Качкинским в Качкинско-Мулянском поречье (Поляков, 1982, рис. 1; Schmidt, 1927, р.19). Курганы имеют весьма различную форму: 9 - подквадратную и подпрямоугольную, 1 - аморфную, оставшиеся (27) - круглую или подовальную. Подобная ситуация встречается на Качкинском

могильнике в Качкинско-Мулянском поречье (Schmidt, 1927, add.1, р.19-21; Генинг, 1959, с.197).

Описание проведения работ

Учитывая опыт работ В.Ф. Генинга на памятнике, разрезы были сделаны не по вершине курганов, а смещены в одну из сторон, что позволило избежать фиксации разрушенной грабительскими вкопами части и зафиксировать внутреннюю структуру кургана в неповрежденном виде, так сказать, "in situ".

Всего удалось сделать 3 разреза на 4 курганах (курган №27 был полностью разрушен грабительскими вкопами), также были профилированы курганные канавки. Наибольшую информацию дал курган №25 и единственное не разграбленное погребение, которое обозначается №1 (рис. 2, 4).

Профили всех трех курганов показали одинаковую структуру насыпи, что позволило восстановить алгоритм возведения погребальной конструкции и проводимых при этом погребально-поминальных обрядов. Грунт для возведения курганов брался из канавок и всего пространства вокруг насыпи, что привело к тому, что средняя мощность слоя на площадке памятника составляет ок. 0,10-0,15 м. Например, вокруг кургана №25 культурный слой фактически отсутствует: сразу после снятия дерна (мощность 0,08-0,13 м.) фиксируется материк в виде известкового слоя. Сильная залесенность не позволила полностью вскрыть курганы. По этой же причине не удалось зафиксировать полную планиграфию курганных канавок и ответить на вопрос, является ли она кольцевой, полукруглой или какой-

либо ещё.

При этом были выявлены общие и различные свойства у курганных канавок в каждом кургане. Общим является характер поперечного профиля: курганный канавка имела с одной стороны две ступеньки в профиле, которые были направлены к курганный насыпи. Цель данных ступенек очевидна - противостоять естественному деформационному сдвигу почвы, возникающему при появлении бокового усилия из-за слабой сцепки грунтов (так как они переотложены). Характер ступенек, их размер и высота пропорциональны бэрмам в окопах, согласно устава 1917 г. (Малинков, 1917, с. 628-633), что доказывает наличие высокого уровня знаний о грунтах и строительстве у харинцев. Харинцы четко представляли себе план создания данных сооружений и использовали различные приёмы, позволяющие поддерживать его в неизменном виде длительное время.

Во всех курганных канавках были обнаружены зубы лошадей и фрагменты керамики, что, скорее всего, связано с поминальной обрядностью. В нижней части курганный канавки фиксировался слой темно-серого сильно гумусированного суглинка. На основании тактильного анализа данного слоя можно предположить наличие в нем высокого содержания органических соединений.

*Анализ вещевого комплекса и
относительная датировка
памятника*

Вещевой комплекс могильника Чазево I, выявленный в ходе полевых работ 2007 г., беден: три ножа, две пряжки (поясная и обувная),

наконечник ремня и фрагменты 66 керамических сосудов (анализ керамики в статье: Мингалев, 2009, с. 125-133) (рис. 3).

Нож железный. Был найден в грабительском выбросе. Общая длина 118 мм, максимальная ширина в районе перекрестья 17 мм, длина лезвия 81 мм. Нож имеет выраженный уступ со стороны обуха. Хвостовик имеет полукруглое завершение (рис. 6, 1). Нож откован из стальной заготовки с последующей термообработкой, качество ковки хорошее.

Нож железный. Был найден в погр. № 1 кург. № 26 между берцовыми костями погребенного. Общая длина 125 мм, максимальная ширина в районе перекрестья 17 мм, длина лезвия 88 мм. Лезвие сильно сточено. Нож имеет выраженный уступ со стороны обуха. Хвостовик ножа крепился с помощью двух заклепок к деревянной рукояти. Хвостовик имеет полукруглое завершение (рис. 6, 2). Нож изготовлен из пакетной заготовки, качество ковки хорошее, качество сварки низкое, изделие термообработано.

Нож железный. Был найден в погр. №1 кург. №25 на тазу погребенного. В древности был сломан в районе соединения лезвия и хвостовика. Общая длина 137 мм, максимальная ширина в районе перекрестья 13 мм, длина лезвия 97 мм. Лезвие сильно сточено. Нож имеет выраженный уступ со стороны обуха (рис. 6, 3). Нож изготовлен из сырцовый стали, качество ковки удовлетворительное.

Бронзовый наконечник ремня (рис. 6, 4). Наконечник в виде пластины, зажимающей ремень с двух сторон. Завершение наконечника

представлено в виде расширяющегося округлого окончания. Пластина украшена шестью шляпками от штифтов в виде полугорошин. Пластина покрыта серебряной амальгамой на медной основе (автор приносит благодарность ювелиру С.Н. Костенкову за консультацию). Ширина пластины 18 мм, длина 15 мм. По классификации Р.Д. Голдиной, относится к наконечникам ремня - отдел I, тип 1 (Голдина, 1985, с.43). Р.Д. Голдина данный тип наконечников ремней датирует V-VI вв. н.э. В работе, посвященной неволинским памятникам, Р.Д. Голдина сузила датировку данного типа наконечников до VI в. (Верхсаинская стадия) (Голдина, 1990, с. 82, 91-92, табл.LXVI). А.К. Амброз датирует данный тип наконечников ремней VI-VII вв. (Амброз, 1980 с.30-32); В.Б. Ковалевская вслед за Н.А. Мажитовым - V-VII вв. (Ковалевская, 2000, с.123; рис.IV, 34)

Бронзовая трехсоставная поясная (?) пряжка (рис. 6, 5). Рамка с утолщенной передней частью и с сужающимися несомкнутыми гладкими концами; дрот, из которого сделана рамка, в центральной части имел 8-гранный профиль. Язычок пряжки хоботовидный из круглого дрота с опущенным вниз свободным концом, далеко выходящим за рамку, с резким уступом у основания. Щиток согнут из бронзовой пластины, в месте сгиба вырезаны две петли, посредством которых щитки прикреплялись к кольцу. Верхняя пластина скруглена в месте соединения с поясом. Нижняя пластина щитка более узкая и тонкая, но чуть длиннее верхней. Помещавшийся между верхней и нижней пластинами щитка ремень за-

реплялся двумя штифтами, которые одновременно соединяли верхнюю и нижнюю половины щитка. По классификации Р.Д. Голдиной, пряжка относится к трехсоставным пряжкам харинского типа отдел А, тип 4 (Голдина, 1985, с.38); по классификации А.В. Богачева, - к тураевскому типу (Богачев, 2000, с.14-15). Р.Д. Голдина и А.В. Богачев данный тип пряжки датируют одинаково - V-VI вв. н.э. В работе, посвященной неволинским памятникам, Р.Д. Голдина сузила датировку данных пряжек до VI в. (Верхсаинская стадия) (Голдина, 1990, с. 79, 91-92, табл.LXVI). К этой же хронологии склоняется и И.О. Гавритухин (Гавритухин, 1996, с.118-119). Отличное мнение высказал А.К. Амброз, он наоборот "омолаживает" дату и датирует подобные пряжки VI-VII вв. (Амброз, 1980 с.30-32).

Бронзовая трехсоставная обувная (?) пряжка (рис. 6, 6). Рамка утолщена в передней части и с сужающимися несомкнутыми концами; дрот, из которого сделана рамка, круглый в профиле. Язычок пряжки хоботовидный из круглого дрота с опущенным вниз свободным концом, далеко выходящим за рамку с резким уступом у основания. Щиток согнут из бронзовой пластины, в месте сгиба вырезаны две петли, посредством которых щитки прикреплялись к кольцу. Нижняя и верхняя пластины щитка имеют одинаковую длину и толщину, и подтреугольную вытянутую форму. По классификации Р.Д. Голдиной, пряжка относится к трехсоставным пряжкам харинского типа отдел А, тип 1, подтип в, вариант 2 (Голдина, 1985, с.37). По классификации А.В. Богачева пряжка относится к

тураевскому типу (Богачев, 2000, с.14-15). Р.Д. Голдина и А.В. Богачев данный тип пряжек датируют одинаково - V-VI вв. н.э. К этой же хронологии склоняется и И.О. Гавритухин (Гавритухин, 1996, с.118-119). Отличное мнение высказал А.К. Амброз, он наоборот омолаживает дату и датирует данные пряжки VI-VII вв. (Амброз, 1980 с.30-32).

По вещевому комплексу можно датировать погребения по хронологии Р.Д. Голдиной VI в. н.э., по А.К. Амброзу - VI-VII вв. н.э.

Радиоуглеродная датировка памятника и корреляция полученных дат

С целью установления возраста погребений и в целом могильника, были отобраны образцы для радиоуглеродного датирования. Всего было взято 5 проб: Le-8128 - кости, ребра костяка из погребения 1 кургана № 25, Le-8139 - дерево, фрагмент погребального сруба погребения 2 кургана № 25, Le-8140 - дерево, фрагмент сруба конструкций внутри кургана № 25, Le-8141 - дерево, фрагмент из грабительского вкопа в нижней точке лаза в кургане № 26, Le-8142 - дерево, фрагмент из грабительского вкопа в кургане № 26. Датировка проводилась методом радиоуглеродного датирования в радиоуглеродной лаборатории ГИН РАН. После калибровки были получены следующие даты: проба Le-8128 - 600-830 гг. н.э. с вероятностью 63,6% (рис. 7), проба Le-8139 - 410-610 гг. н.э., с вероятностью 68,2 % (рис. 8), проба Le-8140 - 410-610 гг. н.э., с вероятностью 68,2 % (рис. 9), проба Le-8141 1320-1429 гг. н.э., с вероятностью 68,2 % (рис. 10), проба Le-8142 1280-

1520 гг. н.э., с вероятностью 64,7 % (рис. 11). Из корреляции калиброванных дат, можно сделать вывод, что пробы Le-8128, Le-8139 и Le-8140 дают единственную дату пересечения результатов - VII в., а пробы Le-8141-8142 дают XIV-XV вв.

Соотнесение относительной хронологии, полученной по вещам, и абсолютной даты, полученной из радиоуглеродного анализа дерева и кости, позволяет нам датировать памятник концом VI-VII вв., а время начала ограбления памятника - XIV-XV вв.

Первичный антропологический анализ

В условиях известковых грунтов костные остатки хорошо сохраняются, что позволило выявить костяки и отдельные кости от 8 погребенных. К сожалению, грабители и здесь нанесли достаточно существенный урон сохранности и целостности костяков. Половозрастной анализ костных остатков, представленный в таблице № 1, был проведен Н.Г. Брюховой, а некоторые результаты антропологических исследований костяков с могильника Чазево I были опубликованы в "Материалах Всероссийской научной конференции (XIII Бадеровские чтения)" (Брюхова, 2010. С.242-245).

Этапы возведения кургана и некоторые замечания по погребально-поминальной обрядности связанной с возведением курганов

Основой для реконструкции алгоритма возведения курганов были выбраны данные, полученные при раскопках кургана № 25 (рис. 1, 2, 4), так как он наименее пост-

Таблица 1. Половозрастной анализ костных остатков

--	--

радал от грабительских вкопов.

1 этап. Подготовка площадки и отбор грунта.

В местах, где должны лежать погребенные, снимался дерн на глубину ок. 0,15-0,20 м.

После создавалась погребальная конструкция из четырех вертикально установленных плах. Эта конструкция точно подгонялась под тело покойного, на что указывают следы плах, которые фиксировались ровно по костям погребенного, а также особенности расположения костей голеностопа, сложившегося внутрь. Погребенный был уложен на спину, головой на восток-север-восток. В связи с тем, что шейные позвонки в процессе разрушения тканей отделились от черепа и позвоночного столба, данный процесс мог происходить только в условиях свободного (не засыпанного) расположения погребенного, следовательно, сверху на плахах располагалась крышка, на что указывают также отдельные фрагменты дерева на костях погребенного. Исходя из не-

ровного дна могилы, отсутствия фиксации плах под погребенным и хорошей фиксации плах со всех сторон от погребенного, можно утверждать, что погребенный был положен прямо на известковое основание (известковый слой является на памятнике материковым).

Кости кистей рук фиксировались в анатомическом порядке на бедренных костях, коленные чашечки располагались на коленных суставах, ребра лежали на внутренней поверхности или боком. Кости рук и ног лежали параллельно оси погребения, тесно прилегали к костям таза и ребрам. Череп раздавлен, лежал на боку (на правой височной кости), лицевым отделом развернут на север. Сохранность черепа плохая, состоит из отдельных фрагментов. Нижняя челюсть стояла на основании, правая ветвь отломана, лежала на внутренней стороне. Часть шейных позвонков располагалась в восточной части погребения. Все выше сказанное указывает на процесс пеленания покойного

до положения в погребальную конструкцию снизу до шеи. Шея и голова находились в свободном состоянии в погребении, возможно на подушке (?). Между двумя погребальными конструкциями был положен керамический сосуд.

2 этап. Создание внутри курганной конструкции.

Вокруг погребальных конструкций или одной конструкции, на дневную поверхность укладывался сруб в один венец величиной 3,8 x 4,0 м (направление сруба соответствовало направлению погребенных), бревна были весьма крупные не менее 0,50 м в диаметре. Срубная конструкция засыпалась коричневым суглинком (мощностью 0,10-0,14 м), который является основным слоем на памятнике, почва укладывалась не плотно (не утрамбовывалась), на что указывает неровная верхняя граница на профиле. Слой укладывался ровно в границах сруба, но позднее под воздействием естественных процессов произошло уплотнение грунта. Сверху коричневый слой был перекрыт известковым слоем (карбонат кальция), который являлся материковым на памятнике. Известковый слой не выходит за пределы сруба, что указывает, на то, что сруб был своеобразной "опалубкой" для известкового слоя. Карбонат кальция является нерастворимым в воде и, учитывая отсутствие крупных конкреций карбоната кальция, можно предположить, что для засыпки использовался рыхлый мучнистый горизонт карбонатной коры (клише (?)). Все вышесказанное указывает, что субъект, создававший данную насыпь, стремился создать ядро насыпи, не проницаемое для грунто-

вых вод, а, следовательно, неразрушимое под воздействием естественных процессов. Кроме вышесказанного, известковый слой не создает условий для деформационного сдвига, которому подвергается любая насыпь состоящая из разных почвенных слоев, так как тангенциальному давлению будет противопоставлена высокое сцепление карбонатных слоев с суглинистыми и глинистыми слоями (данное свойство известки, привело к широкому использованию ее в строительстве в прошлом и в настоящее время). Знание свойств почв у субъекта строительства указывает на большой объем накопленного эмпирического опыта в этом вопросе. Строительство насыпей, неразрушимых под воздействием естественных причин, являлось делом привычным - традиционным, для данного сообщества.

Второй этап строительства насыпи происходил в короткие сроки, как единовременная операция, так как в известковом слое и нижнем коричневом суглинке горизонте отсутствовали находки фрагментов керамики, что резко отличает данный слой от основного тела насыпи, внутри которой было найдено большое количество фрагментов керамики.

3 этап. Создание тела насыпи.

После создания ядра, из коричневого суглинка насыпалось тело насыпи, общий объем тела вала незначителен ок. 0,96 куб. м, мощность слоя - 0,10-0,15 м.

Тело насыпи содержит большое количество фрагментов керамических сосудов, что может быть связано с проведением поминальных действий при создании насыпи, кроме

этого создается впечатление (эмпирически не подтверждающиеся, так как внутри тела прослойки отсутствует погребенная почва), что тело вала создавалось не одновременно, а в течение нескольких лет. Дополнительным аргументом является то, что в двух курганах 25 и 26 фиксируются "впускные" погребения внутри тела насыпи.

Истоки традиции внутри-куранных конструкций

Первоначально данной части исследования не планировалось, так как нам казалось, что выявленные конструкции очевидны, хотелось просто издать результаты для сведения коллег. Но при выступлении на II всероссийской научной конференции "Пермские финны и угры Урала в эпоху железа" в 2009 г., именно деревянные конструкции в теле насыпи вызвали сомнения и многочисленные вопросы. Критика коллег вынудила меня начать поиск аналогий данной традиции.

Строительство "домиков мертвых", является весьма распространённым явлением в погребально-поминальной обрядности, которое фиксируется в археологической и этнографической литературе.

Начиная с ананьинской эпохи на ряде памятников на территории Прикамья фиксируется традиция строительства "домиков мертвых" - деревянных конструкций, повторяющих основные черты жилищ местного населения, которые строились специально для труположения или для хранения урн (берестяных коробов) с пеплом умерших (Мингалев, 1997,

с.32-36). Например, на Першинском могильнике фиксируются срубы вокруг погребенных, которые уложены прямо на "дневную поверхность". В позднегляденовское время данная традиция не исчезла, а продолжала существовать: примером является обнаруженный "домик мертвых" на Верх-Ирьякском могильнике (Мингалев, 2006, с.420; Перескоков, 2010, с.71). То есть вплоть до развития харинского культурного феномена на территории Прикамья данная традиция сохранялась.

Использование деревянных внутрикуранных погребальных конструкций на Переволочанском и Филипповском I могильниках (Голева, 2007, с.233-236; Пшеничнюк, 1996, с. 93-94) указывает на наличие данной традиции у сармат, с которыми, вероятно, связано (напрямую или опосредовано) появление Харинского культурного феномена в Прикамье (Шмуратко, 2011, с.10-16). Также данная погребальная традиция является характерным признаком Саргатской культуры (VII в. до н.э. - V в. н.э.) (Корякова, 1979, с. 191-206; Могильников, 1992, с.299) и Таштыкской культуры (I в. до н.э. - V в. н.э.) (Членова Н.Л., 1992, с.241), что показывает её распространённость в культурах лесостепной полосы.

На данном этапе исследования, мы не можем точно утверждать, что деревянные внутрикуранные конструкции являются одной из характеристик Харинского погребального обряда, но косвенные доказательства и результаты наших раскопок указывают, что такая вероятность весьма высока.

Заключение

Могильник Чазево I датируется кон. VI-VII вв. н.э., имеет своеобразное расположение и внутрикурганные конструкции. Выявленные в ходе антропологического анализа прижизненные травмы черепа указывают на возможность существования традиции обрезания кос у харинского населения (Брюхова, 2010. С.242-245). Выка-

пывание канавок и особенности земельных работ, проводимых при возведении кургана, позволяют сделать вывод о высоком уровне почвоведческих знаний у местного населения. Использование сложной пакетной схемы изготовления бытового ножа говорит о том, что данная технология для местных кузнецов была обыденной.

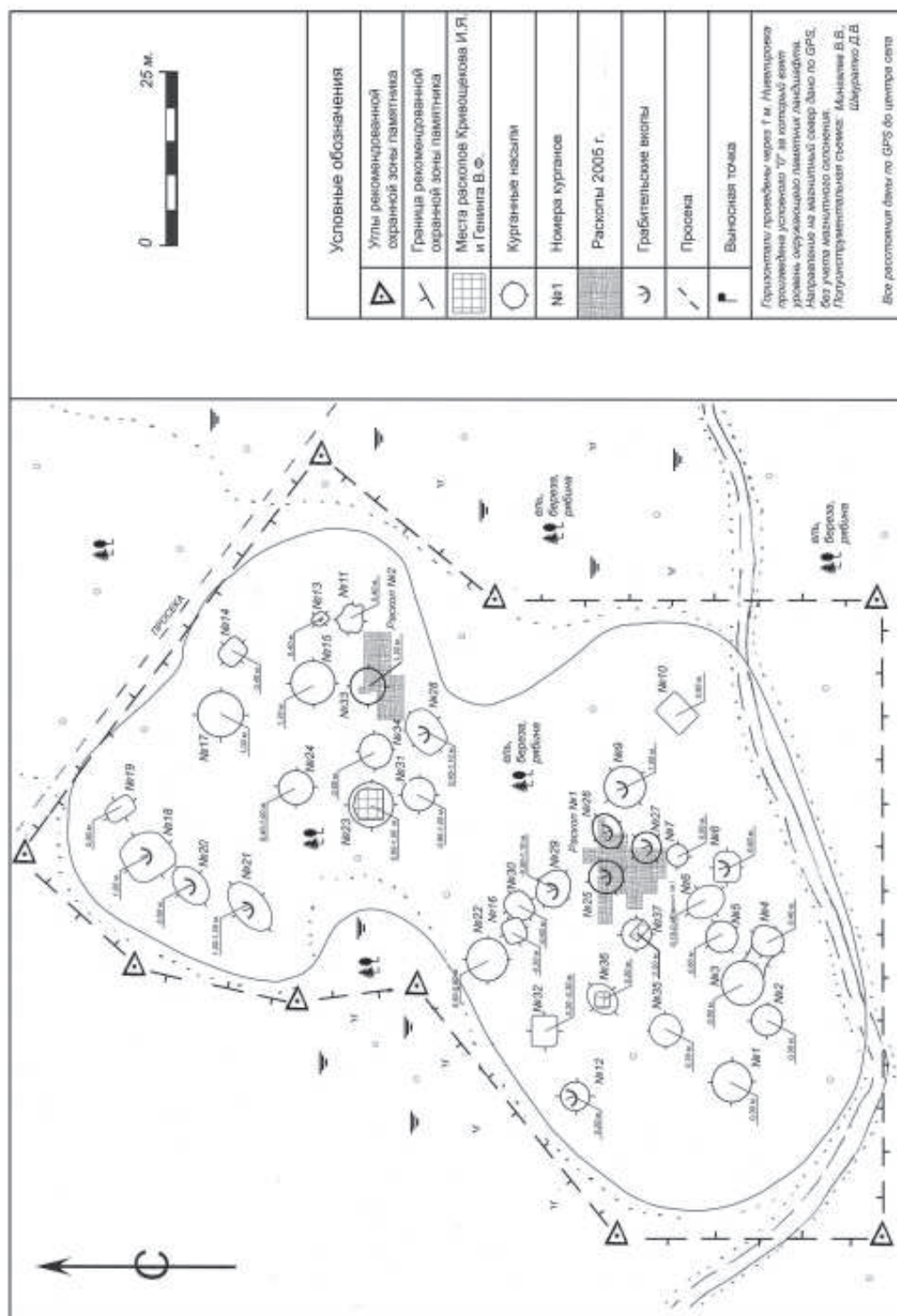
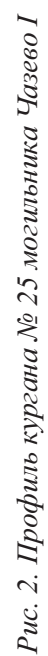

Рис. 1. Топографический план могильника Чазово I (сезон 2007 г.)

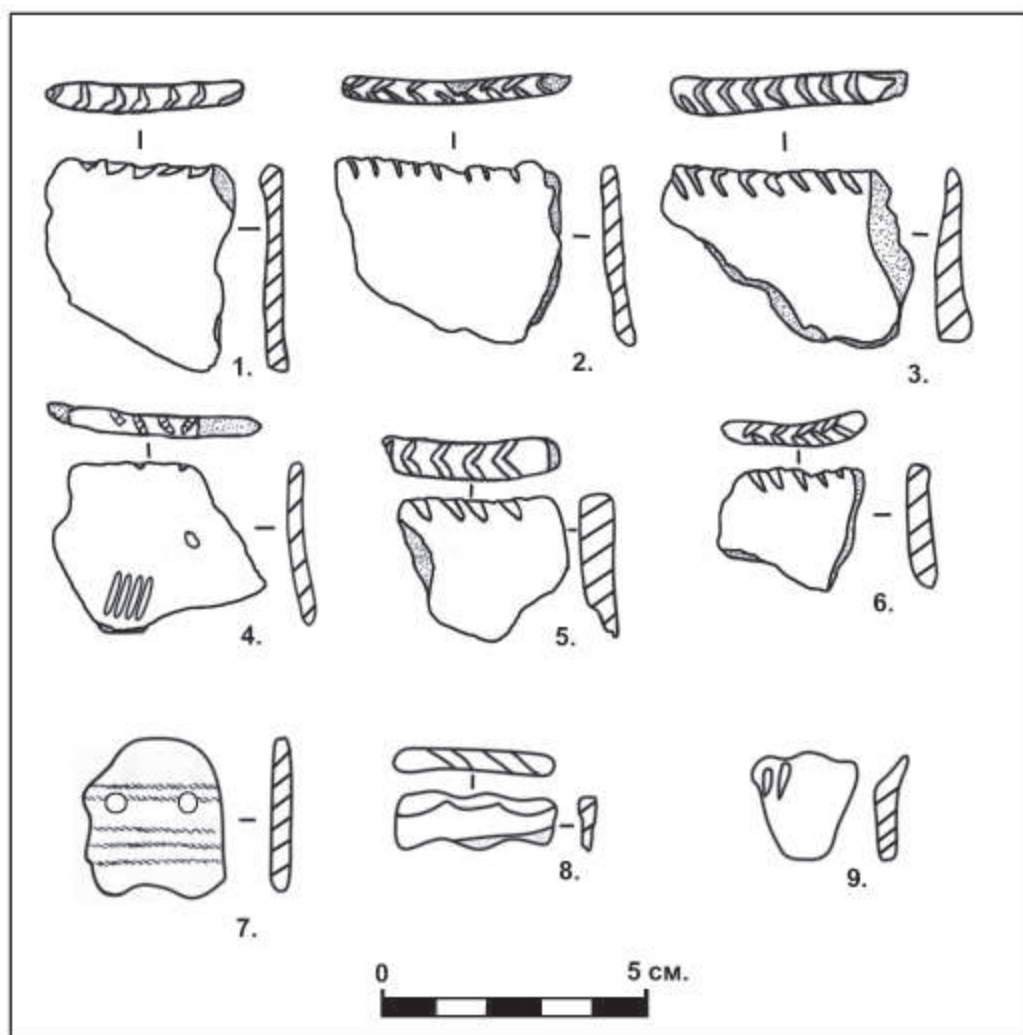

Рис. 3. Керамика могильника Чазево I

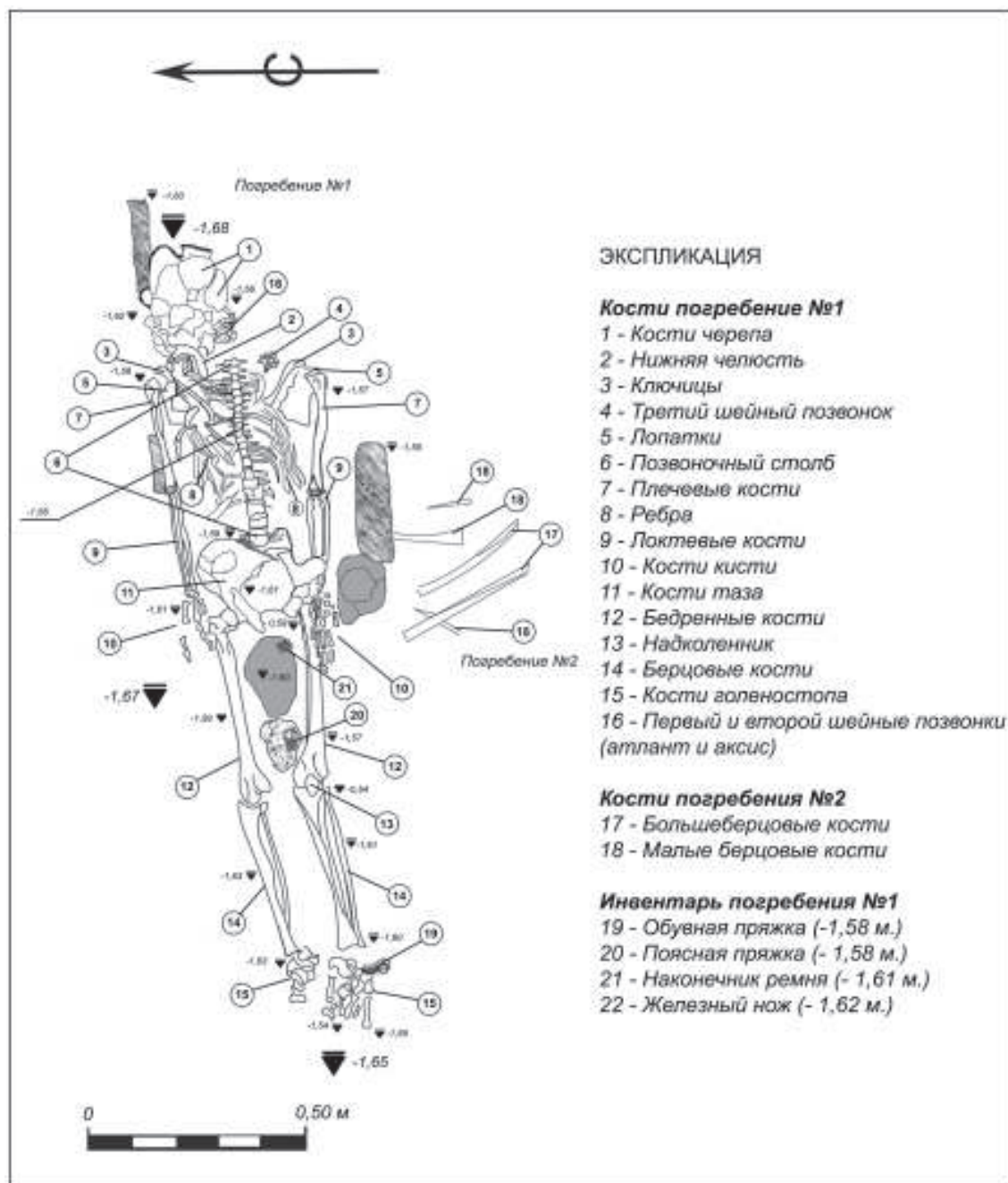

Рис. 4. План погребения № 1 кургана № 25 могильника Чазево I

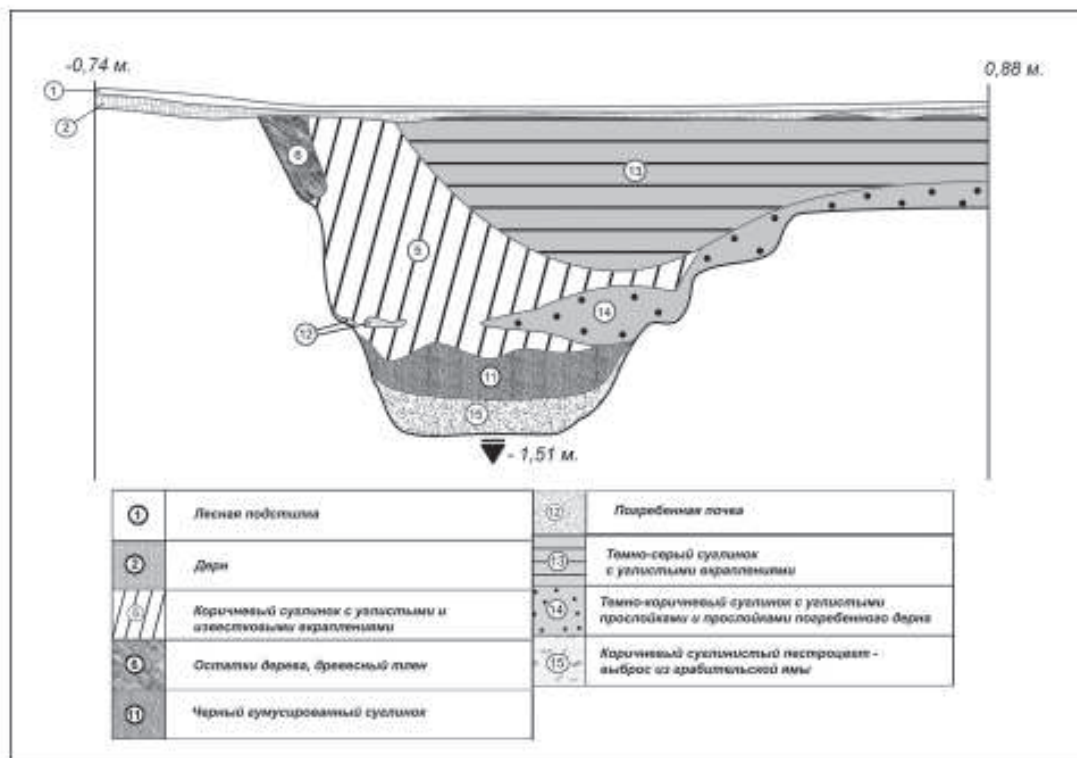

Рис. 5. Профиль курганный канавки кургана № 27 могильника Чазево I

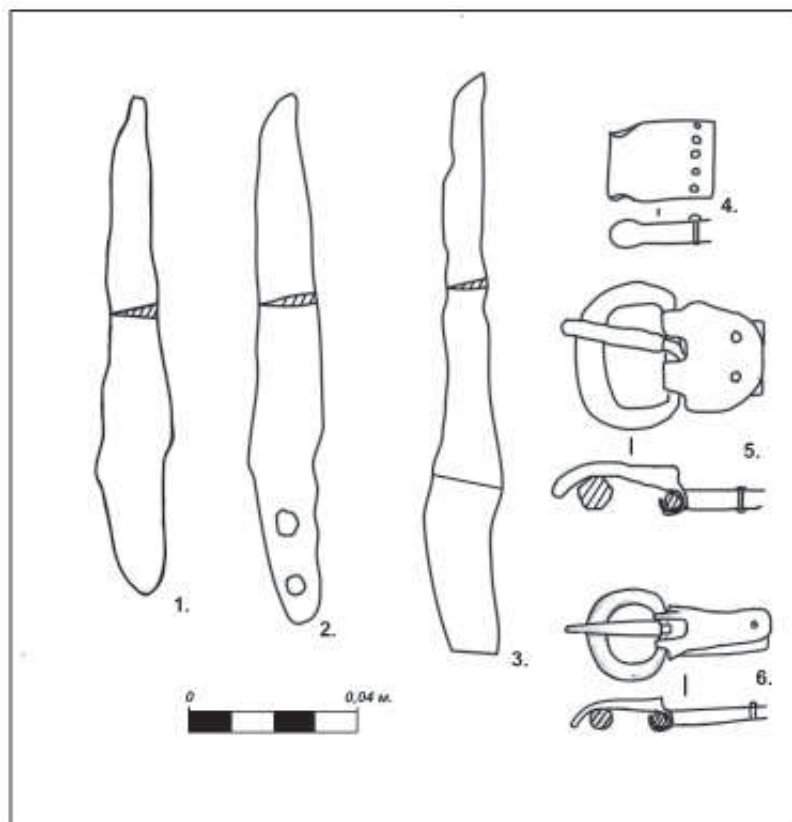

Рис. 6. Вещевой комплекс могильника Чазево I (сезон 2007 г.)
(1 - из грабительского выброса; 2 - погребение № 1, кургана № 26; 3-6 - погребение № 1, курган № 25)

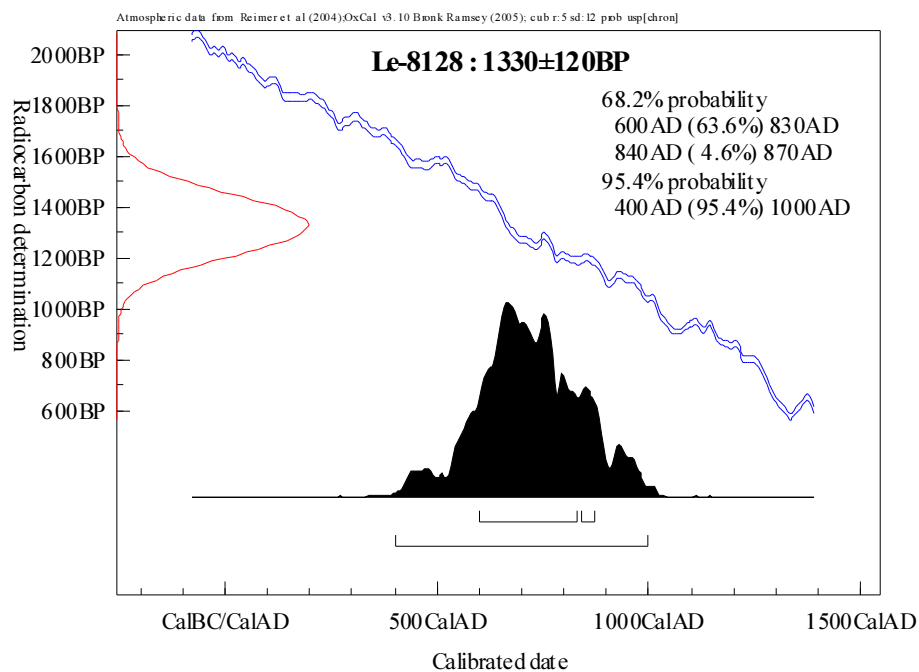

Рис. 7. Le-8128. Пермский край, Косинский р-он. Мог. Чазево I, Курган 25, погр. 1

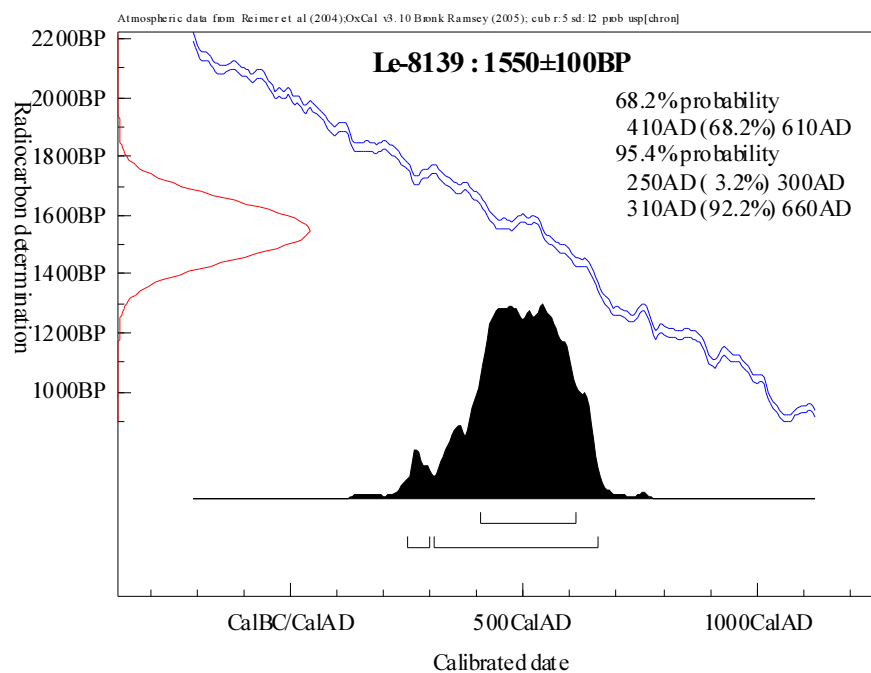

Рис. 8. Le-8139. Пермский край, Косинский р-он, Мог. Чазево I, Курган 25, погр. 2, гл. 0,86-0,68 м

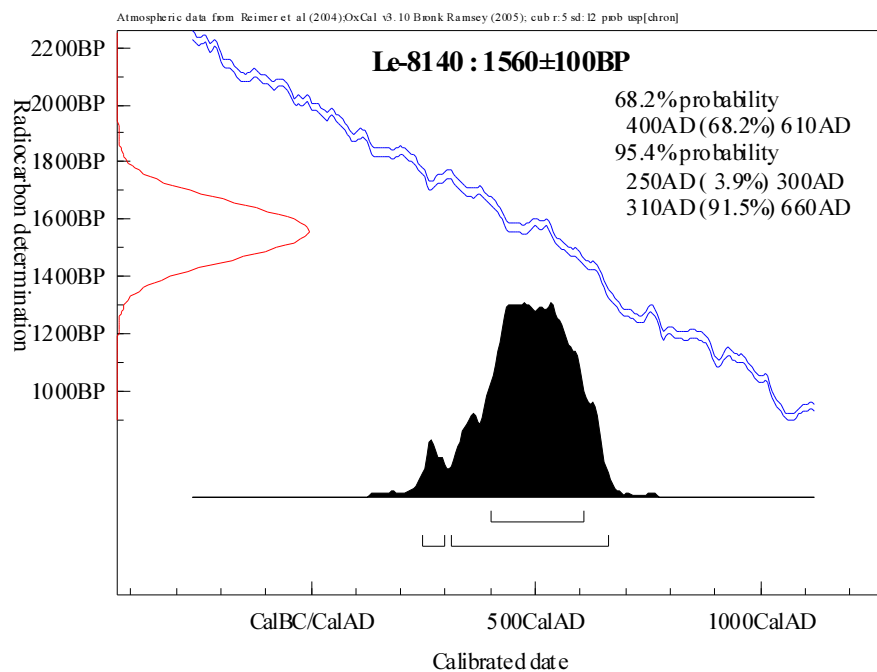

Рис. 9. Le-8140. Пермский край, Косинский р-он, Мог. Чазево I, Курган 25 в насыпи кургана, гл. 0,26-0,28 м

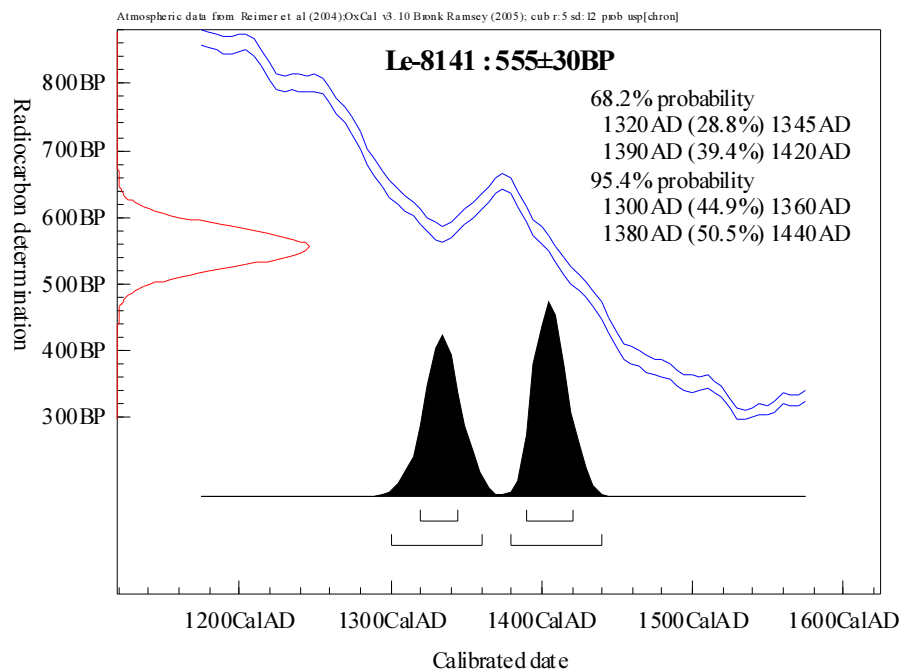

Рис. 10. Le-8141. Пермский край, Косинский р-он, Мог. Чазево I, Курган 26 кв. А/142, гл. 0,84-0,86 м

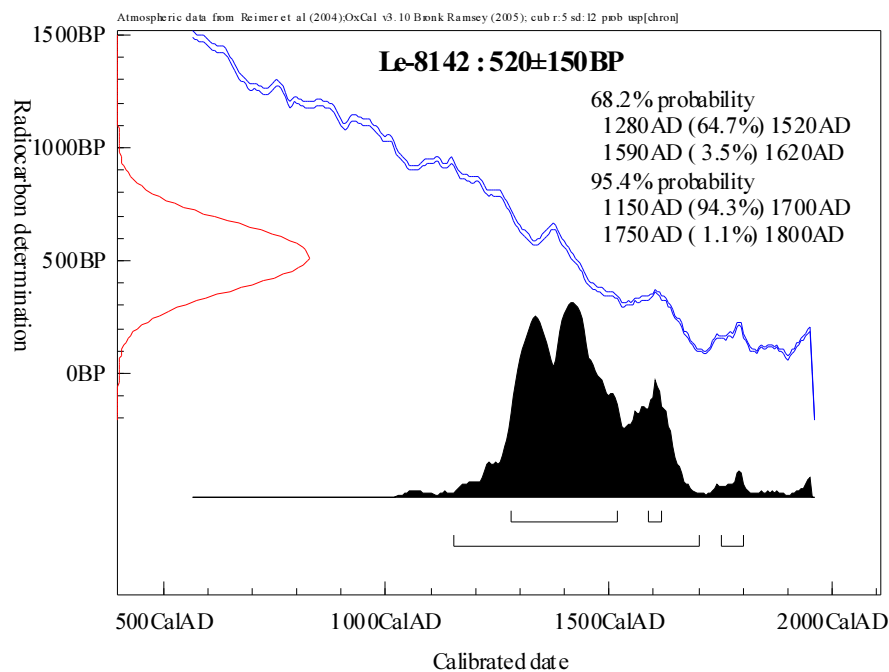

Рис. 11. Le-8142. Пермский край, Косинский р-он, Мог. Чазево I, Курган 26, гл. 0,43-0,49 м
(в насыпе кургана)

А.М. Белавин
ЛАВРЯТСКОЕ ГОРОДИЩЕ
(по раскопкам 1992 г.)

В 1992 г. в рамках подготовки к инвентаризации археологических памятников Пермского края (тогда области) силами КАЭЭ ПГПУ была проведена археологическая разведка по р. Вильва, левому притоку р. Косьва, левому притоку р. Кама в Добрянском районе. Целью разведки, проводимой по открытому листу А.М. Белавина, была проверка состояния ряда известных памятников и поиск новых археологических объектов. В ходе разведки были осмотрены Баяновский могильник, Лаврятское городище, Баяновское селище, выявлено Бородкинское селище.

Лаврятское городище хорошо известно в археологии Прикамья еще с XIX в., материалы, собранные на городище во время его раскопки, имелись в коллекции Теплоуховых, от владельцев коллекции поступили в Музей УОЛЕ (ныне Свердловский областной музей) и в Археологический музей Казанского университета, где хранятся и по сию пору.

Городище обследовалось Ф.А. Теплоуховым в 1879 г., разведочным отрядом КАЭ ПГУ - в 1951 г. Раскапывалось В.А. Обориным в 1953 г. Тогда им было вскрыто 232 кв.м, при этом были изучены наземное жилище и яма-кладовка. Найдены железные и костяные наконечники стрел, ножи, серп, каменная зернотерка, обугленные зерна ячменя, глиняная литейная форма, метал-

лические бляхи (изображающие людей и животных), пряслица, коchedыки, бронзовые украшения, стеклянные бусы. Находки с городища из коллекции Теплоуховых опубликованы А.А. Спицыным (Спицын, 1902, табл. XXV-7,12; XXVI-6; XXVIII - 5). Материалы из раскопок В.А. Оборина хранятся в Кабинете археологии ПГУ и в Пермском краевом музее. Эти материалы были частично опубликованы В.А. Обориным (Оборин, 1953, с. 158-159).

По существующей в экспедиции традиции в 1992 г. нами проводились беседы с местными жителями, с целью собрать существующий фольклор про городище. Рассказы эти весьма любопытны. Мыс, на котором расположено городище, носит название "Городок". По мнению местных жителей под "Городком" имеется пещера, в которой хранится клад. "Ломиком стукнешь - пустота звенит". "В детстве ныряли - хотели вход найти, но вода мутная и холодная - долго не просидишь". Река регулярно вымывает из-под городища "золотые ложки и вилки", которые, якобы, когда-то собирали местные жители. По рассказам некоторые из стариков сколотили себе на этих кладах приличный капитал. Кто собрал в пещере эти богатства не известно: от разбойников (Ермак, Разин, Пугачев), до древних людей. Последняя версия явно связана с работами, которые производил на городище В.А. Оборин - в качестве рабочих нанимали местных школьников. "Школьницей робыла, копала, я-то ничего не нашла кроме косточек и черепков, а другие, говорят, находили". "Много золота и серебра находили,

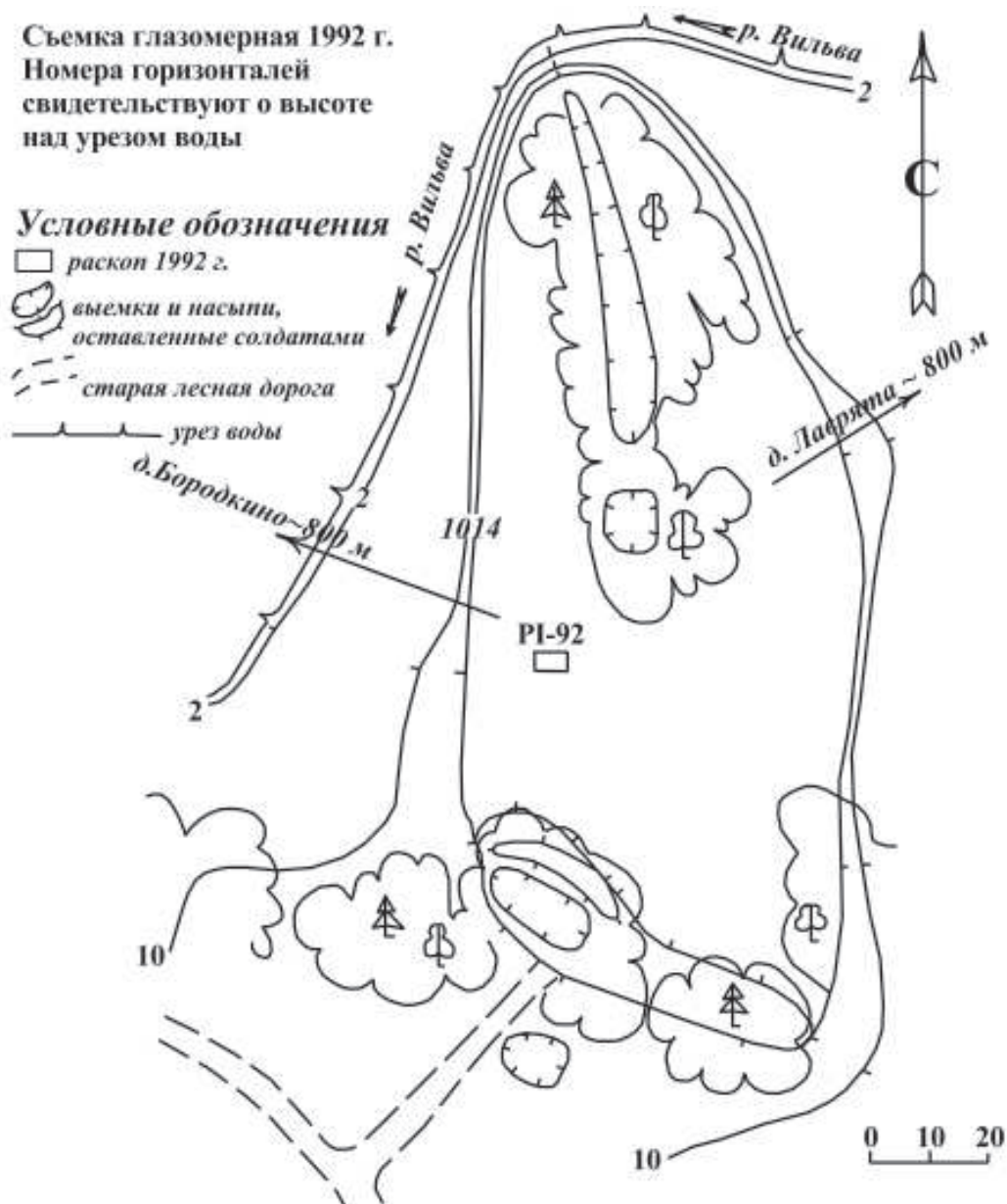

Рис.1. План Лаврятского городища (1992г.)

каждый вечер приходила машина и увозила богатства в Пермь. Я, правда, сам ничего такого не нашел". "Когда копальщики уехали - мы все ходили туда, но золота не нашли".

Вскоре после раскопок В.А. Оборина в середине 50-х годов XX века на городище неоднократно производились кладоискательские работы, о которых в Пермь не сооб-

щалось. Работы эти, под видом секретных дел, были организованы батальоном железнодорожных войск, который строил станцию Бородкино и реконструировал железную дорогу. Солдатами и офицерами был выкопан огромный ров по оси мыса от центра площадки до подножия стрелки - он начинался на месте траншееобразного углубления у подножья городища, в котором

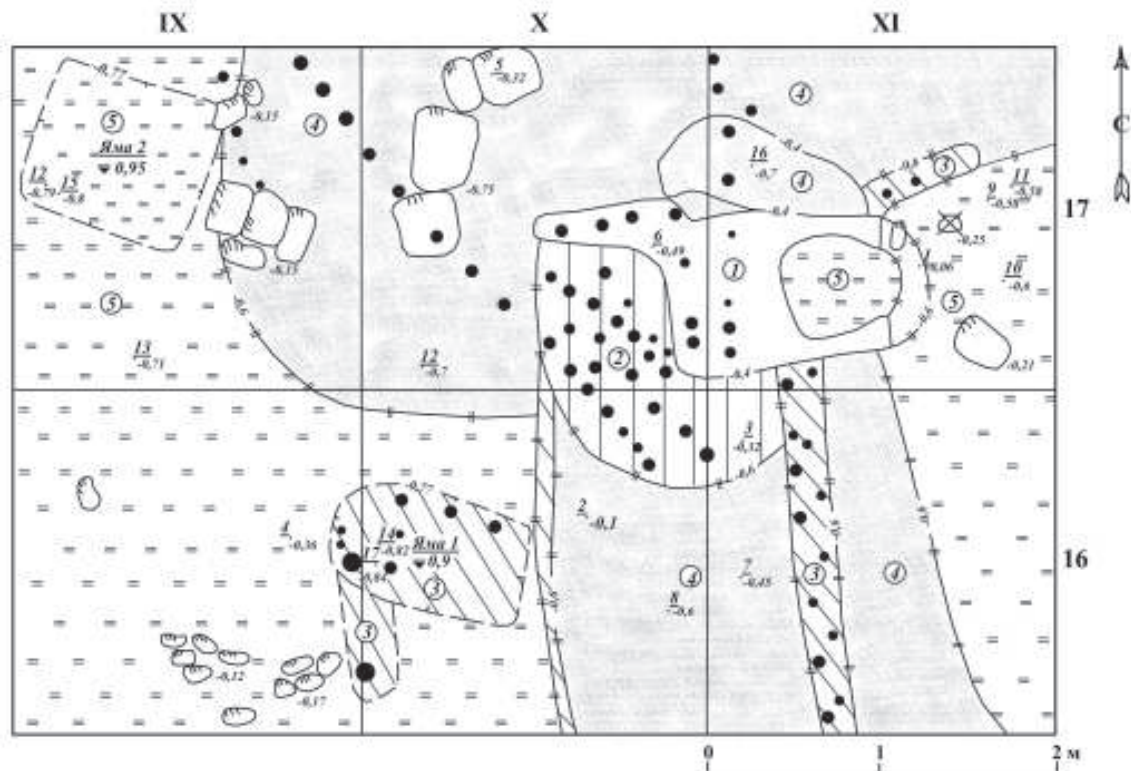

Рис. 2. План раскопа 1992г.

Ф.А. Теплоуховым в 1879г. были обнаружены остатки сгнившей деревянной крепи, укреплявшей стенки. Остатки этой траншеи, которая, по мнению В.А. Оборина была специальным земляным коридором, облегчавшим и защищающим спуск с площадки городища к реке, воспринималась кладоискателями как проход в упомянутую "пещеру с золотом". Южнее его окончания был выкопан котлован 10х10 м и глубиной свыше 1,5 м. Еще более крупный котлован был выкопан ими же на западной оконечности вала. Ни котлованы, ни траншея не были засыпаны, к 1992 г. они несколько оплыли, частично обдерновались и поросли густым подлеском. Места раскопок В.А. Оборина были частично уничтожены военными во время кладоискательства, остальные раскопы, вероятно тщательно

засыпанные, к 1992 г. стали совершенно не заметны.

С учетом серьезных повреждений площадки причиненных военными-кладоискателями, а так же не слабеющим интересом местных жителей к "пещере" под городищем, нами было принято решение о проведении небольших рекогносцировочных раскопок с целью проверки состояния культурного слоя и пригодности городища к масштабным археологическим исследованиям.

В ходе наших работ был уточнен план (рис. 1) и размеры городища. По нашим данным городище имеет размеры 160х65 м, т.е. его площадь (вместе с валом и рвом составляет около 10 тыс. кв.м). Склоны площадки крутые (60-65 градусов), с восточной стороны имеют следы специальной подрезки (эскарп), они ограничивают площадку

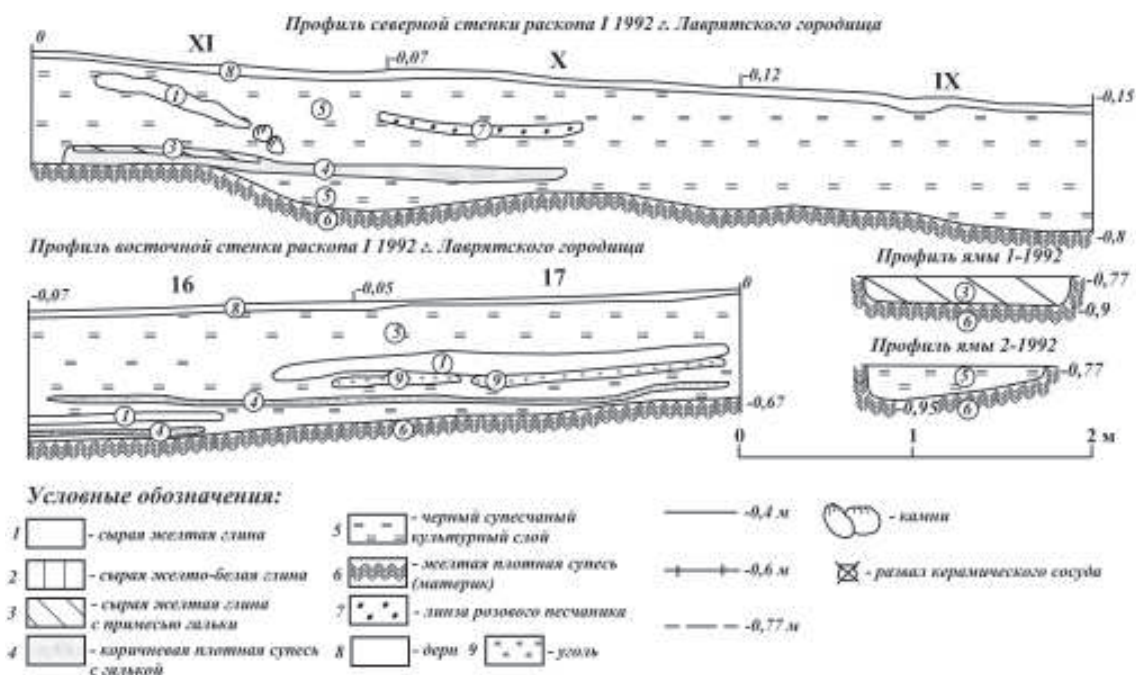

Рис. 3. Стратиграфия раскопа 1992 г.

с запада, севера и востока, сама площадка приподнята к центру и полого опускается к склонам. С южной стороны городище ограничено валом, в настоящее время поросшим густым лесом. Со стороны площадки вал наблюдается как небольшое повышение - от 1 до 1,5 м. С напольной стороны высота вала от 6 до 8 м, в западной части вал разрушен кладоискательским котлованом, отвал которого повышает здесь высоту вала до 3 м со стороны площадки. С напольной стороны отмечены так же следы рва, выражающиеся в виде невысокого уступа - ров с 1950-х гг. окончательно заплыл и его южный край фактически слился с предвальной местностью. К валу городища ведет старая лесная дорога, которую используют для вывоза сена, заготавливаемого на площадке городища жителями пос. Таборы.

В 1992 г. нами были предпри-

няты небольшие рекогносцировочные раскопки городища, имеющие целью установить степень сохранности культурного слоя и пригодность памятника к дальнейшим исследованиям, после ущерба, причиненного кладоискателями.

Раскоп, получивший номер 1-1992 (рис. 2) имел площадь 24 кв.м и располагался в центральной части площадки городища, ближе к её западному краю. Поверхность раскопа была практически ровная, с небольшим уклоном к западу (перепад не более 18 см). Стратиграфия, выявленная на раскопке, была предельно простой (рис.3):

по всей поверхности находился дерновый слой мощностью до 6 см; под ним залегал слой черной супеси с находками (культурный слой) мощностью до 75 см;

в северо-восточной и восточной части раскопа в придонной части наблюдалась прослойка серой плот-

ной супеси с галькой;

он подстилался материковым слоем плотной желтой супеси, из которой сложен мыс.

Местами на профилях стенок сохранились прослойки сырой желтой глины, гальки и песка.

На раскопе выявлено две небольшие мы и остатки крупного сооружения, занимавшего большую часть раскопа.

Яма №1 находилась на участке X-16 и была зафиксирована на границе культурного слоя и материковой глины в виде пятна черного слоя прямоугольной формы. Её размеры на уровне фиксации 64 x 112 см. Глубина дна 90 см от поверхности раскопа, дно ровное, стенки ямы крутые вертикальные. В дне ямы обнаружено 7 столбовых ямок разного диаметра 3 из которых расположены у северной стенки ямы. Яма № 2 расположена на участке IX-17. Она была зафиксирована на глубине 77 см от поверхности в виде темного пятна прямоугольной формы размерами 84 x 100 см. Глубина дна - 95 см от поверхности раскопа, дно покатое и несколько углубляется к западу. Заполнение - культурный слой. С востока к яме примыкает разрушенная каменная выкладка и ряд столбовых ямок.

Сооружение занимало 2/3 площади раскопа. В его центре выявлена подпрямоугольная площадка из сырой глины размерами 80 x 150 см, глубина фиксации 40 см от поверхности, мощность прослойки 35-40 см. На глубине от 56 до 68 см к югу и северу от площадки залегал слой плотной коричневой супеси с примесью речной гальки и керамической крошки. С запада на этой же глубине к площадке из сырой

желтой глины примыкала овальная вымостка из сырой желто-белой глины. В этой глине обнаружено 6 взаимопересекающихся линий из столбовых ямок небольшого диаметра (6-10 см). Слой коричневой супеси с запада ограничивался полосой шириной 18-22 см из плотной сырой глины с примесью гальки и керамической крошки. Такая же, только более широкая полоса, шла вдоль слоя коричневой супеси от южной стенки раскопа к центральной площадке.

Площадка из желтой сырой глины в центре имела углубление с дном линзовидной формы, заполненное культурным слоем. Диаметр углубления - 60 см. Поперек сооружения по полосе глины с примесью гальки шел ряд из 21 столбовой ямки, расположенных на расстоянии 8-12 см друг от друга. Эта линия пересекала и центральную площадку из сырой глины, продолжаясь от южной стенки к северной. Еще один ряд столбовых ямок шел под углом от центра в северо-западный угол площадки, занятой коричневой плотной супеси с галькой.

В северо-западной части площадки из коричневой супеси с галькой на глубине 65-70 см от поверхности обнаружены остатки разрушенной или не доделанной выкладки из плоских камней.

Назначение сооружения не ясно, возможно, что это остатки недостроенного жилого сооружения. Центральная площадка из сырой глины с углублением и примыкающей к ней участок из сырой глины с обильным количеством ямок от тонких жердей представляет собой недостроенный отопительный прибор типа чувал, который строился

путем забутовки каркаса глиной. Подобные сооружения известны как Прикамье, так и в Западной Сибири с эпохи средневековья до XX столетия. В таком случае сходящиеся под прямым углом у недостроенного чувала полосы глины с рядами столбовых ямок на участках XI - 16, 17, вероятно связаны со стенками жилого сооружения, в углу которого должен был располагаться чувал. Площадки из коричневой плотной супеси - следы строительства, так же как и описанные выше ямы - следы выемки глины для забутовки чувала.

Поскольку сооружение находилось внутри культурного слоя, подстилаясь и перекрываясь им, то его возможная дата X век, именно так В.А. Оборин датирует средние горизонты культурного слоя Лаврятского городища.

Находки, сделанные во время раскопок 1992 г. ярко характеризуют материальную культуру жителей городища, практически ничем не отличающуюся от типичного состава материальной культуры позднеломоватовского времени.

Всего на раскопе I 1992 г. было собрано 182 фрагмента керамики, выделено 67 сосудов (рис. 4 - 8). Все сосуды изготовлены способом ручной лепки техникой ленточного кольцевого налепа. Фрагментов посуды, изготовленной на гончарном круге, ни болгарской, ни русской, не встречено.

По составу глиняного теста преобладают фрагменты с примесью толченой раковины (фракции средних размеров) и растительности. Только в одном фрагменте примесь раковины отсутствовала, отмечена лишь растительная примесь.

На многих фрагментах прослеживаются "расчесы", образованные при обработке поверхности грубым материалом (щепой, пучком травы). В подавляющем большинстве случаев "расчесы" с наружной стороны располагаются в горизонтальном направлении, с внутренней - в вертикальном. Подобный способ обработки поверхности фиксируется, в основном, на фрагментах крупных и средних сосудов. Миниатюрные сосуды заглаживались мягким предметом. Обработка поверхности щепкой или пучком травы характерна для ломоватовской и неволинской керамики (Голдина, 1985, с.94; Голдина, Водолаго, 1990, с.88), уже на харинском этапе наблюдалось преобладание этой техники над заглаживанием мягким предметом (Генинг, 1980, с.118). В XI в. "расчесы" на керамике полностью исчезают, преобладает способ обработки поверхности мягким материалом.

Обжиг керамики относительно равномерный. По цвету выделяются различные оттенки серого и коричневого цвета, причем преобладают серые: серый - 7,5%, светло-серый - 24%, темно-серый - 30%, серо-коричневый - 18%, коричневый - 10%, светло-коричневый - 9%, желто-коричневый - 1,4%.

Сосуды сильно фрагментированы, в большинстве случаев можно восстановить только их верхнюю часть. Лишь по 5 фрагментам удалось реконструировать от 1/2 до 2/3 сосуда. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют выделить по форме чаши, у которых высота меньше диаметра наиболее раздутой части тулова, горшки, у которых высота равна или больше диаметра наиболее раздутой части тулова, и миски

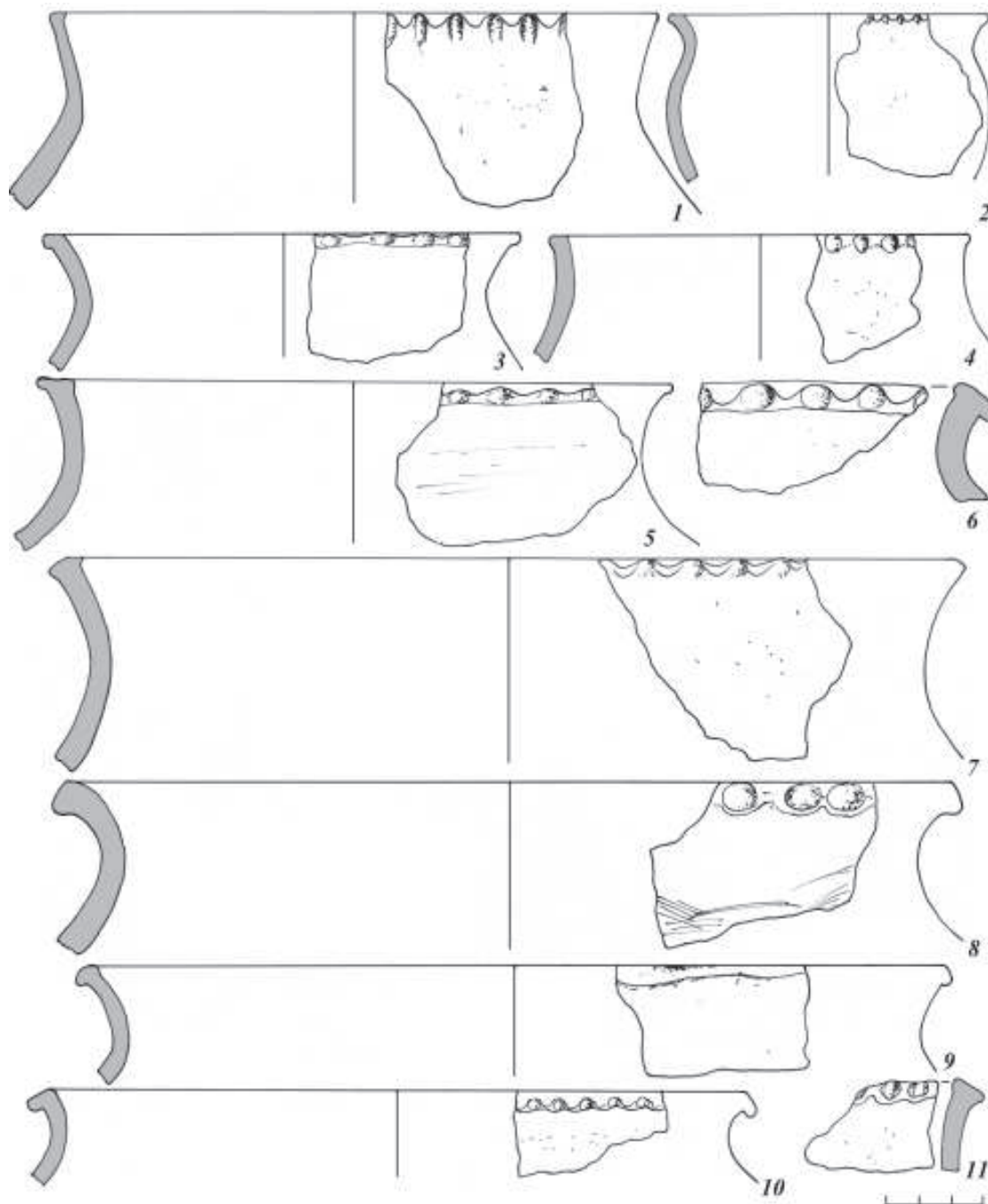

Рис. 4. Керамика Лаврятского городища.

(2 экз.) - низкие непрофилированные сосуды без шеек со сходящимися стенками (с закрытым устьем). Горшковидные и чашевидные сосуды имеют преимущественно блоковидную горловину. Только у одного сосуда, найденного в верхнем горизонте, форма

горловины цилиндрическая.

По размерам преобладают крупные сосуды с диаметром по венчику 28-40 см (51%), которые, очевидно, использовались в качестве кухонной и тарной посуды. Толщина стенок таких сосудов составляла от 0,5 до 1,3 см. Много сосудов

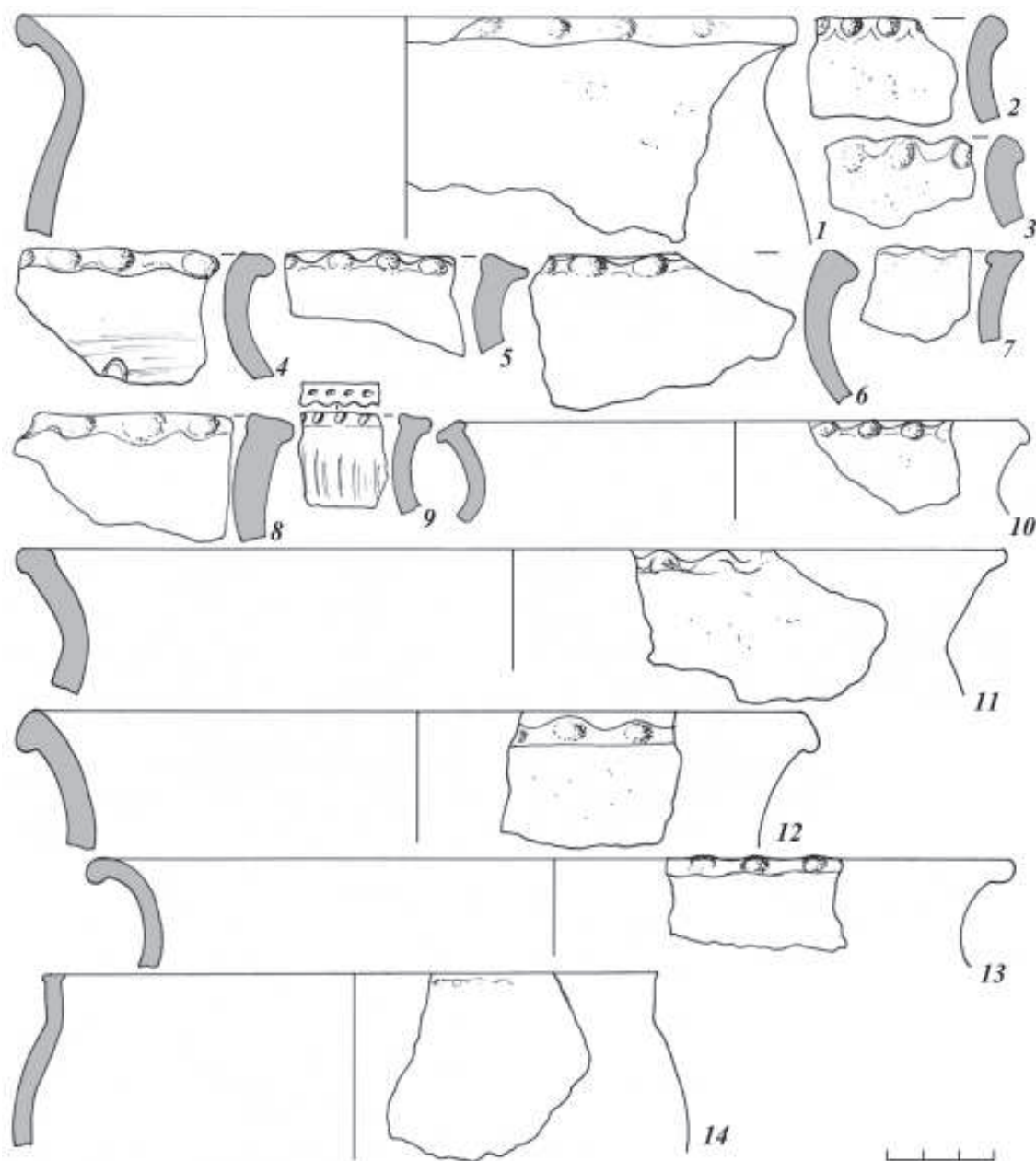

Рис. 5. Керамика Лаврятского городища.

средних размеров с диаметром по венчику 13-22 см, с толщиной стенок 0,5-0,8 см (43,5%). Миниатюрные сосуды с диаметром по венчику 9-11 см со стенками толщиной 0,3-0,5 см составляют 4,5%.

Общее количество орнаментированных фрагментов керамики составляет 35,7%. Сосуды орнаментированы по венчику, по венчику,

шейке и плечу, по шейке и плечу, по венчику и плечу или только по плечу.

Фрагменты венчиков представлены в количестве 40 экз., из которых 57,5% составляют плоские отогнутые наружу, 40% - плоские горизонтальные, 2,5% - округлые венчики. 90% венчиков оформлены пальцевыми защипами. 2 венчика

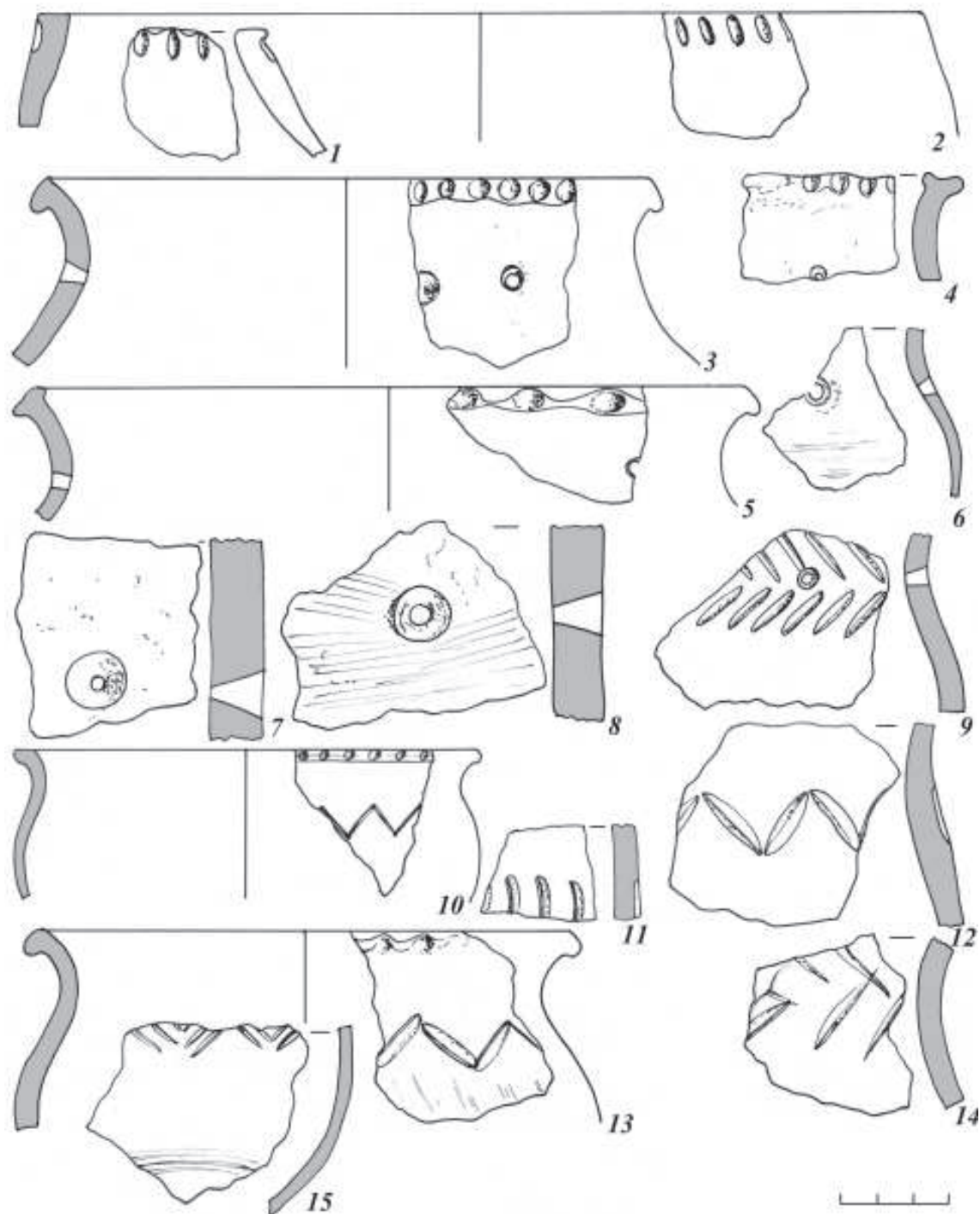

Рис. 6. Керамика Лаврятского городища.

(5%) украшены снаружи отпечатками лопаточки, на одном фрагменте с пальцевыми защипами по краю, на срезе венчика отмечены отпечатки острой палочки. В двух случаях (5%) венчики неорнаментирован-

ные. Орнаментация венчиков пальцевыми защипами характерна для ломоватовской керамики, причем, как отмечает Р.Д.Голдина, она преобладала на ранних памятниках (Голдина, 1985, с.97). Известна та-

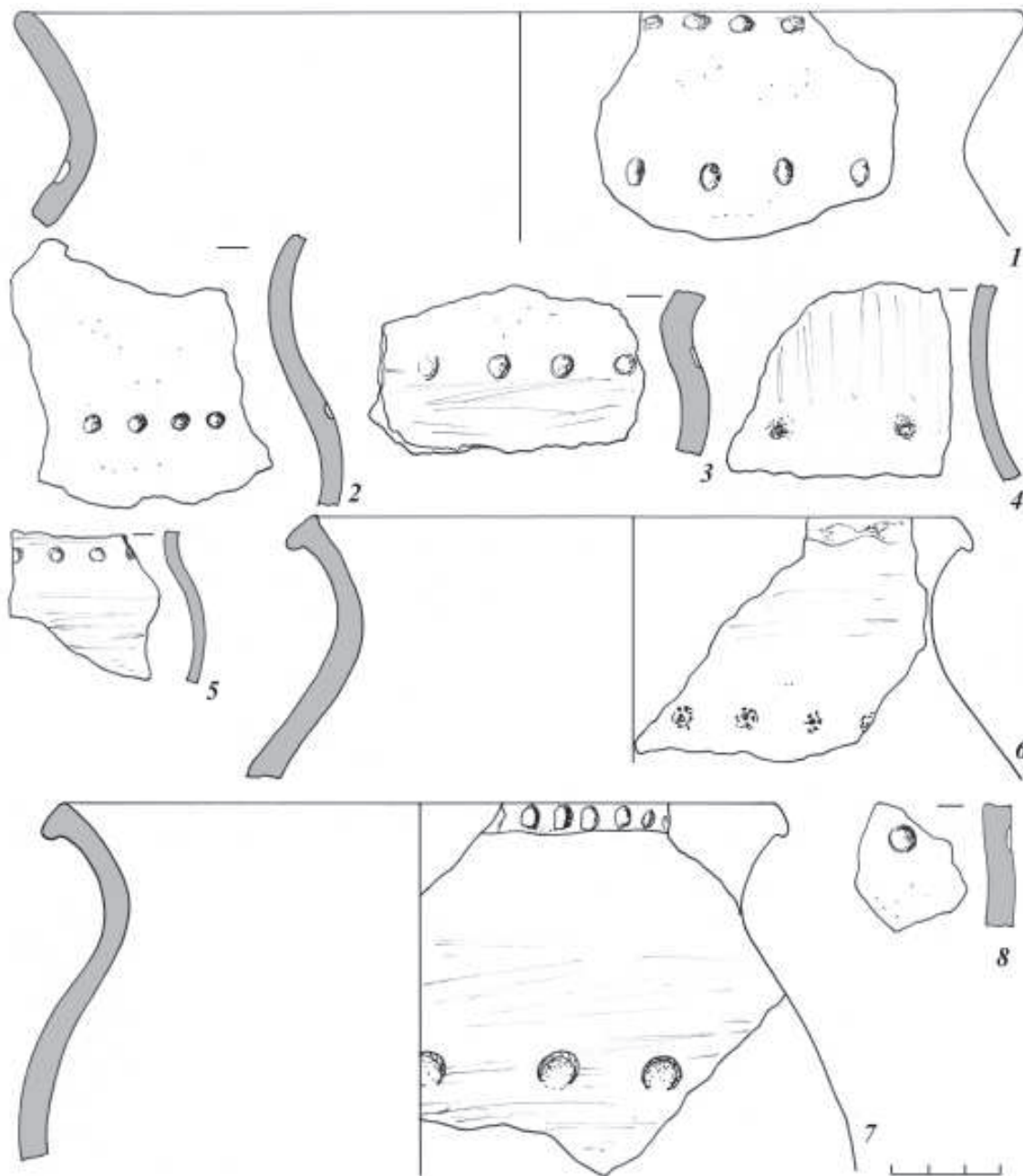

Рис. 7. Керамика Лаврятского городища.

кая орнаментация венчиков и в неволинской культуре (Голдина, Водолаго, 1990, с.89). К XI в. способ оформления венчиков защепами исчезает.

По шейке (в одном случае - по плечу) сосуды орнаментированы многорядным шнуром (21,5%) (Рис.8, ф.1-10). Горизонтальные по-

яски из отпечатков шнура по шейке являются распространенным и специфическим видом орнамента, отличающим керамику ряда средневековых культур Приуралья, Горного Урала и Зауралья, и, по мнению ряда исследователей, маркируют наличие угорского компонента в среде носителей археологических

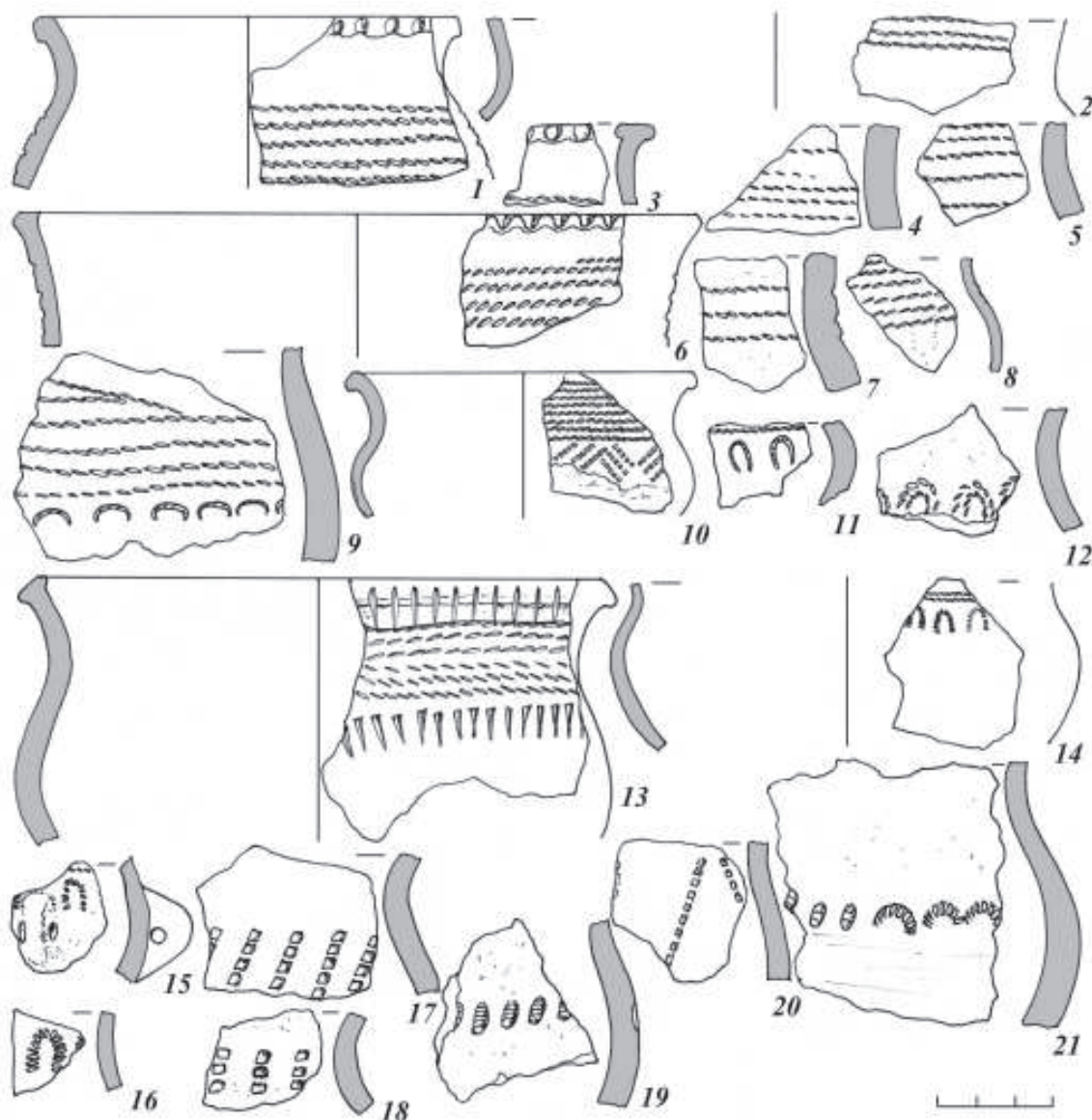

Рис. 8. Керамика Лаврятского городища.

культур (Чернецов, 1957, с.180; Генинг, 1959, с.197; Могильников, 1987, с.171; Казаков, 1994, с.87; 2003а, с.81; Викторова, 2008, с.111-122; Белагин, Иванов, Крыласова, 2009, с.123-151).

Шнуровой орнамент по шейке сочетается с расположенными по плечу рядами из "подковок" шнуровых или гребенчатых (4 экз., 6,1%) (рис. 8., ф.11, 14), многорядным зигзагом из отпечатков гребенчатого штампа (1 экз.), рядом вертикаль-

ных отпечатков, нанесенных краем лопаточки (1 экз.). "Подковки" по плечу встречены и без сочетания со шнуром (4 экз., 6,1%), в одном случае группы подковок чередовались с группами "личинок". Орнамент в виде ряда из отпечатков "личинок" (вариант гребенчатого штампа) присутствовал еще на одном сосуде. По мнению В.Д. Викторовой, сочетание шнура с отпечатками "подковок" - это одна из типичных угорских черт в орнаментации

керамики (Викторова, 2008, с.111-116).

В трех случаях (4,6%) для ornamentации сосудов был использован крупногребенчатый штамп, которым нанесены ряды наклонных отпечатков и зигзаг (рис.8, ф.17,18, 20). Этот вид ornamentации, существовавший на протяжении длительного времени и сохранявшийся в более поздних родановских материалах, можно считать элементом, характерным для финской культуры.

Довольно представительна (10,7%) серия сосудов, ornamentированных отпечатками гладкой лопаточки, которой нанесены зигзаг (3 экз.), горизонтальная "елочка" (2 экз.), вертикальные "елочки" (1 экз.), ряд из вертикальных отпечатков (1 экз.). Подобная ornamentация характерна для неволинской керамики (Голдина, Водолаго, 1990, с.90), где наряду с резными линиями, образующими композиции в виде зигзагов, "елочек" и пр., использовались и оттиски гладкой лопаточки.

Ряд сосудов ornamentирован по плечу расположенными горизонтальной линией неглубокими ямками, нанесенные кончиком или подушечкой пальца, торцом круглой палочки или пучка солом (12,3%) (рис.7). Такой способ ornamentации довольно широко представлен на кухонной посуде из поселенческих ломоватовских памятников (напр. селище Запоселье, нижние слои Рождественского городища).

Встречен также один фрагмент сосуда, у которого на плече имелись наклепные "ушки" с горизонтальными отверстиями диаметром 0,4 см. (рис.8, ф.15). Подобные "ушки" отмечаются на ломоватов-

ской посуде уже с харинского времени (Генинг, 1980, с.121; Голдина, 1985, табл. XXXVI/1; Белавин Крыласова, 2008, рис.128/7).

На 7 фрагментах керамики отмечаются сквозные отверстия, расположенные преимущественно в месте перехода от шейки к плечу. Предположительно, эти отверстия служили для привязывания к сосуду крышки, предохраняющей пищу от грызунов.

Таким образом, керамический комплекс Лаврятского городища в целом имеет все черты, характерные для ломоватовской культуры, за исключением небольшой серии сосудов с типичной неволинской ornamentацией.

Для столь небольшой вскрытой в 1992 г. площади коллекция вещевых материалов достаточно многочисленна и разнообразна по представленным категориям.

Украшений в коллекции представлено сравнительно немного, что обычно для поселенческих памятников.

На уч. XI/17 на гл. -0,58 м обнаружено две бусины, обе покрыты белесой патиной под воздействием огня. Одна из бусин - шаровидная сердоликовая (Рис.9, ф.1). Такие бусы были распространены широко по всей территории Восточной Европы и в Средней Азии. Преимущественно они характерны для памятников конца I - начала II тыс. н.э., только в Средней Азии сохраняются несколько дольше (Полубояринова, 1991, с.21-23). Вторая бусина - голубая в виде куба со срезаемыми углами из стеклянной пасты (Рис.9, ф.2). Такие бусы известны в материалах ломоватовской культуры, в частности, представле-

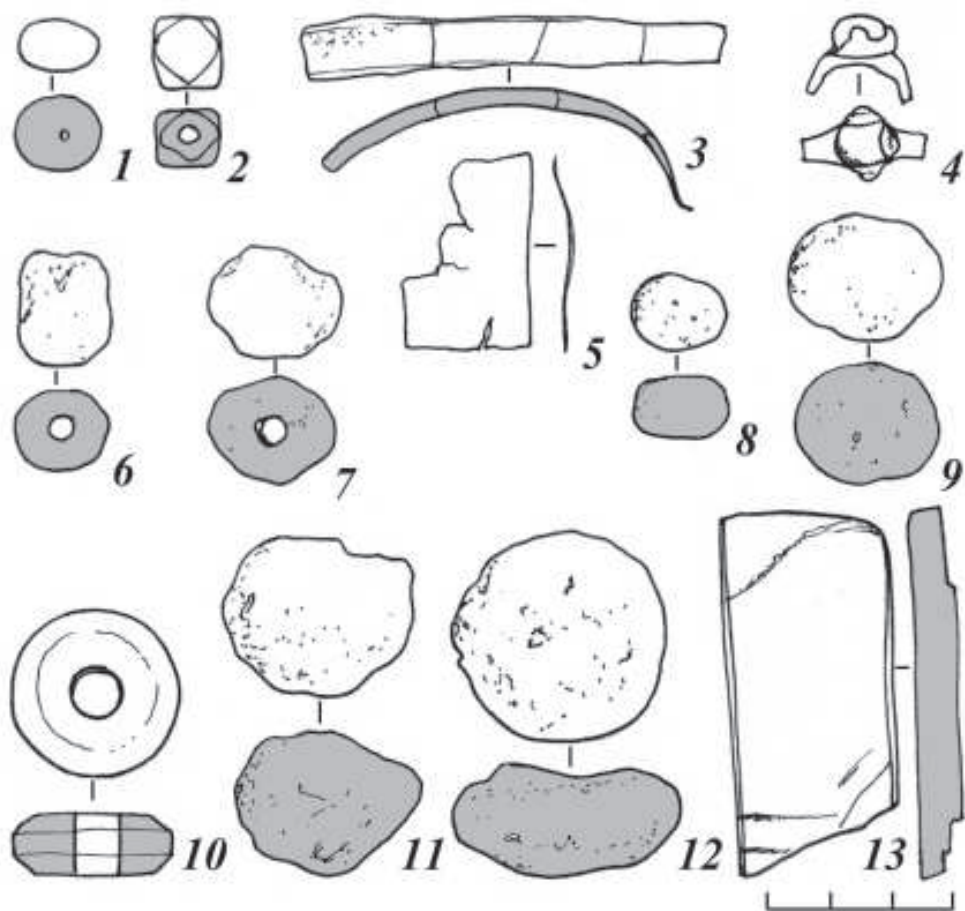

Рис. 9. Вещевой комплекс Лаврятского городища.

1-сердолик, 2 - стеклянная паста, 3,4,5 - бронза, 6-12 - глина, 13- камень.

1 - бусина сердоликовая, №9, XI/17, -0,58; 2 - бусина стеклянная голубая, №12, XI/17, -0,58; 3 - фр. бронзового браслета, №13, IX/17, -0,71; 4 - фр. бронзового перстня с синей стеклянной вставкой, №8, X/16, -0,6; 5 - фр. медной пластины, №3, IX/16, -0,32; 6 - керамический шарик с отверстием, №1, XI/17, -0,06; 7 - керамический шарик с отверстием, №2, IX/16, -0,8; 8-9, 11-12 - керамические шарики; 10 - лепное керамическое пряслице, №10, XI/17, -0,6; 13 - оселок, №16, XI/17, -0,7

ны на Рождественском археологическом комплексе (Абдулова, 2008, с.524). Они встречаются в неволинских комплексах VI-VII вв. (Голдина, 2002, с.6), в слоях IX-X в. Старой Ладого (Львова, 1968, с.90).

Найдены фрагменты бронзового пластинчатого браслета со слегка зауженными отогнутыми концами (рис. 9, ф.3, кв. IX/17, -0,71). Фрагменты сильно патинированы, орнамент на них не просматривается, хотя известно, что подобные ломоватовс-

кие браслеты нередко украшены простым узором, выполненным пуансоном (Голдина, 1985, 37).

На уч. X/16 на гл. -0,6 м найден фрагмент бронзового перстня со вставкой из синего прозрачного стекла, закрепленной четырьмя захватами (рис. 9, ф.4). Эти перстни т.н. "салтовского типа" были широко распространены на памятниках Восточной Европы и Паннонии IX-X вв. (Казаков, 1992, с.205). Известны они, в частности, в Прикамье (Белавин, Кры-

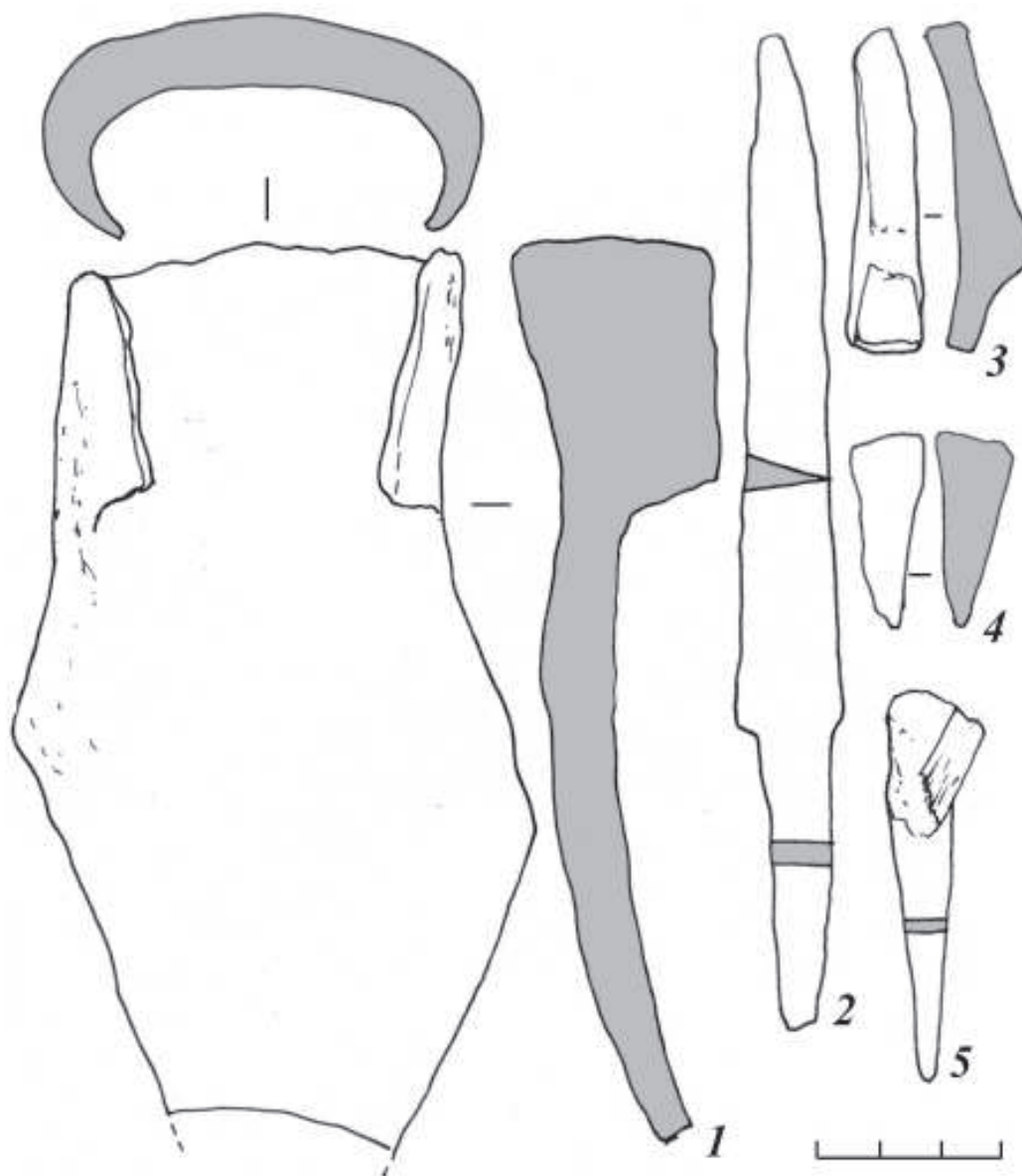

Рис. 10. Железные предметы. 1 - ральник, №7, X/16, -0,45; 2 - нож, №15, IX/17, -0,8; 3 - неопр. предмет; 4 - зубило, №11, XI/17, -0,58; 5 - черешок ножа, №5, X/17, -0,37

ласова, 2008, с.369-370) и на соседних территориях: в полемско-чепецких памятниках (Иванова, 1998, с.139, рис.55/17-18; Иванов, 1998, рис.19/20, 48/2-3, 8-10), в курганах Южного Урала IX-X вв. (Мажитов, 1981, рис.38/7, 44/12; 51/15), в раннебулгарских могильниках (Казаков, 1992, рис.22/15, 61/15, 73/42).

К предметам из цветных металлов принадлежит также фрагмент

медной пластины, найденный на уч. IX/16 на гл. -0,32 м (рис.9, ф.5).

Довольно многочисленна коллекция керамических предметов. Среди них присутствует лепное пряслице биконической формы (рис.9, ф. 10, кв. XI/17, -0,6), изготовленное из теста с примесью толченой раковины, цвет - серо-коричневый. Диаметр пряслица 2,8, толщина 1 см, диаметр внутреннего

отверстия - 0,8 см.

На участках XI/17 и IX/16 (рис. 9, ф.6,7) найдены два керамических шарика диаметром 1,7 и 2,2 см с отверстиями. Назначение этих предметов не совсем ясно. С одной стороны, судя по известным аналогиям (Рождественский арх. комплекс, Огурдинский могильник и пр.), такие шарики могли служить основой шаровидных двусоставных бронзовых бусин, которые были широко распространены в Прикамье в конце X - первой половине XI вв. Но фрагментов подобных бусин на Лаврятском городище не встречено, кроме того, известные аналогии обычно отличаются лучшим качеством изготовления. Можно предположить, что данные шарики служили грузиками для оттяжки нитей вертикального ткацкого станка.

Наиболее многочисленной категорией керамических изделий являются шарики, которых на столь незначительной площади раскопа собрано 74 экземпляра. Шарики изготовлены небрежно, неровные, иногда приплюснутые, плохо заглаженные. Диаметр их составляет от 1,5 до 3,5 см. Все они изготовлены из плохо промешанной глины с растительными примесями, но без толченой раковины. Цвет коричневый и серо-коричневый, обжиг неравномерный. Предположительно, эти предметы могли являться ядрами для пращи, хотя остается не ясным, по какой причине они были сосредоточены здесь в таком количестве.

Железные предметы относительно немногочисленны. Среди них наибольший интерес представляет фрагмент наконечника ральника (рис. 10, ф.1). Длина его сохранившейся части 14,5 см, вероятно, в

целом длина до поломки составляла ок. 17 см. Ширина трубицы 6,5, длина - 4 см. Ширина плечиков - 9 см. По классификации, предложенной А.Н.Сарапуловым, данный наконечник принадлежит к 1 типу - ральники со слабо выраженными плечиками, у которых длинная трубица, достаточно узкая рабочая часть и заостренный рабочий конец. Такие наконечники, скорее всего, использовались на ралах с положением полоза, близком к горизонтальному, которые применялись для первичной обработки почвы и для каких-то других специфических целей (Сарапулов, 2008; 2010, с.10-12). Учитывая, что материалы Лаврятского городища не выходят за пределы позднее начала XI в., этот ральник можно считать самым ранним из известных на территории Пермского Предуралья.

Среди железных предметов представлены также универсальный нож и фрагмент черешка ножа, неопределенный предмет и маленькое зубило. Такие зубила использовались при холодной рубке металла в кузнечном и ювелирном производстве.

Достаточно многочисленными являются предметы из кости. На разных участках раскопа обнаружено 6 фрагментов разбивальников из крупных трубчатых костей (по известным определениям материалов других памятников, для разбивальников чаще использовались метаподии лошади). Кость крепили на деревянных вешках так, чтобы она вращалась, через ее центральную часть петлей перекидывали полоску кожи, которую разминали, перетягивая руками, чтобы она растянулась и приобрела нужную эластичность. В

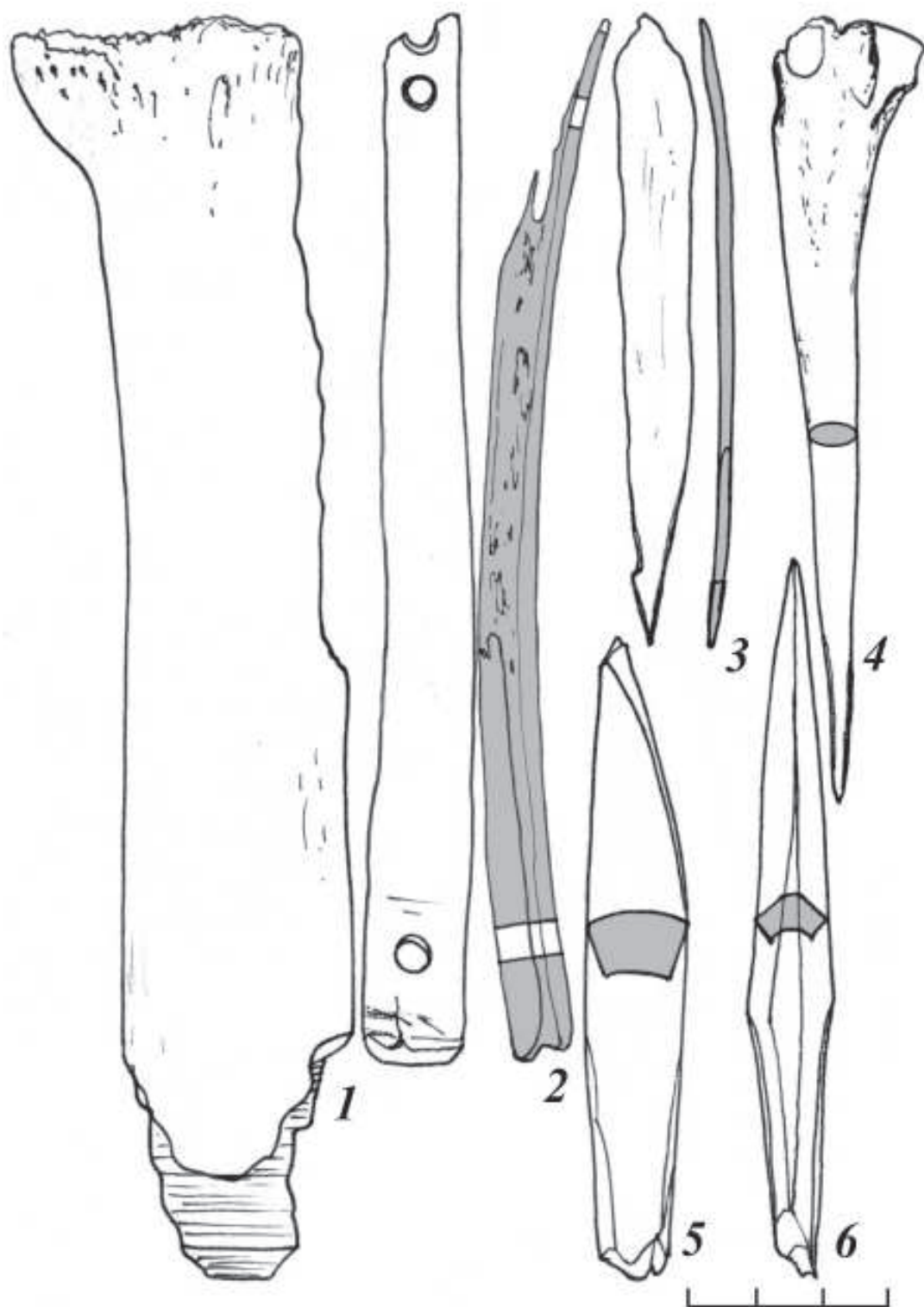

Рис. 11. Костяные предметы. 1 - разбивник, 2 - деталь упряжи, №14, -0,82; 3 - орудие, №17, X/16, -0,84; 4 - проколка, 5 - заготовка наконечника стрелы, 6 - наконечник стрелы, №6, X/16, -0,43.

процессе работы кость постепенно перетиралась в центре. На Лаврят-

ском городище обнаружены именно половинки сломанных разбив-

ников. Найдено также 10 экземпляров костяных проколов из грифельных костей крупных животных. У некоторых проколов рабочий конец обломан, у отдельных экземпляров прослеживаются следы подточки или заполированность рабочей части.

Интерес представляет оружие, изготовленное на конце необработанного осколка кости (рис. 11, ф.3). Его сильно заполированная в процессе использования рабочая часть напоминает острие современных вязальных крючков или шильев с бородкой.

ная из ребра животного (Рис. 11, ф.2). На одном конце этого предмета имеется одно сквозное отверстие диаметром 0,5 см, на другом конце - два отверстия диаметром 0,4 см. Данный предмет мог являться элементом оленьей или собачей упряжки.

Наиболее выразительной находкой является костяной гребешок (рис. 12), найденный на уч. IX/16 на гл. -0,36 м (№4). Данный гребень, согласно классификации Л.А.Голубевой (Голубева, 1979, с.58-61), принадлежит к группе

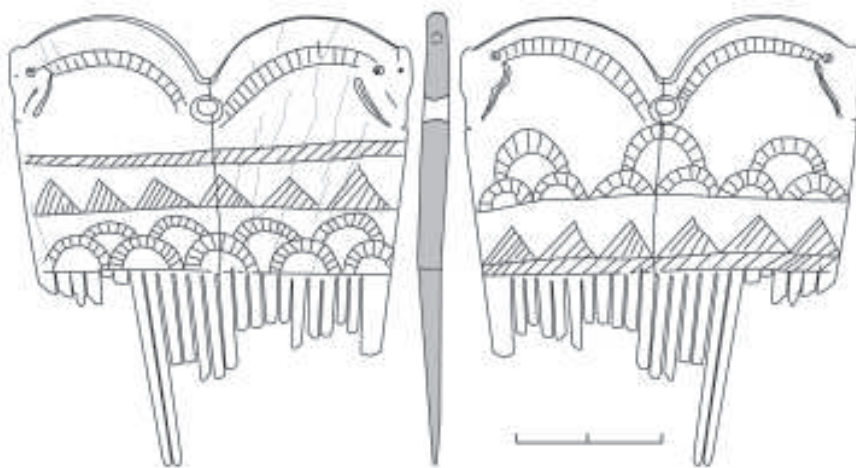

Рис. 12. Костяной гребень, №4, IX/16, -0,36

Такие орудия обычно используются для протягивания нитяных петель при шитье или вязании. Учитывая, что орудие достаточно крупное, можно предположить, что оно могло использоваться либо при вязании сетей, либо для прошивки берестяных листов, применявшихся для покрытия кровель или хозяйственных ям.

Найдены также костяной наконечник стрелы килевидной формы, трехгранного сечения и заготовка подобного наконечника.

К весьма интересным предметам относится деталь упряжи, изготовлен-

гребней с зооморфными изображениями на спинке. Это цельные односторонние гребни, изготовленные из плоской роговой пластины, вытянутые по вертикали. Верхний конец (ручка гребня) орнаментирован, имеет отверстие для привешивания. По классификации Н.Б.Крыласовой, гребень, обнаруженный на Лаврятском городище, принадлежит к типу А1.2.4 (Крыласова, 2008, с.252-257) - рукоять выполнена в виде двух обращенных в разные стороны сильно стилизованных головок коней, подти-

пу А1.2.4.4 - спинка гребня оформлена чешуйчатым орнаментом в сочетании с горизонтальными рядами заштрихованных треугольников и косых насечек, вдоль шей коньков - дугообразные орнаментальные полосы с насечками, имитирующие гриву. Эти полосы обычно завершаются глубоко прорезанными точками, изображающими глаза. У лаврятского гребешка, помимо этого, на одной стороне прослеживаются точки, обозначающие уши. Орнаментальные композиции, размещенные на обеих сторонах гребешка, как и у всех гребней данного подтипа, составлены из таких элементов, как заштрихованные дуги (чешуйчатый орнамент), заштрихованные треугольники и горизонтальные линии с косыми насечками. На обеих сторонах орнаментальные композиции образуют три яруса: на одной стороне сверху горизонтальная линия с насечками, ниже - горизонтальная линия из треугольников, вдоль зубьев гребня - линия из "чешуек"; на другой стороне сверху - линия из "чешуек", ниже - ряд треугольников, вдоль зубцов - линия с насечками.

Гребни данного типа имеют обширную территорию распространения, датируются VIII-X вв. (Крыласова, 2008, с.257-259, рис.105). А гребни подтипа А1.2.4.4 характерны преимущественно для полумской культуры (Иднакар, Варнинский, Полумские, Черемисское кладбище могильники). На территории Пермского Предуралья известно 4 экз. подобных гребней, причем 3 из них принадлежали жителям Лаврятского городища. Один гребень был обнаружен на городище В.А.Обориным, один - в погр. №51 Баяновского могильника (Крыласова, 2008, рис.104/37, 40).

В целом материальная культура Лаврятского городища может служить основанием для датировки данного памятника VIII- началом XI веков и позволяет считать его относящимся к позднему этапу ломоватовской культуры, или, по периодизации В.А. Оборина, к раннему этапу родановской культуры.

Дальнейшие раскопки городища могут представлять интерес для определения грани между ломоватовским и родановским этапом средневековой истории Пермского Предуралья.

**Н.Б. Крыласова
УКРАШЕНИЯ
САЛАМАТОВСКОГО I
ГОРОДИЩА**

В 1986 г. отрядом КАЭЭ Пермского государственного педагогического института (с 1994 - университет) под руководством А.М.Белавина за счет средств ДЮСШОР "Огонек" проводились раскопки Саламатовского I городища. Этот памятник расположен на правом берегу р. Усьвы в 3 км выше по течению от г. Чусовой. Городище занимает прямоугольный мыс высотой до 30 м над уровнем реки, ограниченный по краям глубокими логами. С напольной стороны площадка городища укреплена тремя валами.

Впервые городище исследовалось в 1835 г. М.В. Талицким, который заложил на нем 2 шурфа. В 1964 г. В.А.Обориным было вскрыто 120 м². Раскоп 1986 г. площадью 180 м² продолжал раскоп В.А.Оборина. К сожалению, часть коллекции из раскопок В.А.Оборина была передана в Чусовской народный музей и утеряна (часть передана из ПГУ в МАЭ ПГПУ). Коллекция из раскопок А.М.Белавина была передана в Музей р.Чусовой в Школе олимпийского резерва "Огонек" для создания археологической экспозиции, но хранилище сгорело, и коллекция погибла, за исключением небольшой части, предоставленной Пермскому областному краеведческому музею для временной выставки (где она хранится и сейчас). Материалы были достаточно разнообразны и выразительны: очень интересный комплекс керамической

посуды, до 70% которой составляли фрагменты стенок и венчиков, ручек и крышек с резной орнаментацией, продолжавшей неволинскую традицию населения бассейна р. Сылва; обломки керамических тиглей, литейной формы, ложка-лялька, пряслица; железные ральники, топоры, ножи, сверло, кочедыки, рыболовные крючки, наконечники стрел, ножницы, фрагменты железных ножен для крупного кинжала; костяные и роговые наконечники стрел, стержневидные и костыльковые пуговицы-застежки, иглы для вязания сетей, лопаточка-гладилка, разбивальники, детали наборных рукоятей ножей, Т-образная рукоять шила с циркульным орнаментом, рукоять плети, обломок копоушки, гребень с зооморфным оформлением спинки, обломок изделия с резной головкой лошади, костяной игольник с железной иглой (Белавин, 1986, с.4-6, 9-16).

Богата и коллекция металлических украшений. С их описания и систематизации я начала в свое время свои исследования в области археологии, и теперь, благодаря сохранившейся студенческой работе 2 курса имею возможность опубликовать хотя бы часть утраченной коллекции Саламатовского I городища.

В составе украшений присутствуют все основные категории: височные украшения, украшения рук, подвески и привески, детали поясной гарнитуры.

Височные украшения представлены двумя округлыми кольцами из бронзовой проволоки круглого сечения. Оба кольца несомкнутые, диаметр одного - 2,2 (рис.1:8), второго - 2,8 см (рис.1:7). На кольце больше-

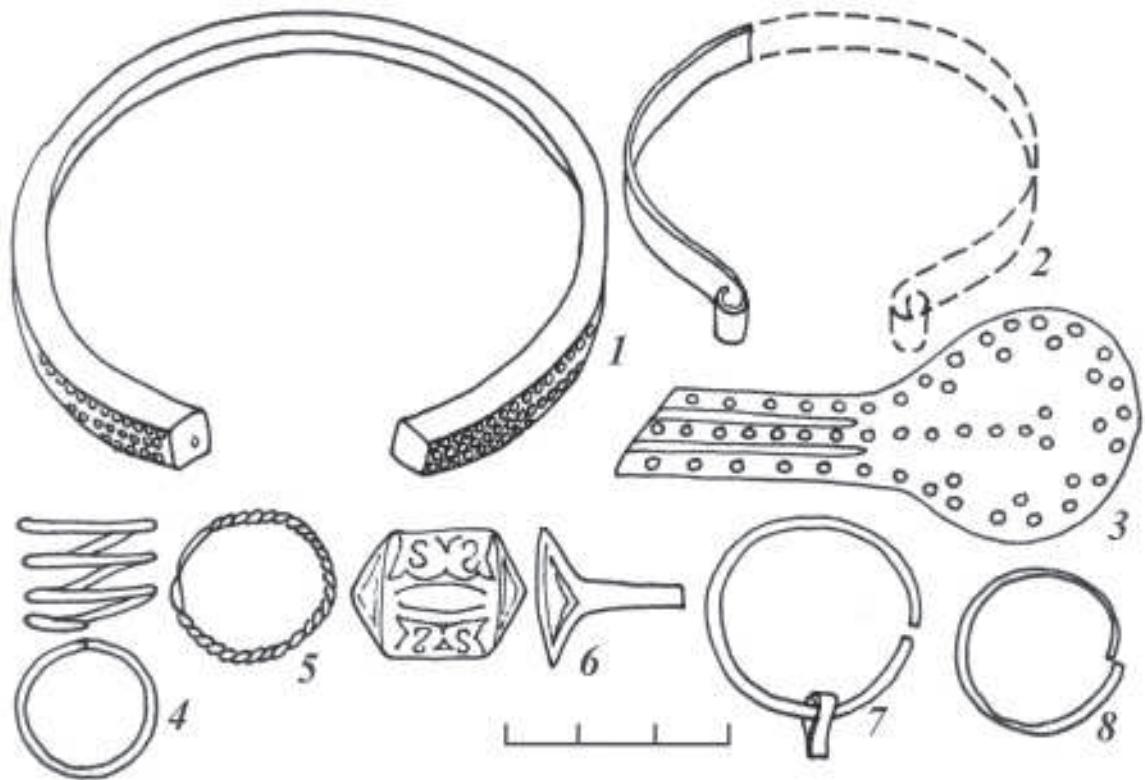

Рис.1. Браслеты, перстни и височные подвески

го диаметра сохранилась петля от свободно вращающейся привески.

По мнению Ю.А. Подосеновой, вопреки устоявшейся точке зрения, округлые проволоочные височные кольца были наиболее распространены не у славян, а в степной части Евразии и на некоторых финно угорских территориях. В Пермском Предуралье они появились еще до начала эпохи средневековья и бытовали вплоть до XIII века. Датировать их можно только по комплексам вещей, так как на протяжении всего периода своего существования они не имели существенных отличительных признаков (Подосенова, 2009, с.79), за исключением того, что первоначально они изготавливались способом литья, а затем, в основном, волочением. Кольца со свободно вращающейся привеской бытовали в Предуралье преимущественно

но в период с конца VI по VIII вв. (Подосенова, 2009, с.89-93). В основе их классификации лежит форма привески. В данном случае определить тип привески, а, следовательно, и датировку предмета невозможно. Поскольку в целом материалы памятника датируются не ранее X в., можно допустить, что в данном случае височное кольцо украшала привеска какого-то более позднего типа.

Украшения рук представлены браслетами (3 экз.) и перстнями (3 экз.).

Все браслеты бронзовые. Один из них - четырехгранный дровый браслет, концы которого украшены кружковым орнаментом в виде трех продольных линий (рис.1:1). Дровые (прутковые) граненые браслеты с кружковым орнаментом характерны для памятников Пермского

Предуралья IX - начала XI вв., известны в поломских могильниках IX-X вв. (Генинг, 1962, с.42, табл.II/9; Иванов, 1998, рис.19/9; Семенов, 1980, табл.II/33-34; Семенов, 1985, рис.3/1-2; Семенов, 1985а, рис.13/3), раннебулгарских могильниках IX-X вв. (Казаков, 1992, рис.22/18; 62/1-2; 73/43), в курганах Южного Урала IX-X вв. (Мажитов, 1981, рис.44/8; 56/5). Браслеты, продолжающие традиционные раннебулгарские изделия ломоватовского происхождения, известны на булгарских памятниках X-XI вв. (Казаков, 1991, с.122; Хузин, 1999, рис.7/7-8), на могильниках Ветлужско-Вятского междуречья (Архипов, 1973, с.144, рис.31). Во второй половине XI в. они выходят из употребления. Два браслета - пластинчатые. Один относится к характерному для родановской культуры типу пластинчатых браслетов с круглым расширением на концах (рис.1:3). Браслет украшен двумя продольными резными линиями в сочетании с кружковым орнаментом. Аналогичные браслеты известны в Пермском Предуралье на Агафоновском II могильнике в материалах XI в. (Голдина, Ютина, 1987, с.45, рис.2/58), на Рождественском археологическом комплексе (Белавин, Крыласова, 2008, с.370, рис.183/1-3), в материалах Мрясиновских курганов Южного Урала XI-XII вв. (Мажитов, 1981, рис.74/6), на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде (Истомина, 1992, рис.2/33). Второй - узкий пластинчатый браслет с концами, закрученными в спираль (рис.1:2). Пластинчатые загнутоконечные браслеты известны у славян, они часто встречаются у вятичей, реже - у кривичей и новгородцев,

известны в Царицинских и других курганах XII века. В XII-XIII вв. они появляются в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья (Архипов, 1986, с.43-44). Такие браслеты с начала X в. получают распространение также у муромы (Гришаков, Зеленев, 1999, с.106).

Среди перстней представлено два бронзовых проволочных и один серебряный пластинчатый. Один бронзовый перстень относится к типу спиральновитых, он изготовлен из круглой в сечении проволоки, уложенной спиралью в 3 витка (рис.1:4). В Пермском Предуралье спиральновитые перстни получили распространение в XI-XII вв. на памятниках Верхней Камы (Голдина, Кананин, 1989, рис.72/9), известны на Рождественском археологическом комплексе (Белавин, Крыласова, 2007, с.367-368, рис.182/1-4) и городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц). Подобные перстни известны среди балтийских и финно-угорских древностей, представлены в Новгороде в слоях от первой четверти XI до середины XIII вв. (Седова, 1981, с.122-125). Популярны они были у мордвы (Смирнов, 1952, с.124, табл.XXX/6,9), известны в материалах Варнинского могильника VIII-XI вв. (Иванов, 1998, рис.1-2), в вымских и вычегодских могильниках конца X - XII вв. (Савельева, 1968, табл.II/13; Истомина, 1992, рис.1/12, 2/34; Королев, 1997, рис.44/9). М.В. Седова отмечала, что более ранние спиральновитые перстни X-XI вв. круглопроволочные с закрученными в спираль концами, перстни XI - начала XII вв. созданы из уложенных плотными рядами проволоки прямоугольного сечения, а перстни XIII

в. - круглопроволочные, и спирали их очень свободны (Седова, 1981, с.122-125). Перстень, обнаруженный на Соломатовском городище, по своим признакам наиболее близок перстням XIII века. Второй бронзовый перстень относится к типу двойных витых перстней со сканой переви-тью (рис.1:5). Такие перстни довольно часты в древностях Прибалтики, Финляндии и Скандинавии XII-XIII вв., встречены в Новгороде в слоях XI-XII вв., в новгородских курганах (Седова, 1981, с.125), в вымских могильниках (Савельева, 1987, с.128). Серебряный пластинчатый перстень (рис.1:6), по классификации К.А. Руденко, относится к типу перстней с овальным щитком (тип 4). Перстень сильно потерт от длительного использования, орнамент прослеживается нечетко, следы черни не сохранились. Тем не менее, о принадлежности перстня к указанному типу свидетельствует наличие двух зеркально расположенных орнаментальных зон, разделенных двумя параллельными линиями, на боковых сторонах - спаренные полосы в виде "галочки". По мнению К.А. Руденко, подобные перстни изготавливались в Волжской Булгарии в XII в., бытовали в XII-XIII вв. преимущественно на болгарской территории и в землях, находящихся под болгарским влиянием (Руденко, 2010, с.19-20, рис.1/29-41, 49).

Среди подвесок выделяются шумящие и нешумящие.

Шумящие подвески встречены в двух экземплярах. Одна из них представляет собой основу биконьковой шумящей подвески (рис.2:1) с реалистично выполненными головами коней, у которых обозначены

глаза и гривы (аналогичная подвеска обнаружена на Саламатовском городище В.А. Обориным в 1964 г.). Морды коней соединены с основанием стержнями. Между конскими головами - стилизованное изображение человеческой личины. В центре подвески прорезь в виде "замочной скважины", обрамленная орнаментальной полосой из имитации зерна. Аналогичная полоса расположена вдоль нижнего края подвески, на котором имеется 6 петель для шумящих привесок. В целом цельнолитые реалистичные биконьковые подвески В.А. Оборин считал характерным украшением женского костюма родановской культуры (Оборин, 1970, с.18-19). Подобные подвески встречаются на обширной территории, как это показано Л.А. Голубевой (Голубева, 1962, с.60, рис.5). Однако в Пермском Предуралье они являются наиболее массовыми (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис.68). Подвески Саламатовского городища относятся к наиболее позднему типу к. X-XI вв. (тип 3 (Белавин, Крыласова, 2008, с.379-381, рис.187/14-16)). Вариант с изображением человеческой личины среди них самый поздний. Аналогичные подвески встречены на Рождественском археологическом комплексе, в д.Заозерье, д.Елевой, д.Михалевой, на городище Шудьякар на территории Пермского Предуралья, а также в материалах Вотчинского и У.-Сысольского могильников на территории республики Коми (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, рис.71/18-27).

Вторая шумящая подвеска - умбоновидная (рис.2:2) с основой в виде одного крупного умбона, покрытого концентрическими круга-

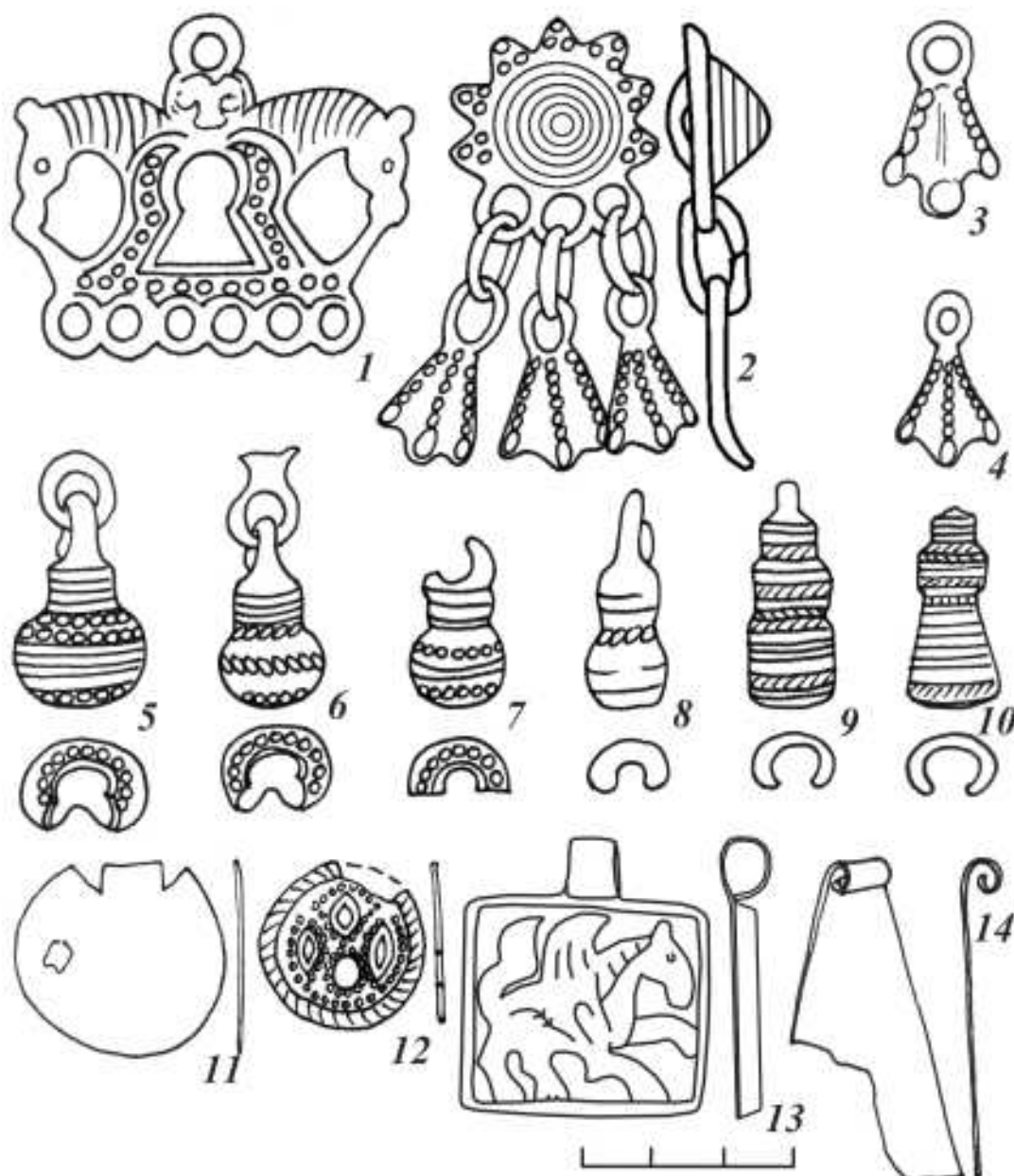

Рис.2. Подвески и привески

ми, обрамленного семью треугольными лучами, украшенными псевдозернью. В нижней части основы - три петли для шумящих привесок в виде лапок водоплавающих птиц, которые крепятся к основе с помощью звеньев простой цепочки. Как показывают материалы Рождественского могильника, такие подвески использовались, главным образом, для украшения поясных су-

мочек (Белавин, Крыласова, 2008, с.375), в одном случае - для украшения обуви. Крепились они с помощью петли, расположенной на оборотной стороне подвески, сквозь которую продевался ремешок. Подобные умбовидные подвески появились в Пермском Предуралье и на Чепце с IX в. (Годлина, Кананин, 1989, рис.70/29; Иванов, 1998, рис.19/15; Семенов, 1985, рис.4/

5,7,8-10), но наиболее массово использовались в X-XI веках. В Пермском Предуралье такие подвески широко представлены, например, на городище Анюшкар (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц), Рождественском археологическом комплексе (Белавин, Крыласова, 2008, с.375-376), Огурдинском могильнике (раскопки Н.Б.Крыласовой). Известны они в вымских могильниках X-XI вв. (Савельева, 1968, табл.II/3,IV/27; Савельева, 1987, рис.30/19,23,27-28), могильниках Ветлужско-Вятского междуречья IX-XI вв. (Финно-угры Поволжья и Приуралья..., 1999, с.183, рис.10/19). Единичные экземпляры встречаются в Волжской Булгарии (Валиуллина, 1999, рис.1/2; Руденко, 2004, рис.2/26,42,43).

Кроме этого в коллекции из раскопок Саламатовского городища 1986 г. представлено несколько привесок, которые могли служить элементами шумящих украшений или использоваться в составе ожерелий. Две привески в виде лапок водоплавающей птицы (рис.2:3-4) представляют собой реалистичные лапки небольших размеров с рельефно выделенными пальцами, украшенными псевдозернью, выпуклости на концах - шаровидные. Петля для привешивания расположена в одной плоскости с привеской. Вышеописанная шумящая умбоновидная подвеска снабжена аналогичными привесками. Лапчатые привески имели широкое распространение в материалах Пермского Предуралья IX - начала XI вв. Реалистичные привески с петлей, расположенной в одной плоскости с привеской характерны преимущественно для конца X - первой половины XI вв. Позже бронзовые привески лапки

подобного типа в Пермском Предуралье не встречаются, но они известны в составе шумящих украшений костромских финнов XII в. (Левонтьев, 1999, с.64, рис.16/5-6). Бубенчики (4 экз., рис.2:5-8) литые толстостенные, с небольшим шаровидным туловом с округлой прорезью снизу, с цилиндрической шейкой. Тулово и шейка сплошь покрыты гладкими поясками, поясками с косой насечкой, рядами псевдозерни. Бубенчики не до конца долиты, некоторые экземпляры представлены в виде половинок. Аналогично оформлены и привески-колокольчики (2 экз., рис.2:9-10) - один с цилиндрическим туловом, один - с конусовидным. Оба колокольчика имеют цилиндрическую шейку, между туловом и шейкой - небольшое утолщение. Они, как и бубенчики, недолиты, и представляют собой половинки, у которых оформлена только лицевая сторона. Подобные привески бубенчики и колокольчики массово представлены в материалах XII-XIV вв. на расположенном неподалеку археологическом комплексе Телячий Брод. Литые толстостенные бубенчики и колокольчики, украшенные "поясками" гладкими и с насечками, являются специфическими вымскими изделиями. Как отмечает Э.А. Савельева, такие бубенчики представлены на всех вымских могильниках, за исключением Веслянского II, с конца X-XI вв., а наибольшее распространение получают в XII-XIV вв. (Савельева, 1987, с.88).

Кроме этого в коллекции Саламатовского городища имеется 4 экз. нешумящих подвесок. Среди них - медная основа монетовидной подвески (рис.2:11). Обычно на такую

основу помещалась серебряная монета, отдельно припаивалось медное ушко для подвешивания. Судя по имеющимся наблюдениям, подвески в виде монет на медной основе использовались преимущественно в IX-X вв., а в конце X - первой половине XI вв. применяли пробитые монеты без основы. На городище была обнаружена и монета - обрезанный серебряный позднесаманидский дирхем IX - начала X в. (определение И. Добровольского, Государственный Эрмитаж). Следующая подвеска - замкнутая лунница из свинцово-оловянистого сплава (рис.2:12). Лунница украшена геометрическим узором с использованием ложной зерни, ушко отломлено. В Новгороде замкнутые лунницы из бронзы и свинцово-оловянистых сплавов найдены в слоях рубежа XII-XIII - XIII вв., т.е., по мнению М.В. Седовой, характерны в основном для XIII в. (Седова, 1981, с.24). На территории Пермского Предуралья монетовидные подвески и замкнутые лунницы из свинцово-оловянистых сплавов и серебра довольно широко представлены на памятниках XII-XV вв. (археологический комплекс Телячий Брод, Плотниковский могильник), известны и формы для отливки изделий из свинцово-оловянистых сплавов (Рождественское городище, селище Телячий Брод). Можно предположить, что здесь свинцово-оловянистые подвески бытовали дольше, чем в Новгороде. Похожие замкнутые лунницы известны и на территории Зауралья и Западной Сибири, где они датируются XIII-XIV вв. (Викторова, 2008, с.86). Еще одна подвеска представляет собой бронзовую треугольную пластину, узкий

конец которой завернут спиралью, образуя ушко для привешивания (рис.2:14). Нижний край подвески обломан. Подвески подобного рода с VII в. использовались в составе шумящих украшений волжских финнов - мери (Финно-угры..., 1999, рис.9/4, 20, 22, 24; рис.16/7, 10, 15), мешеры (Финно-угры..., 1999, рис.3/8, 10; рис.4/1, 3), муромы (Финно-угры..., 1999, рис.4/24, 26, 38). Судя по тому, что подобные подвески встречены в ряде погребальных комплексов XII-XIV вв. на расположенном неподалеку от Саламатовского городища могильнике Телячий Брод, данная подвеска может быть отнесена к тому же времени.

Наибольший интерес представляет подвеска с изображением крылатого коня (рис.2:13). Прямых аналогий ей не известно. Техника изготовления - литье с последующей подчеканкой - применялась болгарскими ремесленниками X - первой трети XIII вв. при изготовлении поясных накладок. Известны на территории Волжской Булгарии и накладки с подобными изображениями. Так, на Измерском I селище найдена прямоугольная накладка, на которой, по мнению Е.П. Казакова, изображен стоящий хищник с загнутым над спиной хвостом, имеющим копьевидное окончание (Казаков, 1991, с.138). В этом изображении есть много общего с изображением на соломатовской подвеске: одинаковая постановка фигуры с поднятой головой, повернутой вправо от зрителя, поднятая передняя лапа, закинутый на спину хвост, рамка, в которую вписано изображение (Казаков, 1991, рис.44/77). Накладка с похожим изображением, но имеющая форму полу-

месяца, найдена на Семеновском I селище (Казаков, 1991, рис.44/86). Возможно, что подвеска с Саламатовского городища является местной переделкой поясной накладки, к которой была припаяна основа с загнутым в спираль ушком.

Предметы поясной гарнитуры сравнительно немногочисленны. Встречено 3 пряжки и 3 накладки. Одна пряжка - бронзовая цельнолитая с лировидной рамкой и подпрямоугольным неорнаментированным щитком (тыльный конец щитка отломан) (рис.3:3). Цельнолитые пряжки со щитком получили распространение в Пермском Предуралье с IX в. (Голдина, 1985, табл. VIII; Голдина, Кананин, 1989, рис.70/1-3,5). Большинство их разновидностей находит широкие аналогии в средневековых древностях Восточной Европы VIII-XI вв. (Савельева, 1987, с.140-141; Полякова, 1996, с.218). Две пряжки железные квадратно-рамчатые, одна снабжена прямоугольным щитком (рис.3:1-2). Аналогичная квадратная рамчатая пряжка входила в состав поясного набора погребения №5 расположенного неподалеку могильника Телячий Брод, которое по височным подвескам в виде знака "?" датировано вт. пол. XIII-XIV веками. Среди накладок представлено две выпуклые накладки с "бабочковидным" орнаментом, одна щитовидная с прорезью (рис.3:4), другая - сердцевидная (рис.3:5). Такие накладки характерны для средневековых памятников Пермского Предуралья, хотя встречаются и на других территориях, в частности, в Удмуртии, республиках Татарстан и Коми. Они появились в первой половине XI в. и практически без изменений

продолжали использоваться до XIII-XIV вв. Одна накладка имеет вид круглой плоскоконической литой пуговицы с ушком с оборотной стороны (рис.3:6). Как считает А.Г. Иванов, пояса с подобными пуговицевидными бляшками можно отнести к характерным предметам поломско-чепецкой археологической культуры. Самый ранний пояс подобного типа датируется VII в., но основная их часть происходит из погребений VIII-XI вв. (Иванов, 1998, с.72-73). В Пермском Предуралье такие накладки встречаются и в более поздний период. К примеру, их довольно много на могильнике Телячий Брод в комплексах XII-XIV вв.

В какой-то степени с поясной гарнитурой можно связать пронизки, которые зачастую использовались как элементы поясных привесок, хотя могли применяться и в иных частях костюмного убранства. Пронизки условно делятся на трубчатые и фигурные. Среди трубчатых пронизок имеется одна спиралевидная (рис.3:15). Такие пронизки появляются в булгаро-салтовских древностях VIII-IX вв. (Казаков, 1992, рис.13/11), они широко распространены на памятниках Пермского Предуралья, Ветлужско-Вятского междуречья (Архипов, 1973, с.134, рис.20/1,7), Удмуртии (Иванова, 1998, рис.57/1-8; Семенов, 1980, табл. VII/72-73; Семенов, 1985, рис.5/38-41), в материалах к. XI-XII вв. на р. Вычегде (Истомина, 1992, рис.4/1,5; Королев, 1997, рис.43/12, 47/15, 49/8,11,12,20), у западных финнов, в Белоозере (Захаров, 2004, рис.75). Остальные пронизки - литые. Одна из них - с тремя гладкими вздутиями, плавно переходящи-

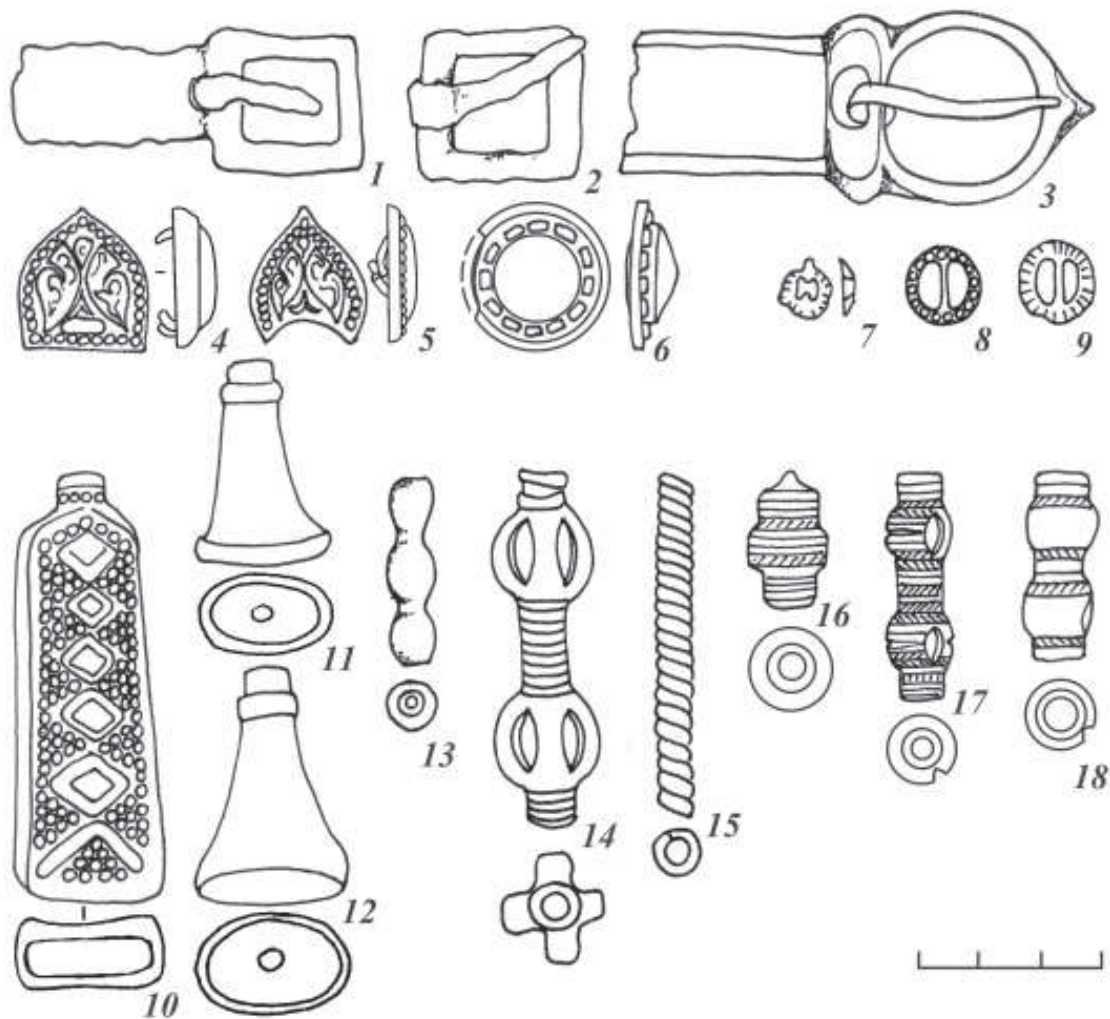

Рис. 3. Детали поясной гарнитуры и пронизки

ми к трубке (рис.3:13). Такие пронизки в Пермском Предуралье представлены на памятниках Верхней Камы (Голдина, Кананин, 1989, рис.54/45), на Степаново плотбище и Огурдинском могильниках (раскопки А.В. Данича, Н.Б. Крыласовой), на Рождественском археологическом комплексе (Белавин, Крыласова, 2008, с.433), Кыласовом городище (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц) и других памятниках. Известны в Биляре (Руденко, 2004, рис.2/13-14,16), на чепецком Омутницком могильнике IX-XII вв. (Семенов, 1985, рис.5/26-27), на Чжытыгском могильнике к.XI-XII вв. на

р.Вычегде (Истомина, 1992, рис.4/5), в вымских материалах XI-XII вв. (Савельева, 1987, рис.37/57), на памятниках веси X - первой половины XI в. (Голубева, 1973, рис.4/25-26; Финно-угры и балты... 1987, табл.XVII/22), повсеместно встречаются в Юганском и Нижнем Приобье (тип 16-1 по В.А.Семеновой) (Чернецов, 1957, табл. XXIX/3-4, XXXII/13-14; Семенова, 2001, табл.48/16-1). Одна пронизка с двумя крупными гладкими округлыми вздутиями, на поверхности которых - миндалевидные вертикальные прорезы; пространство между вздутиями покрыто группами гладких "поясков" (рис.3:14). Аналогичные про-

низки в Пермском Предуралье массово встречаются на Огрудинском (раскопки Н.Б. Крыласовой), Степаново плотбище (раскопки А.В. Данича), Плеховском (коллекция СКМ) могильниках, встречены на Купросском городище (Белавин, 1999, рис.5/13) городище, на Рождественском археологическом комплексе, причем на Рождественском городище обнаружена бракованная отливка такой пронизки, что свидетельствует об их местном производстве (Белавин, Крыласова, 2008, с.435-436). Такие пронизки известны также в Биляре (Руденко, 2004, рис.2/9-11,19-20), на Омутницком могильнике IX-XII вв. в Удмуртии (Семенов, 1985, рис.5/33), на Кичилькосьском могильнике середины X - XI вв. на р.Выми (Савельева, 1968, табл.II/5, III/7, IV/16), на Чежтыягском могильнике конца XI-XII вв. на р. Вычегде (Истомина, 1992, рис.4/1-5), в Белоозере (Захаров, 2004, рис.76/3), на могильнике у Барсова городка в Приобье (Барсова гора, 2002, рис.14). Три пронизки с одним и двумя вздутиями сплошь покрыты "поясками" гладкими и с насечками (рис.3:16-18). Такие пронизки известны на р. Выми в материалах конца XI-XII вв. (Савельева, 1987, рис.29/78). По материалам верхнекамских могильников они датируются XIII-XIV вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис.73/9). На Чусовской группе памятников они представлены в комплексах XII-XIV вв.

Фигурные пронизки представлены двумя гладкими коническими колокольчиками (рис.3:11-12), которые широко представлены на памятниках Пермского Предуралья в материалах X-XI вв. Кроме этого,

встречена флаконовидная пронизка (рис.3:10) с непрорезным решетчатым орнаментом, образованным треугольниками псевдозерни, расположенными вдоль боковых сторон и направленных остриями к центру, образуя по центральной оси ромбы. Аналогичные пронизки известны в Пермском Предуралье на Рождественском (Белавин, Крыласова, 2008, рис.204/4) и Кыласовском (раскопки В.А. Оборина, Г.Т. Ленц) городищах, в д. М. Серва (коллекция КПОКМ, №67), в д. Мальцева (Дневник Теплоуховых, с.161), датируются X-XI вв.

И, наконец, в коллекции Саламатовского городища присутствует группа украшений, назначение которых пока остается не совсем ясным. Это небольшие уплощенные колечки из свинцово-оловянистого сплава, с перемычками по центру (3 экз., рис.3:7-9). По краю колечки украшены насечками или имитацией зерни. Подобные колечки, как с перемычками, так и без них довольно широко представлены на поздних памятниках Пермского Предуралья (Антыбарском, Плотниковском могильниках, археологическом комплексе Телячий Брод, в верхних слоях Рождественского городища). Датируются они XII-XV вв. На Чашкинском II селище, Рождественском городище, городище Шудьякар встречены литейные формы для отливки подобных колечек (Материальная культура..., 2010, рис.59/1, 4, 6, 8, 10). На Антыбарском могильнике набор подобных колечек и ажурных привесок-лапок из свинцово-оловянистого сплава лежал в ряд наподобие цепочки. Однако колечки никогда не встречаются соединенными. На наш

взгляд, они нашивались на ткань и служили для украшения края ворот, подола или нагрудника.

* * *

Таким образом, в коллекции украшений Саламатовского городища выделяется две хронологические группы. Первая группа - ломоватовская. Ее нижняя граница по монете датируется началом X в., верхняя граница - середина XI в. В данную группу входят основа монетовидной подвески, шумящие подвески, привески-лапки, лировидная бронзовая пряжка, пронизки с тремя гладкими вздутиями, с крупными прорезными вздутиями, спиралевидная, колоколовидные и флаконовидная, граненый дротовый браслет. Все украшения данной группы относятся к характерным прикам-

ским типам. Остальные украшения принадлежат ко второй хронологической группе (родановской), которая датируется концом XI-XV вв. В этой группе наблюдается наличие украшений, характерных для финских и славянских культур, расположенных к западу от Прикамья. Кроме собственно украшений наблюдаются заимствования форм и технологий. Например, вероятнее всего, под влиянием Новгорода распространяется собственное производство изделий из свинцово-оловянистых сплавов. Под влиянием вымского населения возникает новая особенность декора литых бронзовых украшений - сплошное покрытие поверхности рельефными поясками, гладкими, с насечками и с псевдозернью.

А.В. Данич
**ТИПОЛОГИЯ БРОНЕБОЙНЫХ
НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

В эпоху средневековья в культурах Прикамья сформировались комплексы вещей связанные с военной стороной жизни древнего населения края. Обнаружение таких предметов и их остатков в археологических памятниках имеет важное значение, поскольку они несут хронологическую и этнокультурную нагрузку, демонстрируют социальное положение владельца, свидетельствуют о формировании художественных традиций и их взаимовлияния, указывают направления миграционных процессов и многое другое.

Многочисленные детали луков, колчанов, налучий и в особенности наконечники стрел являются ценным историческим источником. Они позволяют определить дату и этническую принадлежность могильников и поселений. По ним можно судить о техническом прогрессе ремесленного производства, о связях между отдельными племенами и народами и о путях их передвижения.

Наконечники стрел - самая массовая и самая разнообразная категория находок вооружения на территории нашего края. Несмотря на то, что терминология описания наконечников давно разработана и стала общеупотребительной, границы между конструктивными элементами устанавливаются произвольно. Вследствие этого все полученные результаты в значительной степени условны и субъектив-

ны. Так же решение задачи осложняется тем, что характерной особенностью прикамских наконечников является нечётко выраженный переход от стороны к плечу, от плеча к черешку, а так же отсутствие упора. В результате форму предмета (даже хорошей сохранности) трудно определить однозначно. Пропорции же пера столь разнообразны, что порой нельзя даже провести условное разграничение.

Вся масса наконечников была описана в виде кода, где каждая цифра кода отвечает за определённые характеристики. **Первая** (материал изготовления) - 1 - железный, 2 - костяной; **вторая** (способ насада на древко) - 1 - черешковый, 2 - втульчатый; **третья** (форма пера) - 1 - бронебойный, 2 - срезень, 3 - трёхлопастной, 4 - листовидный; **четвёртая** (порядковый номер типа) - 1, 2, 3...; **пятая** (сечение пера) - 1 - круг, 2 - овал, 3 - квадрат, 4 - ромб, 5 - ромб с вогнутыми краями, 6 - плоский, 7 - три луча, 8 - треугольник; **шестая** (сечение черешка) - 1 - круг, 2 - овал, 3 - квадрат, 4 - ромб, 5 - ромб с вогнутыми краями, 6 - плоский, 7 - четыре луча, 8 - треугольник; **седьмая** (наличие упора при переходе от пера к черешку) - 1 - без упора, 2 - утолщение, 3 - узелок, 4 - упор.

При проведении типологического членения я старался уйти от излишней дробности, а выделить основные блоки. Тем более, как указывает А.И.Соловьёв, в устной традиции (например, селькупской), в лесной полосе Западной Сибири при функциональной идентификации наконечника знаковое значение (наличие или отсутствие) имели лишь наиболее принципиальные конст-

руктивные элементы рабочей части, определяющие особенности формы пера (развильчатость, долотовидность, гранёность, шипастость, общая ромбовидность), морфологическая же вариабельность при этом могла быть велика (Соловьёв, 1987, стр.35). Скорее всего, традиции Прикамья не сильно отличались от традиций Западной Сибири.

В данной статье я хочу остановиться только на одной группе наконечников - бронебойных.

К этой группе относятся 156 наконечников стрел с массивной боевой головкой, или остриём, поперечное сечение которых имеет вид треугольника, квадрата, ромба, прямоугольника, шестиугольника и круга. Они составляют 15,6 % всех железных черешковых наконечников стрел попавших в обработку с территории Пермского края и происходят с 29 памятников. Существует множество типов и вариантов бронебойных наконечников стрел. Иногда трудно уловить границу между отдельными типами.

Их появление и распространение было связано, прежде всего, с распространением железной кольчуги, которую обычные стрелы уже не пробивали. Хотя кольчуга появляется уже в VII-VIII вв., широко использоваться она начинает только в X в.

Вероятно, эволюция местных типов стрел проходила под воздействием, прежде всего, болгарского вооружения, а также с учётом местных потребностей - внутренние конфликты при которых всё чаще стал использоваться защитный доспех.

1.1.1.1. Ланцетовидные квадратного сечения с длинной боевой

головкой и коротким черешком - 1 экз. (0,64%). Длина 70 мм, длина головки 50 мм, ширина грани 6 мм, диаметр черешка 2,5 мм. Употреблялись в X в., и возможно в самом начале XI в. Найден на Редикарском городище (табл.1; рис.1, 1). Аналогии - Армиевское селище, в кургане 54 Тимеревского могильника, в Максимовском могильнике, в Пскове, в кургане 1 центральной группы Гнездовского могильника, в насыпи вала Гнездовского городища, на Ратском городище (Медведев, 1966, стр.79).

1.1.1.2. Ланцетовидные ромбического сечения - 8 экз. (5,1%). Длина 46-97 мм, длина боевой головки 43-65 мм, наибольшая ширина пера 6-9 мм, толщина пера 4-6,5 мм, толщина черешка 2-3 мм. Шейка наконечников обычно круглая. В двух случаях встречены наконечники с ромбовидной шейкой. Наконечники с пропорциями 1:7 были распространены в IX-X вв. и позднее, по-видимому, не употреблялись. Найдены на Рождественском, Редикарском, Кыласовом (Анюшкар) городищах и Чердынском уезде (табл.1; рис. 1, 2-9). Аналогии в Лядинском могильнике, Поломском могильнике, курганах 59 и 80 Гнездовского могильника, на городище Екимавцы, на Княжей горе (Медведев, 1966, стр. 80). Наконечники с пропорциями 1:5-1:6 были распространены в период XI-XIV вв. Особенно широко распространены в XIII-XIV вв. Найдены на Рождественском, Редикарском, Саламатовском городищах. Аналогии на Донецком городище, в Друцке, на Ратском городище, в Новгороде, в Суваре (Медведев, 1966, стр.80), болгарских памятниках (Культура Биляра,

1985, стр.156).

1.1.1.3. Ланцетовидные с сечением пера в виде ромба с сильно вогнутыми сторонами - 2 экз. (1,27%). Длина 50-65 мм, длина пера 39-44 мм, ширина пера 6,5-7 мм, толщина пера 5 мм, диаметр черешка 1,5-2 мм. Были распространены в XI-XIV вв. Найдены в погребении 24 Антыбарского могильника и на Рождественском городище (табл.1; рис. 1, 10-11).

1.1.1.4. Килевидные сплюсненные - 1 экз. (0,64%). Длина 43 мм, длина боевой головки ромбического сечения 24 мм, ширина 7 мм, толщина 4 мм, диаметр черешка 2 мм. Пропорции головки 1:3. Датируется X-XIV вв. Найден в Чердынском уезде (табл.1; рис. 1, 12). Аналогии на Воргольском городище, городище Титчиха, городище Екимауцы, на Девич-горе, в Изяславле, в Новгороде, на Вятских городищах (Медведев, 1966, стр.156).

1.1.1.5. Килевидные сплюсненные с прямоугольными плечиками - 2 экз. (1,27%). Длина 55-78 мм, длина боевой головки ромбического сечения 25-45 мм, ширина 11-18 мм, толщина 5 мм, диаметр черешка 3 мм. Пропорции головки 1:2-1:2,5. Датируются IX-XIV вв. Найдены на Кудымкарском селище и Саламатовском городище (табл.1; рис. 1, 13-14).

1.1.1.6 Килевидные сплюсненные с броневой головкой - 2 экз. (1,27%). Длина 68-76 мм, длина боевой головки ромбического сечения 45-52 мм, ширина 8-11 мм, толщина 4 мм, диаметр черешка 3 мм. Пропорции головки 1:5-1:6. Датируются IX-XIV вв. Найден на Кудымкарском селище (табл.1; рис. 1, 15-16).

1.1.1.7. Броневые с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой - 3 экз. (1,91%). Длина 48-49 мм, длина боевой головки ромбического сечения 23-29 мм, ширина 8-12 мм, толщина 4 мм, диаметр черешка 2-3 мм. Пропорции головки 1:2-1:3. Датируются X-XI вв. Найдены в погребении 2 Демёновского могильника и на Рождественском городище (табл.1; рис. 1, 17-18). Аналогии на Миклашевском городище, в Плисинске, Донецком городище, Пскове, Новгороде, Суваре, Биляре, Вятских городищах (Медведев, 1966, стр.81), Усть-Ишимском могильнике (Соловьёв, 1987, стр. 44; Культура Биляра, 1985, стр.156).

1.1.1.8. Броневые с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения с желобками на гранях, с шейкой - 1 экз. (0,64%). Длина 49 мм, длина боевой головки ромбического сечения 24 мм, ширина 10 мм, толщина 4 мм, диаметр черешка 3 мм. Пропорции головки 1:2. Датируется X-XI вв. Найден на Кудымкарском городище (табл.1; рис. 1, 19).

1.1.1.9. Броневые с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, без шейки - 2 экз. (1,27%). Длина 46-54 мм, длина боевой головки 18-19 мм, ширина 9-10 мм, толщина 4-5 мм, диаметр черешка 5 мм. Пропорции головки 1:2. Датируются X-XI вв. Найдены в погребениях 55 и 56 Рождественского могильника (табл.1; рис. 1, 20-21).

1.1.1.10. Броневые с короткой пирамидальной головкой ромбического сечения и длинной шейкой - 1 экз. (0,64%). Длина 61 мм,

длина боевой головки 49 мм, ширина 12 мм, толщина 7 мм, диаметр черешка 3 мм. Пропорции головки 1:4. Датируются XII-XIII вв. Найдены на Рождественском городище (табл.1; рис. 1, 22). Аналогии на Княжей горе, Девич-горе, Волжской Булгарии (Медведев, 1966, стр.82; Культура Биляра, 1985, стр. 156, 158).

1.1.1.11. Пирамидальные квадратного сечения с круглой шейкой - 4 экз. (2,55%). Длина 38-80 мм, длина боевой головки 33-58 мм, ширина 9-12 мм, толщина 7-11 мм, диаметр черешка 3 мм. Пропорции головки 1:4-1:6. Были распространены на Руси и у народов Поволжья и Северного Кавказа в период XII-XIV вв. Найдены на Кудымкарском селище, селище Телячий Брод, Редикарском городище и Антыбарском могильнике (табл.1; рис. 1, 23-26). Аналогии на Райковецком городище, Девич-горе, Изяславле, Причерноморье (Медведев, 1966, стр. 82), Волжской Булгарии (Культура Биляра, 1985, стр. 158).

1.1.1.12. Пирамидальные квадратного сечения с желобками на гранях боевой головки - 2 экз. (1,27%). Длина 54-60 мм, длина боевой головки 25-28 мм, ширина 9-11 мм, толщина 5 мм, диаметр черешка 3 мм. Пропорции головки 1:3. Датируются X-XI вв. Найдены на Рождественском городище (табл.1; рис. 1, 27-28). Аналогии в Старой Ладогe (Медведев, 1966, стр. 82), Волжской Булгарии (Культура Биляра, 1985, стр.158).

1.1.1.13. Пирамидальные квадратного или ромбического сечения с шипами и круглой шейкой - 3 экз. (1,91%). Длина 58-64 мм, длина боевой головки 18-45 мм, ширина 8-

14 мм, толщина 5-9 мм, диаметр черешка 2-3 мм. Пропорции головки 1:2-1:4. Датируются XIII-XIV вв. Найдены на Рождественском городище и Вакинском селище (табл.1; рис. 1, 29-31). Аналогии в Новгороде (Медведев, 1966, стр. 82).

1.1.1.14. Шиловидные квадратного сечения с простым упором - 11 экз. (7%). Длина 34-93 мм, длина боевой головки 19-70 мм, ширина 6-10 мм, толщина 5-8 мм, диаметр черешка 2-5 мм. Пропорции головки 1:3-1:10. Появились на рубеже нашей эры и употреблялись до XIV вв. и позднее. И на Руси и на арабском Востоке в средние века стрелы с такими наконечниками применялись для стрельбы по врагу защищённому железными доспехами (кольчуга, панцирь, шлем и т.д.). Найдены на Редикарском городище, Искорском городище, Рождественском городище, Антыбарском могильнике и могильнике Малая Аникова (табл.1; рис. 1, 32-42). Аналогии на Гляденовском костыще, погребения 145 и 224 Больше-Тарханского могильника, погребение 11 могильника Мыдланьшай, в Гнездовском могильнике, на Девич-горе, на Княжей горе, на Райковецком городище, в Изяславле, Пскове, Старой Рязани (Медведев, 1966, стр. 83), Волжской Булгарии (Культура Биляра, 1985, стр.158).

1.1.1.15. Пирамидальные с массивной короткой боевой головкой квадратного или ромбического сечения и с перехватом у короткого черешка - 20 шт. (12,74%). Длина 30-70 мм, длина боевой головки 18-35 мм, ширина 5-13 мм, толщина 3-7 мм, диаметр черешка 2-3 мм. Широко распространены в X-XIV вв. Подобные наконечники употреб-

лялись для пробивания шлемов, панцирей и других доспехов. Найдены на Рождественском городище и могильнике, Терикиновском могильнике, Вакинском селище, Кыласовом (Анюшкар) городище, селище Телячий Брод, Кудымкарском, Саламатовском, Острая Грива и Корнинском городищах (табл.1; рис. 1, 43-58, 62; 2, 59-61). Аналогии в Саркеле-Белой Веже, городище Алчедар, Княжей горе, Девич-горе, Изяславле, Донецком городище, Новгороде, Старой Рязани, Суваре, Биляре, Вятских городищах (Медведев, 1966, стр. 83; Культура Биляра, 1985, стр.158).

1.1.1.16. Пирамидальные с массивной короткой боевой головкой четырёх лопастные и с перехватом у короткого черешка - 5 экз. (3,18%). Длина 43-65 мм, длина боевой головки 25-37 мм, ширина 8-13 мм, толщина 4-5 мм, диаметр черешка 2-4 мм. Датируются X-XIV вв. Найдены на Рождественском городище, Вакинском селище, Кудымкарском городище (табл.1; рис. 2, 63-67).

1.1.1.17. Бронебойные с короткой массивной боевой головкой квадратного сечения и длинным черешком - 6 экз. (3,82%). Длина 51-72 мм, длина боевой головки 18-29 мм, ширина 8-13 мм, диаметр черешка 1,5-4 мм. Датируются XII-первой половиной XIII вв. Найдены на Филипповском городище, Вакинском селище, Рождественском городище, городище Острая грива (табл.1; рис. 2, 68-73). Аналогии в Новгороде, Старой Рязани, Волжской Булгарии (Медведев, 1966, стр. 84; Культура Биляра, 1985, стр. 158).

1.1.1.18. Шиловидные квадратного или ромбического сечения без

упора - 8 экз. (5,1%). Длина 51-102 мм, длина боевой головки 26-64 мм, ширина 7-10 мм, толщина 5-7 мм, диаметр черешка 3-6 мм. Были распространены в Восточной Европе с X по XIV вв. По данным Западной Сибири были известны уже с VII-VIII в. (Соловьёв, 1987, стр. 45). Типичная противокольчужная форма. Найдены на Чашкинском II селище, Кудымкарском городище, Антыбарском могильнике, Коми-Пермяцком округе, Кыласовом (Анюшкар) городище, Чаньвенской пещере, Редикарском городище, могильнике Степаново Плотбище (табл.1; рис. 2, 74-81). Аналогии на Княжей горе, Вышгороде, Изяславле, Старой Рязани, Пскове, Новгороде, Вятских городищах (Медведев, 1966, стр. 84), могильниках Архирейская Заимка, Усть-Ишим, Аргаиз, Окунево, Барсов городок (Соловьёв, 1987, стр. 45).

1.1.1.19. Шиловидные ромбического сечения с простым упором - 4 экз. (2,55%). Длина 58-110 мм, длина боевой головки 30-79 мм, ширина 6-12 мм, толщина 4-7 мм, диаметр черешка 2-4 мм. Датируются XII-1 половиной XIII вв. Найдены на Терикиновском могильнике, Рождественском, Гаревском, Саламатовском городищах (табл.1; рис. 2, 82-85). Аналогии на Княжей горе, Старой Рязани (Медведев, 1966, стр. 84), Биляре (Культура Биляра, 1985, стр. 160).

1.1.1.20. Килевидные ромбического сечения и круглой шейкой - 1 экз. (0,64%). Длина 85 мм, длина боевой головки 41 мм, ширина 10 мм, толщина 7 мм, диаметр черешка 3 мм. Датируется IX-XIV вв. Найден на Рождественском городище (табл.1; рис. 2, 86).

1.1.1.21. Узкие шиловидные ромбического сечения с перехватом у черешка - 4 экз. (2,55%). Длина 42-93 мм, длина боевой головки 38-67 мм, ширина 6-10 мм, толщина 4-5 мм, диаметр черешка 4-5 мм. Это типичные противокольчужные наконечники. Они были широко распространены в Древней Руси и у соседних народов Восточной Европы с VIII по XIV вв. Найдены на Рождественском городище, в 43 погребении Плёсинского могильника и 12 погребении Каневского могильника, Саламатовском городище (табл.1; рис. 2, 87-90). Можно с уверенностью заявить, что на нашей территории они существовали в VIII-X вв. Аналогии в Больше-Тарханском могильнике, Архангельском городище, Поломском могильнике, Сарском городище, Саркеле-Белой Веже, Старой Рязани, на Вятских городищах, Биляре (Медведев, 1966, стр. 84; Культура Биляра, 1985, стр. 160), могильнике Аргаиз (Соловьёв, 1987, стр. 44-45).

1.1.1.22. Бронебойные в виде кинжальчиков ромбического или квадратного сечения с перехватом - 13 экз. (8,28%). Длина 44-88 мм, длина боевой головки 27-54 мм, ширина 5-12 мм, толщина 4-8 мм, диаметр черешка 2-5 мм. Были широко распространены в IX-X вв. по всей территории Восточной Европы. В Биляре они найдены в слоях XII-XIII вв. (Культура Биляра, 1985, стр. 160). Найдены на Рождественском и Саламатовском городищах, Кудымкарском селище, Кыласовом (Анюшкар) городище, Корнинском городище, Вакинском селище, селище Степаново Плотбище (табл.1; рис. 2, 91-103). Аналогии в Поломском могильнике, на

городище Екимауцы (Медведев, 1966, стр.85), Биляре (Культура Биляра, 1985, стр. 160).

1.1.1.23. Бронебойные в виде кинжальчиков ромбического сечения с перехватом и расширением в средней части пера - 5 экз. (3,18%). Длина 42-77 мм, длина боевой головки 36-54 мм, ширина 7-10 мм, толщина 4-6 мм, диаметр черешка 2-3 мм. Датируются IX-X вв. Найдены на Плёсинском могильнике, Коми-Пермяцком округе, Кудымкарском городище, Антыбарском могильнике, Саламатовском городище (табл.1; рис. 2, 104-108).

1.1.1.24. Долотовидные - 10 экз. (6,37%). Длина 46-81 мм, длина боевой головки 30-47 мм, ширина 7-10 мм, толщина 5-10 мм, диаметр черешка 2-3 мм. Появились они в середине XI в. и были широко распространены во второй половине XI, в XII и в первой половине XIII в. (до монгольского нашествия). Они употреблялись на Руси и Волжской Булгарии. Для южных кочевников и западных соседей Руси нехарактерны. Наконечники подобных форм в X-XI вв. бытуют у чжурчжэней. Предназначены для рассечения кольчуги. Найдены на Кудымкарском городище, Коми-Пермяцком округе, Вакинском селище (табл.1; рис. 3, 109-118). Аналогии на Княжей горе, Девич-горе, Райковецком городище, Старой Рязани, Новгороде, Изяславле, Биляре, Суваре, Вятских городищах (Медведев, 1966, стр. 86), могильнике Аргаиз (Соловьёв, 1987, стр. 45), Волжской Булгарии (Культура Биляра, 1985, стр. 162).

1.1.1.25. Долотовидные квадратного сечения - 1 экз. (0,64%). Длина 54 мм, длина боевой головки 31

мм, ширина 7 мм, толщина 6 мм, диаметр черешка 1,5 мм. Датируется VIII-X вв. Найден на Кудымкарском городище (табл.1; рис. 3, 119). Аналогичный наконечник встречен в Биляре (Медведев, 1966, стр. 86) и могильнике Каменный Мыс (Соловьёв, 1987, стр. 45).

1.1.1.26. Плоский наконечник с бронебойным ромбовидным окончанием - 1 экз. (0,64%). Длина 79 мм, длина боевой головки 43 мм, длина бронебойного окончания 9 мм, ширина 6 мм, толщина 3 мм, диаметр черешка 2 мм. Датируется VIII-XIV вв. Найден на Редикарском городище (табл.1; рис. 3, 120).

1.1.1.27. Пулевидные круглого сечения - 2 экз. (1,27%). Длина 44-58 мм, длина боевой головки 10-15 мм, диаметр 8 мм, диаметр черешка 2-3 мм. Были распространены XII-XIV вв. Найден на Рождественском городище (табл.1; рис. 3, 121-122). Аналогии на Княжей горе, Изяславле и в погребении 82 Каменского могильника (Медведев, 1966, стр. 86), в Биляре (Культура Биляра, 1985, стр. 162).

1.1.1.28. Бронебойные двушипные - 4 экз. (2,55%). Длина 65-120 мм, длина боевой головки 28-54 мм, ширина 7-13 мм, толщина 4-5 мм, диаметр (ширина) черешка 3-5 мм. Датируются VIII-X вв. Найден на Рождественском городище, Петуховском городище, Кудымкарском городище, Коми-Пермяцком округе (табл.1; рис. 3, 123-126).

1.1.1.29. Килевидные вытянутые квадратного сечения - 1 экз. (0,64%). Длина 67 мм, длина боевой головки 50 мм, ширина 7 мм, толщина 6 мм, диаметр черешка 2 мм. Датируется VIII-XIV вв. Найден на Редикарском городище (табл.1; рис. 3, 127).

1.1.1.30. Треугольные с упором - 1 экз. (0,64%). Длина 44 мм, длина боевой головки 36 мм, ширина грани 9 мм, диаметр черешка 4 мм. Датируется VIII-XII вв. Найден на могильнике Степаново Плотбище (табл.1; рис. 3, 128).

1.1.1.31. Треугольные без упора - 6 экз. (3,82%). Длина 41-64 мм, длина боевой головки 25-52 мм, ширина грани 8-11 мм, диаметр черешка 3-6 мм. Датируются VIII-XII вв. Найден на Демёнковском могильнике, Важгортском могильнике, Рождественском городище и могильнике, Антыбарском могильнике и могильнике Степаново Плотбище (табл.1; рис. 3, 129-134).

1.1.1.32. Пламевидные - 2 экз. (1,27%). Длина 54-91 мм, длина боевой головки 35-44 мм, длина бронебойного окончания 16-28 мм, ширина 10-18 мм, толщина 2 мм, диаметр (толщина) черешка 2-6 мм. Датируются XIII-XIV вв. Найден на Эсперовом городище и Рождественском городище (табл.1; рис. 3, 135-136).

1.1.1.33. Листовидный подтреугольных очертаний с ромбовидным окончанием - 1 экз. (0,64%). Длина 44 мм, длина боевой головки 18 мм, ширина 12 мм, толщина 2 мм, диаметр черешка 4 мм. Датируется VII-IX вв. Найден на Агафоновском I могильнике (табл.1; рис. 3, 137).

1.1.1.34. Листовидный наконечник с расширением в средней части пера с ромбическим сечением и упором - 1 экз. (0,64%). Длина 38 мм, длина боевой головки 23 мм, ширина 11 мм, толщина 5 мм, диаметр черешка 2 мм. Датируются XII-XIII вв. Найден в Исаевском могильнике (табл.1; рис. 3, 138).

1.1.1.35. Листовидный наконеч-

ник с расширением в средней части пера с ромбическим сечением, без упора - 1 экз. (0,64%). Длина 43 мм, длина боевой головки 22 мм, ширина 10 мм, толщина 5 мм, диаметр черешка 5 мм. Датируется XII-XIII вв. Найден в погребении 55 Антыбарского могильника (табл.1; рис. 3, 139).

1.1.1.36. Остролистный ромбического сечения - 1 экз. (0,64%). Длина 66 мм, длина боевой головки 53 мм, ширина 8 мм, толщина 4 мм, диаметр черешка 2,5 мм. Датируется XIII-XIV вв. Найден на Рождественском городище (табл.1; рис. 3, 140).

1.1.1.37. Килевидный, узкий, ромбического сечения с желобками на гранях головки - 1 экз. (0,64%). Длина 64 мм, длина боевой головки 38 мм, ширина 9 мм, толщина 4 мм, диаметр черешка 2 мм. Датируется VIII-XIV вв. Найден на Рождественском городище (табл.1; рис. 3, 141).

1.1.1.38. С короткой боевой головкой треугольных очертаний, длинной приплюснутой шейкой и гранёным черешком - 1 экз. (0,64%). Длина 89 мм, длина боевой головки 56 мм, ширина боевой головки 9 мм, толщина 10 мм, толщина черешка 2,5 мм. Датируется VIII-XIV вв. Найден на Редикарском городище (табл.1; рис. 3, 142).

1.1.1.39. С короткой боевой головкой квадратного сечения с желобками на ней и шейкой круглого сечения - 1 экз. (0,64%). Длина 52 мм, длина боевой головки 38 мм, ширина 8 мм, толщина 8 мм, диаметр шейки 6 мм, диаметр черешка 2 мм. Датируется XII-XIII вв. Найден на Антыбарском могильнике (табл.1; рис. 3, 143).

1.1.1.40. Массивные, ромбические, с квадратной боевой головкой, ромбической шейкой и ромбическим или круглым черешком - 2 экз. (1,27%). Длина 71-84 мм, длина боевой головки 46-49, ширина стороны боевой головки 10-13 мм, толщина черешка 3 мм. Датируется VIII-XIV вв. Найдены на Редикарском городище (табл.1; рис. 3, 144-145).

1.1.1.41. Шиловидные квадратного, ромбического, прямоугольного сечения, без упора и плоским черешком - 5 экз. (3,18%). Длина 71-101 мм, длина пера 40-70 мм, ширина 3-5, толщина 3-4 мм, ширина черешка 5-9 мм, толщина черешка 2 мм. Датируются VIII-XIV вв. Найдены на Рождественском, Эсперовом и Искорском городищах (табл.1; рис. 4, 146-150).

1.1.1.42. Остролистный квадратного или ромбического сечения - 2 экз. (1,27%). Длина 52-60 мм, длина пера 23-38 мм, ширина 7-12 мм, толщина 5-12 мм, толщина черешка 2-3 мм. Датируются VIII-XIV вв. Найдены на Рождественском и Кудымкарском городищах (табл.1; рис. 3, 151-152).

1.1.1.43. Остролистный ромбического или квадратного сечения, круглой шейкой и черешком круглого или квадратного сечения - 3 экз. (1,91%). Длина 85-91 мм, длина боевой головки 46-57 мм, ширина 8-11 мм, толщина 5-8 мм, толщина черешка 2 мм. Датируются VIII-XIV вв. Найдены на Рождественском и Кыласовом (Анюшкар) городищах (табл.1; рис. 3, 153-155).

1.1.1.44. Ромбовидный, крупных размеров с покатыми плечиками - 1 экз. (0,63%). Длина 125 мм, длина пера 70 мм, ширина 15 мм, толщина 7 мм, диаметр черешка 4 мм.

В связи с тем, что неизвестно где был найден этот наконечник, датировать его не представляется возможным (табл.1; рис. 4, 156).

Необходимо отметить, что значительное количество типов представленных 1-2 экземплярами, а также присутствует большое количество гибридных форм.

Это морфологическое разнообразие бронебойных наконечников стрел в Прикамье обусловлено различными причинами: собственными культурными традициями, разного рода инокультурными влияниями, уровнем существующей технологии, поиском оптимальной формы проникателя, обусловленный потребностью населения в усилении наступательного вооружения.

Выделяются четыре самые массовые типа: 1.1.1.15 - 12,74% (X-XIV вв.), 1.1.1.22 - 8,28% (IX-X вв., XII-XIII вв.), 1.1.1.14 - 7% (I-XIV вв.), 1.1.1.24 - 6,37% (XI-XIII вв.). Все они характерны для Волжской Булгарии до монгольского периода и совпадают со временем расцвета защитного вооружения.

На Рождественском и Редикарском городищах бронебойные наконечники

стрел собраны не только на площадке городища, но и на валу. На Рождественском городище ряд наконечников найденных на привальной части площадки городища располагались под острым углом к внешней части городища. Это указывает на возможные боевые действия со стороны булгар.

Свою роль сыграли торговые связи и возможно проживание булгар на крупных городищах.

На определённом этапе произошло развитие форм. Например, из пламевидных плоских наконечников стрел появился тип 1.1.1.32. В связи с распространением в качестве защитного средства кольчуги и необходимостью повысить проникающие свойства серийных наконечников проявляется тенденция к утончению и удлинению их острия. В результате развития произошло сближение сторон рабочей части наконечника. Это привело к образованию четырёхгранного, ромбовидного в сечении жала, в то время как остальная часть пера сохраняла свои очертания и плоское сечение.

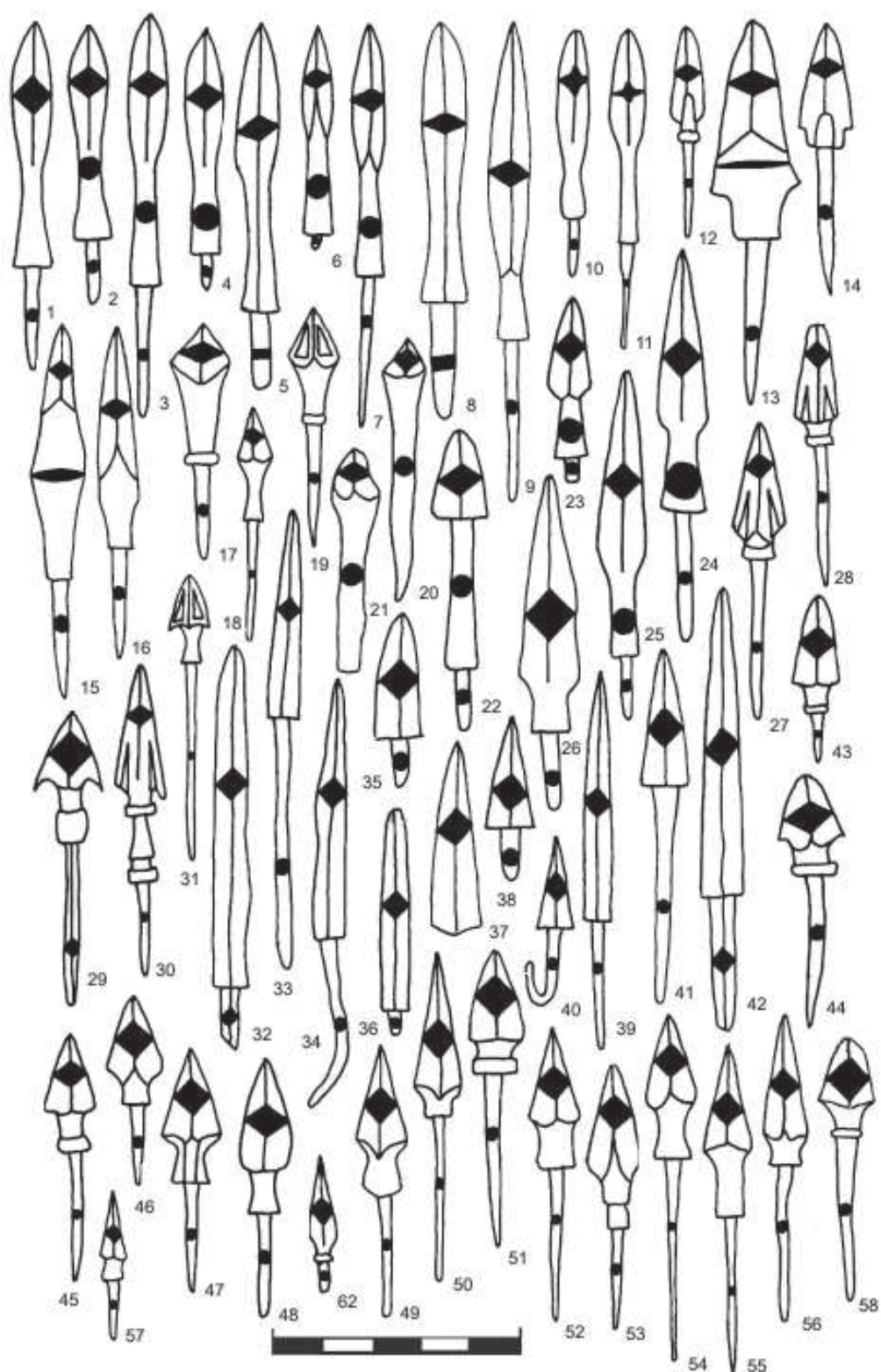

Рис.1. Бронебойные наконечники стрел

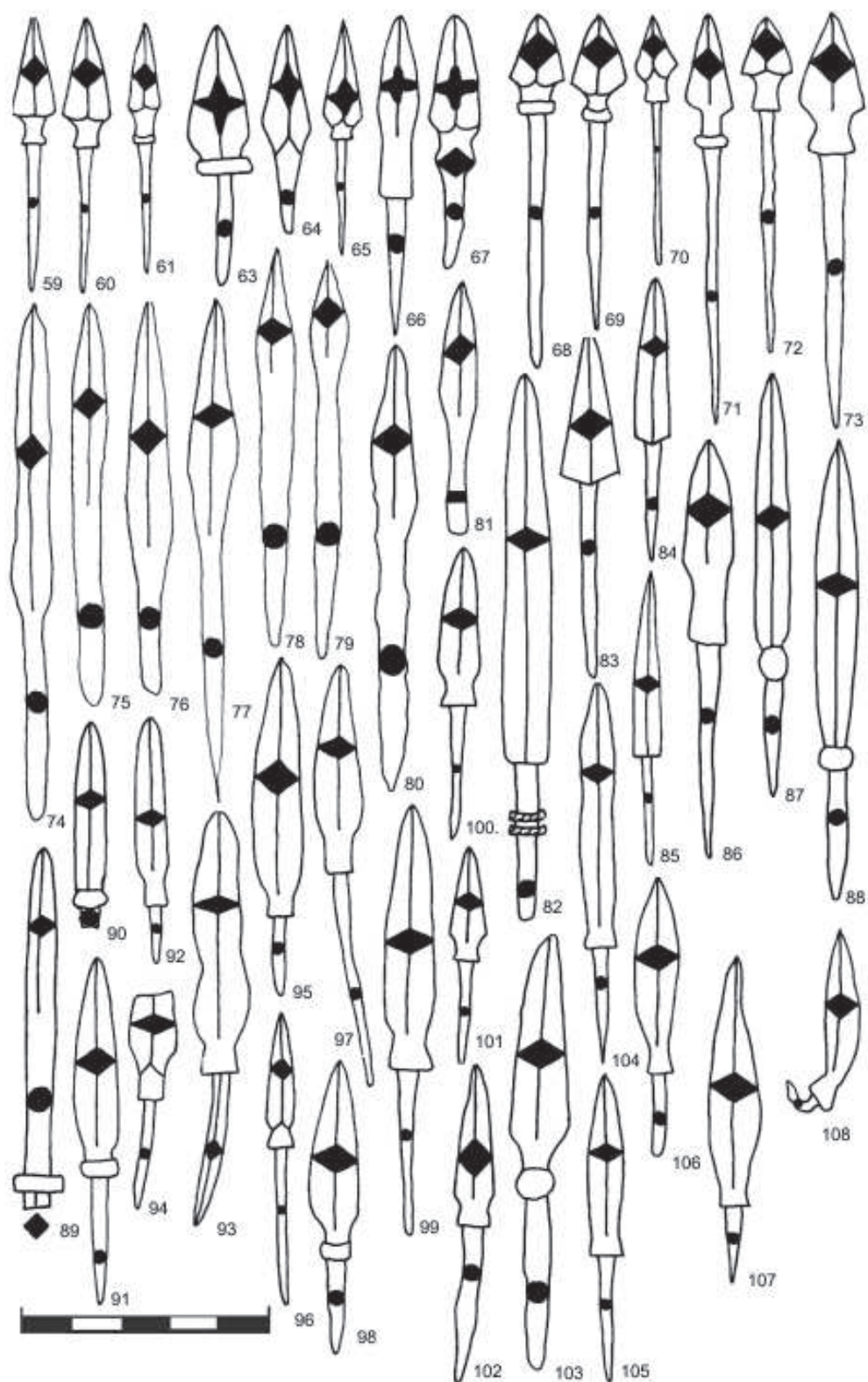

Рис. 2. Бронебойные наконечники стрел

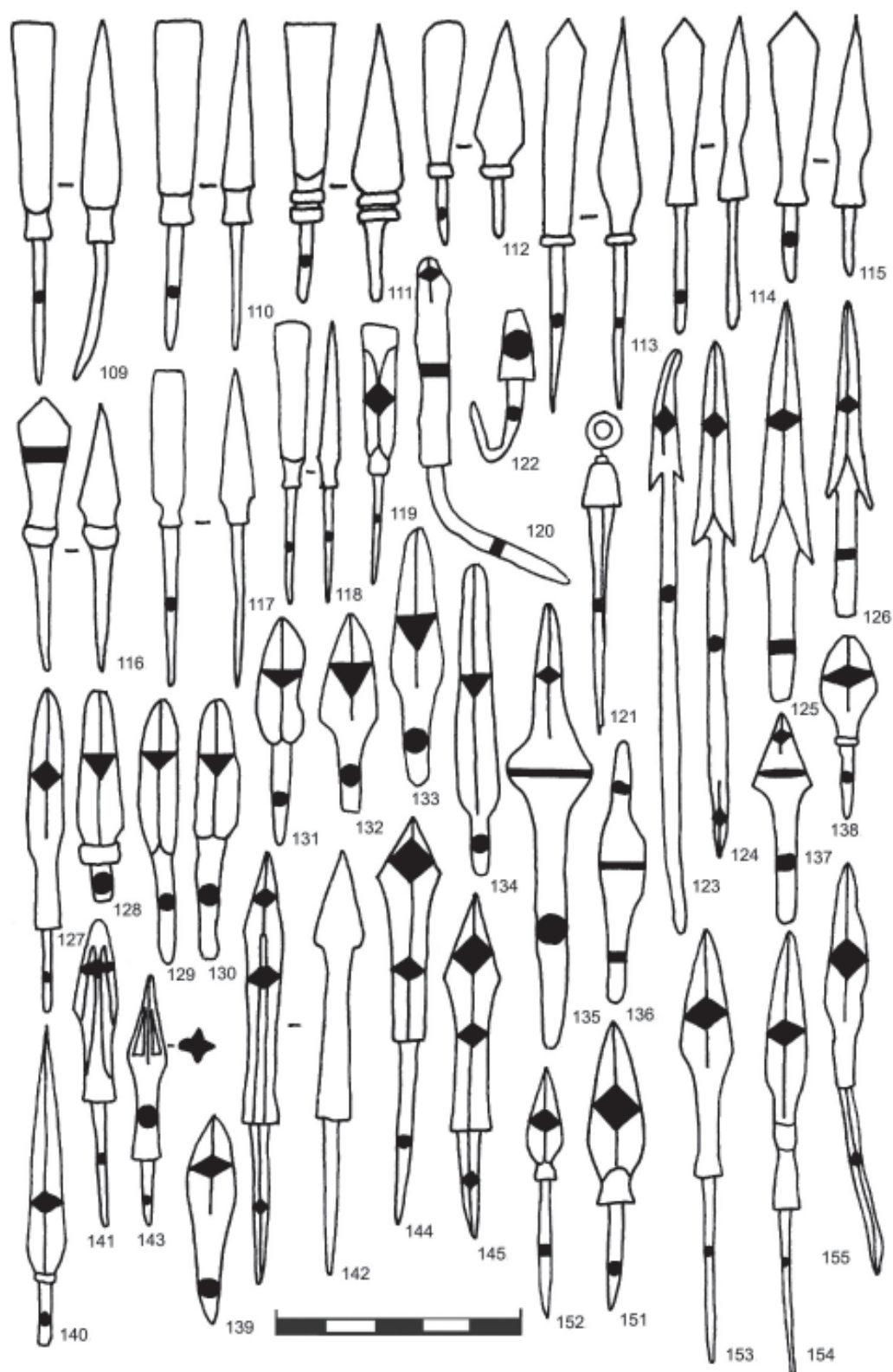

Рис. 3. Бронебойные наконечники стрел

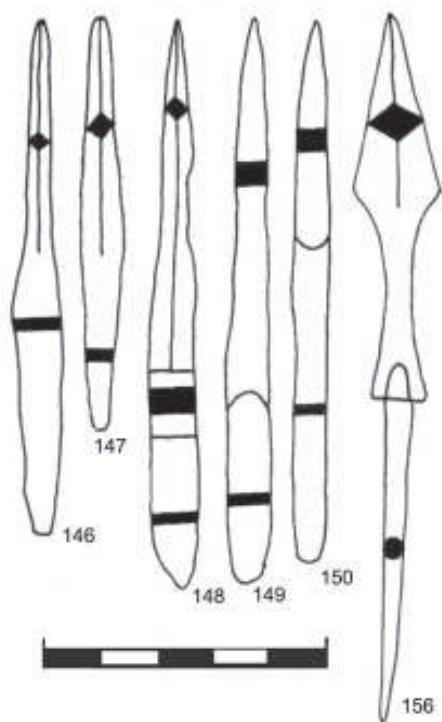

Рис. 4. Бронебойные наконечники стрел

57	Í à èçääñóí	X-XIV áà.	1.1.1.15	30	18	5	3	2	1.1.1.15.3.1.4.		(Талицкий, 1951, стр.63)		91		ÁIII9		
58	Ðí æääñóááí ñêí à ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.15	53	20	11	8	3	1.1.1.15.3.1.3.		Àððèà ààðí ðà		91		ÁIII9		
59	Í à èçääñóí	X-XIV áà.	1.1.1.15	56	26	9	6	2	1.1.1.15.3.1.4.	11375/689	Ê è-ÿ Òàí èí óóí àù ò	Í ÊÌ	91		ÁIII9		
60	Í à èçääñóí	X-XIV áà.	1.1.1.15	56	26	10	6	2	1.1.1.15.3.1.4.	11375/695	Ê è-ÿ Òàí èí óóí àù ò	Í ÊÌ	91		ÁIII9		
61	Ðí æääñóááí ñêí à ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.15	51	25	6	5	2	1.1.1.15.3.1.3.	1308/772			91		ÁIII9		
62	Êí òí èí ñêí à ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.15	28	22	6	5	2	1.1.1.15.3.1.3.		Àððèà ààðí ðà		91		ÁIII9		
63	Ðí æääñóááí ñêí à ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.16	53	30	13	5	3	1.1.1.16.7.1.3.			Í Æ Ó					
64	Ààèèí ñêí à ñàèèù à	X-XIV áà.	1.1.1.16	43	25	10	4	3	1.1.1.16.7.1.1.	11365/32-2	Ê è-ÿ Òàí èí óóí àù ò	Í ÊÌ					
65	Êóäùí èàðñêí à ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.16	48	25	8	5	2	1.1.1.16.7.1.4.		(Спицин, 1902, т.XXVIII, 33)						
66	Ðí æääñóááí ñêí à ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.16	65	37	8	4	4	1.1.1.16.7.1.4.	11375/695	Ê è-ÿ Òàí èí óóí àù ò	Í ÊÌ					
67	Ðí æääñóááí ñêí à ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.16	51	32	10	5	4	1.1.1.16.7.1.3.		Àððèà ààðí ðà						
68	Óèèèí ï ï àñêí à ã òí àèù à	XII-XIII áà.	1.1.1.17	72	20	11	7	3	1.1.1.17.3.1.3.	6/879	Í ï è-ÿ ã à, 1985	Í ÊÌ	92		ÁIII10		
69	Ààèèí ñêí à ñàèèù à	XII-XIII áà.	1.1.1.17	64	22	11	7	2	1.1.1.17.3.1.3.	11365/187	Ê è-ÿ Òàí èí óóí àù ò	Í ÊÌ	92		ÁIII10		
70	Ðí æääñóááí ñêí à ã òí àèù à	XII-XIII áà.	1.1.1.17	51	18	8	5	1,5	1.1.1.17.3.1.4.		(Белавин, 2000, стр.112, рис.52)		92		ÁIII10		
71	Í ñòäÿ Àðèàà ã òí àèù à	XII-XIII áà.	1.1.1.17	83	27	10	6	2	1.1.1.17.3.1.3.		Àððèà ààðí ðà		92		ÁIII10		
72	Í à èçääñóí	XII-XIII áà.	1.1.1.17	68	19	10	6	3	1.1.1.17.3.1.4.		(Талицкий, 1951, стр.63)		92		ÁIII10		
73	Í ñòäÿ Àðèàà ã òí àèù à	XII-XIII áà.	1.1.1.17	84	29	13	8	4	1.1.1.17.3.1.4.	3693/11	Ðóáè, à Æ.À.	ÑÊÌ	92		ÁIII10		
74	×àðèèí ñêí à ï ñàèèù à	X-XIV áà.	1.1.1.18	105	64	8	7	4	1.1.1.18.3.1.1.			ÀÊ	93	53			
75	Êóäùí èàðñêí à ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.18	82	41	7	7	5	1.1.1.18.3.1.1.	11377/85	Ê è-ÿ Òàí èí óóí àù ò	Í ÊÌ	93	53			
76	Êí ï è-í àðí ÿòèèè ï òóà	X-XIV áà.	1.1.1.18	80	56	9	7	4	1.1.1.18.3.1.1.	5016/176		Êèí	93	53			
77	Êù èàñí àí (Àí þð èàð) ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.18	102	50	10	5	4	1.1.1.18.4.1.1.	43/2	Êàí ò Æ.Ò., 1993	Í Æ Ó	93	53			
78	×àí óàáí ñèÿ ï àù àðà	X-XIV áà.	1.1.1.18	80	28	8	5	6	1.1.1.18.4.1.1.	19223/2		Í ÊÌ	93	53			
79	Ðààèèèàðñêí à ã òí àèù à	X-XIV áà.	1.1.1.18	81	26	8	6	5	1.1.1.18.3.1.1.	1074/697	Í àí ðèí Æ.À., 1971	×Ê	93	53			
80	Ñóáí àí ï àí ï èí óàèù à ï ï àè	X-XIV áà.	1.1.1.18	90	40	9	6	6	1.1.1.18.4.1.1.		Ààí è+ Æ.À., 2001	ÊÊ	93	53			
81	Áí òí ààðñèèè ï ï æèóí èè	X-XIV áà.	1.1.1.18	51	29	7	6	3	1.1.1.18.4.6.1.	à/í	Êàí ò Æ.Ò.	Í Æ Ó	93	53			
82	Òàðèèàí ï àñèèè ï ï æèóí èè	XII-XIII áà.	1.1.1.19	110	79	10	5	4	1.1.1.19.4.1.3.	Òè /13		ÊÊ	94		ÁIII11		
83	Ðí æääñóááí ñèèè ï ï æèóí èè	XII-XIII áà.	1.1.1.19	70	30	12	7	3	1.1.1.19.4.1.1.			Í Æ Ó	94		ÁIII11		
84	Ààðàñêí à ã òí àèù à	XII-XIII áà.	1.1.1.19	58	34	8	4	3	1.1.1.19.4.1.1.	.../798		×Ê	94		ÁIII11		
85	Ñí èí ï àðí àñêí à ã òí àèù à	XII-XIII áà.	1.1.1.19	60	37	6	4	2	1.1.1.19.4.1.1.		(Белавин, 2000, стр.112, рис.52)		94		ÁIII11		
86	Ðí æääñóááí ñêí à ã òí àèù à	IX-XIV áà.	1.1.1.20	85	41	10	7	3	1.1.1.20.4.1.4.		Àððèà ààðí ðà						
87	Ðí æääñóááí ñêí à ã òí àèù à	VIII-XIV áà.	1.1.1.21	86	63	7	5	4	1.1.1.21.4.1.3.		Àððèà ààðí ðà		95	52	ÁIII12		
88	Í è, ñèí ñèèè ï ï àèí ï æ.43	VIII-XIV áà.	1.1.1.21	93	67	9	5	4	1.1.1.21.4.1.3.		Í àí ðèí Æ.À., 1961		95	52	ÁIII12		
89	Í à èçääñóí	VIII-XIV áà.	1.1.1.21	73+	70	6	4	5	1.1.1.21.4.3.3.	19497/309	Ê è-ÿ Çàèèè àíà	Í ÊÌ	95	52	ÁIII12		
90	Ñí èí ï àðí àñêí à ã òí àèù à	VIII-XIV áà.	1.1.1.21	42	38	6	4	4	1.1.1.21.4.1.3.	8/147	Ààèààèí Æ.À., 1986		95	52	ÁIII12		
	Êàí ààñèèè ï ï æèóí èè	VIII-XIV áà.	1.1.1.21						1.1.1.21.		Ààí èí à Æ.Ò., 1953		95	52	ÁIII12		
91	Ðí æääñóááí ñêí à ã òí àèù à	IX-X áà.	1.1.1.22	70	44	9	5	3	1.1.1.22.4.1.3.	11375/100	Ê è-ÿ Òàí èí óóí àù ò	Í ÊÌ	97		ÁIII14	IIIÀ2	
92	Ñí èí ï àðí àñêí à ã òí àèù à	IX-X áà.	1.1.1.22	50	38	7	3	2	1.1.1.22.4.1.4.		(Белавин и др., 1988, рис.13)		97		ÁIII14	IIIÀ2	
93	Êóäùí èàðñêí à ñàèèù à	IX-X áà.	1.1.1.22	85	53	11	4	4	1.1.1.22.4.3.4.		Ê è-ÿ Òàí èí óóí àù ò	Í ÊÌ	97		ÁIII14	IIIÀ2	

Табл. 1. Бронёбойные наконечники стрел (продолжение)

Табл. 1. Бронбойныгэ наконечники стрел (продолжение)

94	Ёоуи ёаоһи а һаеу а	IX-X аа.	1.1.1.22	44+	21+	10	4	2	1.1.1.22.4.1.4.	10302/277	Ёё-у Оаё ёи ооё аи о	ЁЁ	97		АIII14	IIIА2	
95	Ёу еанһ аё (Ай р ёаё) а ёи аеу а	IX-X аа.	1.1.1.22	69	52	10	7	2	1.1.1.22.4.1.4.	41/148	Ёаё о А.О., 1991	Ё А О	97		АIII14	IIIА2	
96	Ёи ёи ёи а а ёи аеу а	IX-X аа.	1.1.1.22	60	27	5	4	2	1.1.1.22.4.1.4.	685/387		хЁ	97		АIII14	IIIА2	
97	Ёи аааһоааи ёи а а ёи аеу а	IX-X аа.	1.1.1.22	86	42	10	5	2	1.1.1.22.4.1.4.	ДА92(5)/380	Ааеааеё А.И., 1992	Ё А О	97		АIII14	IIIА2	
98	Ааеёи ёи а һаеу а	IX-X аа.	1.1.1.22	60	40	10	6	3,5	1.1.1.22.4.1.3.		(Спицин, 1902 г. XXVIII, 35)		97		АIII14	IIIА2	
99	Ёу еанһ аё (Ай р ёаё) а ёи аеу а	IX-X аа.	1.1.1.22	87	54	10	5	3	1.1.1.22.4.1.4.		(Белавин, 2000, стр.112, рис.52)		97		АIII14	IIIА2	
100	Ёу еанһ аё (Ай р ёаё) а ёи аеу а	IX-X аа.	1.1.1.22	59	32	8	4	2	1.1.1.22.4.1.4.		(Белавин, 2000, стр.112, рис.52)		97		АIII14	IIIА2	
101	Ё а ёааһоёи	IX-X аа.	1.1.1.22	44	23	7	4	2	1.1.1.22.4.1.4.		(Талицкий, 1951, стр.63)		97		АIII14	IIIА2	
102	Нцай ай ай Ё ёи оаеу а һаеу а	IX-X аа.	1.1.1.22	65	33	8	8	4	1.1.1.22.3.1.4.		Аоёа ааёи оа	ЁЁ	97		АIII14	IIIА2	
103	Ёи аааһоааи ёи а а ёи аеу а	IX-X аа.	1.1.1.22	88	54	12	6	5	1.1.1.22.4.1.3.		Аоёа ааёи оа		97		АIII14	IIIА2	
104	Ёё, ёи һаеёи ёи аеуи её	IX-X аа.	1.1.1.23	77	54	7	4	2	1.1.1.23.4.1.4.	642/238	Ё ай ёеё А.А., 1961	ЁЁ					
105	Ёи ёи ёи аи ёи оаеёи ёи оа	IX-X аа.	1.1.1.23	62	36	8	4	2	1.1.1.23.4.1.4.	155		ЁЁ					
106	Ёоуи ёаоһи а а ёи аеу а	IX-X аа.	1.1.1.23	57	40	9	5	2	1.1.1.23.4.1.4.	а/и		хЁ					
107	Ай уи ааоһаеёи ёи аеуи её	IX-X аа.	1.1.1.23	67	51	10	6	3	1.1.1.23.4.1.4.	7/89	Ёаё о А.О., 1986	ЁЁ					
108	Нёи ёи аи аи ёи а а ёи аеу а	IX-X аа.	1.1.1.23	42	37	7	5	2	1.1.1.23.4.1.4.	8/142	Ааеааеё А.И., 1986						
109	Ёоуи ёаоһи а а ёи аеу а	XI-XIII аа.	1.1.1.24	74	44	9	8	2	1.1.1.24.6.1.4.	314/7		Ёёи	100	56	АIII17		
110	Ёи ёи ёи аи ёи оаеёи ёи оа	XI-XIII аа.	1.1.1.24	68	42	10	6	3	1.1.1.24.6.1.4.	592/10		Ёёи	100	56	АIII17		
111	Ёоуи ёаоһи а а ёи аеу а	XI-XIII аа.	1.1.1.24	57	41	10	10	3	1.1.1.24.6.1.3.	а/и		ЁЁ	100	56	АIII17		
112	Ё а ёааһоёи	XI-XIII аа.	1.1.1.24	46	32	9	10	2	1.1.1.24.6.1.3.	11340/13	Ёё-у Оаё ёи ооё аи о	ЁЁ	100	56	АIII17		
113	Ёи ёи ёи аи ёи оаеёи ёи оа	XI-XIII аа.	1.1.1.24	81	47	8	9	3	1.1.1.24.6.1.3.	а/и		Ёёи	100	56	АIII17		
114	Ааеёи ёи а һаеу а	XI-XIII аа.	1.1.1.24	65	39	8	5	2	1.1.1.24.6.1.4.	11365/81		ЁЁ	100	56	АIII17		
115	Ааеёи ёи а һаеу а	XI-XIII аа.	1.1.1.24	55	40	10	8	3	1.1.1.24.6.1.4.	11365/84		ЁЁ	100	56	АIII17		
116	Ё а ёааһоёи	XI-XIII аа.	1.1.1.24	56	30	10	9	3	1.1.1.24.6.1.3.		Ёё-у Чаеёёи ай а	ЁЁ	100	56	АIII17		
117	Ё а ёааһоёи	XI-XIII аа.	1.1.1.24	65	32	7	7	3	1.1.1.24.6.1.4.		(Талицкий, 1951, стр.63)		100	56	АIII17		
118	Ёоуи ёаоһи а а ёи аеу а	XI-XIII аа.	1.1.1.24	58	34	7	5	2	1.1.1.24.6.1.4.		(Спицин, 1902 табл. XXVI, 1)		100	56	АIII17		
119	Ёоуи ёаоһи а а ёи аеу а	XI-XIII аа.	1.1.1.25	54	31	7	6	1,5	1.1.1.25.3.1.4.		(Спицин, 1902, табл. XXVI, 9)		57				
120	Дааеёаоһи а а ёи аеу а	VIII-XIV аа.	1.1.1.26	79	43	6	3	2	1.1.1.26.4.6.4.	1074/168	Ё ай ёеё А.А., 1971	Ёёи					
121	Ё а ёааһоёи	XII-XIV аа.	1.1.1.27	58	10	8		2	1.1.1.27.1.6.2.		Ёё-у Чаеёёи ай а		102		АIII18		
122	Ёи аааһоааи ёи а а ёи -0,54	XII-XIV аа.	1.1.1.27	44	15	8		3	1.1.1.27.1.1.1.	ДА93/139	Ааеааеё А.И., 1993	Ё А О	102		АIII18		
123	Ёи аааһоааи ёи а а ёи аеу а	XII-XIV аа.	1.1.1.28	120	28	7	5	3	1.1.1.28.3.1.1.	ДА97(1)/602	Ааеааеё А.И., 1997	Ё А О	103				
124	Ё аооёи аи а а ёи аеу а	XII-XIV аа.	1.1.1.28	116	42	9	5	4	1.1.1.28.3.1.1.	641/1524		хЁ	103				
125	Ёи ёи ёи аи ёи оаеёи ёи оа	XII-XIV аа.	1.1.1.28	83	54	13	5	5	1.1.1.28.4.6.1.	375/6		Ёёи	103				
126	Ёоуи ёаоһи а а ёи аеу а	XII-XIV аа.	1.1.1.28	65	43	10	4	4	1.1.1.28.4.6.1.		(Спицин, 1902, табл. XXVI, 5)		103				
127	Дааеёаоһи а а ёи аеу а	XII-XIV аа.	1.1.1.29	67	50	7	6	2	1.1.1.29.3.1.4.	1074/875	Ё ай ёеё А.А., 1971	хЁ					
128	Нцай ай ай Ё ёи оаеу аи ёи аё	XII-XIV аа.	1.1.1.30	44	36	9		4	1.1.1.30.8.1.3.	19656/391	Аай ё+ А.А., 1997	ЁЁ					
129	Аай, ёи ёи аеёи ёи аеуи её	XII-XIV аа.	1.1.1.31	55	32	8		3	1.1.1.31.8.1.1.	10301/1184	Аай ёи а А.О., 1953	ЁЁ					

Табл. 1. Бронедойные наконечники стрел (окончание)

130	Áààà òòñèèé ï ãèùí èè	XII-XIV áà.	1.1.1.31.	54	29	8		5	1.1.1.31.8.1.1.	Áì 96/35	Áì +àðí à È.Á. 1996	í Æ Ó						
131	Ðí àààñòàáí ñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.31.	47	26	10		4	1.1.1.31.8.1.1.	11375/673	Èí è-γ Òàí èí óóí àù ò	í Èì						
132	Ðí àààñòàáí ñèèé ï ã ï ï ã. 110	XII-XIV áà.	1.1.1.31.	41	25	11		4	1.1.1.31.8.1.1.	Ðì	Èòù èàñí àà Ì. Á.	í Èì						
133	Ñòàí àí í àí Ì èí óàèù á ï ã è	XII-XIV áà.	1.1.1.31.	53	34	11		6	1.1.1.31.8.1.1.		Áàí è+ Á.Á., 1997	í Èì						
134	Áí ù ààòñèèé ï ã è ï ï ã. 32	XII-XIV áà.	1.1.1.31.	64	52	9		4	1.1.1.31.8.1.1.	7/68	Èàí ò Á.Ò., 1986	í Æ Ó						
135	Ýñí àðí àí ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.32.	91	44	18	2	6	1.1.1.32.4.1.1.		Áí ðàèí ñèèò Á.Á.	ÑÈì						
136	Ðí àààñòàáí ñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.32.	54	35	10	2	2	1.1.1.32.2.6.1.	ÐÃ91(4)/748	Áàèààèí Á.Ì., 1991	í Æ Ó						
137	Áàò ï ï ï ãñèèé ï ï ãèùí èè	XII-XIV áà.	1.1.1.33.	44	18	12	2	4	1.1.1.33.4.1.1.		Áí èàèí à Ð.Á.	ÆÈì						
138	Èñàààñèèé ï ï ãèùí èè	XII-XIV áà.	1.1.1.34.	38	23	11	5	2	1.1.1.34.4.1.3.		Áðòèà ààðí ðà							
139	Áí ù ààòñèèé ï ã è ï ï ã. 59	XII-XIV áà.	1.1.1.35.	43	22	10	5	5	1.1.1.35.4.1.1.	á/í	Èàí ò Á.Ò.	í Æ Ó						
140	Ðí àààñòàáí ñèí à ã ò. Ðì. Ò5. Áì.	XII-XIV áà.	1.1.1.36.	66	53	8	4	2,5	1.1.1.36.4.1.3.	1308/793		í Æ Ó						
141	Ðí àààñòàáí ñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.37.	64	38	9	4	2	1.1.1.37.5.6.4.	11375/695	Èí è-γ Òàí èí óóí àù ò	í Èì						
142	Ðààèèàòñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.38.	89	56	9	10	2,5	1.1.1.38.4.4.4.	3462/30		×Èì						
143	Áí ù ààòñèèé ï ï ãèùí èè	XII-XIV áà.	1.1.1.39.	52	38	8	8	2	1.1.1.39.5.1.4.		(Белавин и др., 1988, рис. 13)							
144	Ðààèèàòñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.40.	84	46	13	13	3	1.1.1.40.3.1.4.	1074/119	Ì áí ðèí Á.Á., 1971	×Èì						
145	Ðààèèàòñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.40.	71	49	11	11	3	1.1.1.40.3.3.4.	1074/á.í.	Ì áí ðèí Á.Á., 1971	×Èì						
146	Ðí àààñòàáí ñèí à ã òí àèù á. Ðì.	XII-XIV áà.	1.1.1.41.	91	50	3	3	2	1.1.1.41.3.6.1.	ÐÃ97(1)/381	Áàèààèí Á.Ì., 1997	í Æ Ó						
147	Ðí àààñòàáí ñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.41.	74	45	4	4	2	1.1.1.41.3.6.1.	ÐÃ93/320	Áàèààèí Á.Ì., 1993	í Æ Ó						
148	Ýñí àðí àí ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.41.	101	63	3	3	2	1.1.1.41.3.6.2.		Áí ðàèí ñèèò Á.Á.	ÑÈì						
149	Èñèí òñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.41.	100	70	5	4	2	1.1.1.41.6.6.1.	1173/105	Ì áí ðèí Á.Á., 1975	×Èì						
150	Èñèí òñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.41.	96	40	5	4	2	1.1.1.41.6.6.1.	1215/578	Ì áí ðèí Á.Á., 1973	×Èì						
151	Èòàù ï èàòñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.42.	60	38	12	12	3	1.1.1.42.3.1.4.	11377/137	Èí è-γ Òàí èí óóí àù ò	í Èì						
152	Ðí àààñòàáí ñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.42.	52	23	7	5	2	1.1.1.42.4.6.4.	1308/772	Ì ï èγèí á, 1985	í Æ Ó						
153	Èò èàñí àí (Áí þ èàð) ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.43.	89	51	11	7	2	1.1.1.43.4.1.4.		Áðòèà ààðí ðà							
154	Ðí àààñòàáí ñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.43.	91	57	8	5	2	1.1.1.43.4.1.4.		(Белавин, Данич, 2006, стр.35. Рис Г.)							
155	Ðí àààñòàáí ñèí à ã òí àèù á	XII-XIV áà.	1.1.1.43.	85	46	8	8	2	1.1.1.43.3.3.4.	ÐÃ92(ÐV)/380	Áàèààèí Á.Ì., 1992	í Æ Ó						
156	Ì á èçààñòí ï		1.1.1.44.	125	70	15	7	4	1.1.1.44.4.1.4.			í Èì						

БКМ - Березниковский краеведческий музей; ГКМ - Гайнский краеведческий музей; ЕКМ - Екатеринбургский краеведческий музей; ИлМ - Ильинский краеведческий музей; ККМ - Кудымкарский краеведческий музей; ПГПУ - музей Пермского государственного педагогического университета; ПКМ - Пермский краеведческий музей; СКМ - Соликамский краеведческий музей; ЧКМ - Чердынский краеведческий музей.

**Т.А. Кыласова, А.Ф. Мельничук,
Д.В. Третьяков, Е.Г. Хозяшева
НОВЫЕ СБОРЫ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПРЕДМЕТОВ НА БЕРЕГАХ
КАМСКОГО
ВОДОХРАНИЛИЩА В
ИЛЬИНСКОМ РАЙОНЕ
ПЕРМСКОГО КРАЯ**

Ильинский район Пермского края чрезвычайно богат археологическими древностями, характеризующими различные исторические периоды Урала, начиная с раннего палеолита и кончая эпохой нового времени. Именно здесь в центре Строгановского нераздельного имения складывается традиция собирательства "чудских" древностей, у истоков которого стояли вотчинные служащие В. А. Волегов и представители знаменитой археологической династии Теплоуховых (Головчанский, Мельничук, 2004). По богатству и разнообразию средневековых памятников Ильинский район занимает особое место в археологии Приуралья. Недаром одна из самых ярких раннесредневековых культур "ломоватовская" получила свое наименование по местному гидрониму - речке Ломоватовке. Многие памятники эпохи средневековья Ильинского района вошли в золотой фонд прикамской археологии - могильник Деменки, городища Анюшкар, Назарово (Лепихин, Мельничук, 1997; Мельничук, Марков, 2002; Мельничук, 2004).

В настоящее время многие памятники Ильинского района разрушаются водами Камского водохра-

нилища (Обвинский и Иньвенский заливы) в результате чего особые яркие находки аккумулируются в руках местного населения. Нередко интересные предметы выявляются и на огородах, которые располагаются в пределах археологических объектов. В работе мы приводим последние яркие средневековые раритеты, собранные на разрушающихся объектах историко-культурного наследия Ильинского района Пермского края.

**Местонахождение
антропоморфного изображения
у д. Тупица.**

Находка приобретена А. Ф. Мельничуком для Ильинского краеведческого музея у местного жителя в 2006 г. По его словам бляшка была найдена на пляже правого берега р. Обвы близ с. Тупица у пос. Ильинского, где расположены разрушенные водохранилищем селища железного века. Бляшка представлена стоящим человеком с руками, расположенными на груди (рис.1). Изображение изготовлено методом сплошного литья из бронзы, ныне покрытой благородной темно-зеленой патиной. Длина изображения 3,6 см. У человека округ-

Рис. 1. Местонахождение Тупица.
Антропоморфное изображение

лая голова, диаметром до 0,8м. Четко выделены глаза, нос и широкий улыбающийся рот. На груди особенно подчеркнуто изображения массивных рук. Аналогов данному антропоморфному облику нет. По своей иконографии он сближается с реалистичными антропоморфными изображениями Гляденовского кистища (Лепихин, Мельничук, 1997, рис. 7:2). Тупицынское селище, где предположительно совершена находка бляшки, по фрагментированному керамическому материалу, не обладающему декором, датировать сложно. В то же время не следует забывать, что в 3 км к ЮВ от д. Тупицы находится Ильинское кистище гляденовской культуры, которое возникло в первых веках I тыс. н. э. и существовало как мощный культовый центр до харинской эпохи (IV - V вв. н. э.) (Мельничук, Лепихин, 2001). Мы не определяем тупицынскую находку как гляденовскую. Она вполне может быть определена как ломоватовская, но что истоки этого облика исходят из гляденовского искусства, бесспорно.

Местонахождение

каролингского меча у д. Нечаево.

Меч был найден в 90-х гг. XX в. жителем д. Селезни В. В. Бобровым и передан в 2002 г. его внуком Ю. А. Дмитриевым в Чермозский историко-краеведческий музей. Найдка совершена на берегу Камского водохранилища, в районе бывшей д. Нечаево, в 0,5 км к ЮВ от д. Селезни, расположенной в 2 км к ЮВ от г. Чермоза в устье одноименной реки (Васев, 2008, с. 157). Длина сохранившейся части меча 47 см, ширина клинка у перекрестья 6 см. Это оружие относится к обще-

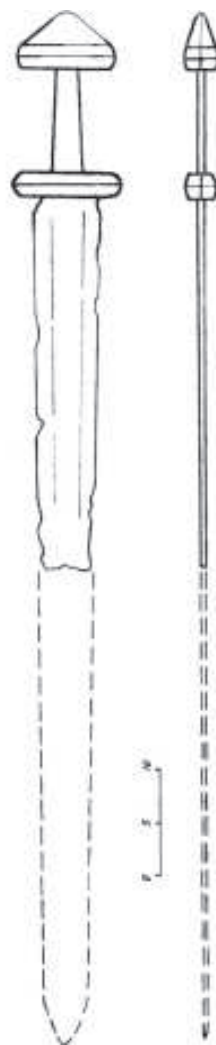

Рис. 2. Местонахождение Селезни.
Каролингский меч

европейским каролингским образцам и соотносится с типом В - клинки с нешироким прямым перекрестьем и треугольной головкой рукояти. Перекрестье и рукоять декорировано слабо выраженным ребром (рис. 2). Подобные мечи из Южного Приладожья (Бор) датируются второй половиной IX-XI вв (Кирпичников, Медведев, 1985, с. 300, табл. 114:1; 116:8.). В Пермском Предуралье до этого была известна лишь одна находка каролингского меча (тип Е) в Северном Прикамье у д. Гавриково (Пятигоры) в Гайнском районе Пермского

края (Бадер, Оборин, 1959, рис. 57:11).

Мечи каролингского типа в Пермском Приуралье, возможно, фиксируют места захоронений воинво-пришельцев, в первую очередь представителей военно-торговых корпораций древних руссов, которые могли проникать с северо-запада, минуя территории вымских общин древнепермского населения. Об этом косвенно свидетельствуют четко фиксируемые связи северного родановского населения с западно-финским культурным миром, в частности с Приладожьем, которые отмечается в Верхнем Прикамье, начиная с X в (Мельничук, 1979). В Волжской Булгарии известно 5 находок мечей каролингского типа Е и S, которые исследователи связывают с возможным вхождением древних руссов в состав военных наемников этого государства (Кирпичников, Измайлов, 2000). Однако, вряд ли, правители Волжской Булгарии, следуя известиям Ибн-Фадлана, могли доверять этим предприимчивым воинам-торговцам и отправлять их на территории, находящиеся в сфере важных торговых интересов государства.

Анюшкарский могильник.

Могильник располагается на мысу правого берега Иньвеньского залива Камского водохранилища, обращенного в сторону городища Анюшкар - важного племенного центра родановской культуры. Его площадка находится в южной части с. Кыласово и занята усадьбами местных жителей. Впервые памятник обследован отрядом КАЭ ПГУ под руководством В. А. Оборина в 1960. В 1991 году Г.Т. Ленц на могильнике вскрыто 15 погребений, со-

вершенных по обряду ингумации. По ее мнению могильник использовался в X - первой половине XIII веков (Ленц, 2001, с. 146). Материал представленный в данной работе собран в пределах усадеб Т.А. Кыласовой (42 экз.) и Е.Г. Хозяшевой (12 экз.) и связан с разрушенными в ходе многолетних огородных работ погребениями. В представленных коллекциях резко преобладают разнообразные украшения из цветных металлов.

Височные подвески - 1 экз. Украшение представлено серебряным трехбусинным височным кольцом (рис. 3: 5). Позолоченные бусы декорированы пирамидками зерни, и двумя сканными поясками по швам соединений их пустотелых форм. Подобные украшения были распространены у элиты родановской культуры в XI-XIII вв. и рассматриваются обычно как продукт ювелирного производства мастеров Волжской Булгарии. (Белавин, 2000, рис. 27: 4, 5). Характерно, что аналогичные трехбусинные кольца найдены В. А. Обориным на городище Анюшкар вместе с другими ювелирными изделиями в составе своеобразногоклада, сокрытого, возможно, во время его осады в первой половине XIII в (Бадер, Оборин, 1959, рис. 56).

Перстни - 2 экз. По типологии Р. Д. Голдиной относятся к отделу А-шитковые, типу 3 - цельнолитые с плоскими щитками без вставок. Первое медное украшение характеризуется подтипом е - с овальным орнаментированным щитком. Он находит определенные аналогии с перстнем из позднеломоватовского погребения № 187 Аверинского некрополя, щиток которого также декорирован спиралевидным орна-

Рис. 3. Анюшкарский могильник: коллекция Е.Г. Хозяшевой

ментом и обрамлен жгутиковым узором (Голдина, 1985, с. 36, табл. II, 46). Отличия заключаются лишь в том, что по боковым краям щитка у рассматриваемого перстня отмечаются противолежащие пирамидки псевдозерни (рис. 4: 12). Второй билоновый перстень можно соотнести с типом б - с ромбическим щитком (рис. 4: 17). Однако он оригинален и не имеет полных аналогий.

Подвески 5 экз. По типологии Р. Д. Голдиной относятся к группе I - шумящие. Первая медная подвеска характеризуется отделом Б, типом 3. - с плоской подтреугольной основой, украшенной спиралевид-

ными узорами и с подвесками лапками. На трех цепочках из овальных звеньев подвешивались три оригинальные привески - лапки ромбической формы (рис. 5: 1). Аналогичные декорированные треугольные плоские основы отмечены на украшениях из 15 погребения Плеснинского могильника, 83 погребения Аверинского могильника (Голдина, 1985, с. 44. табл. XV, 44; Оборин, 1970, табл. 6). Еще две подвески с аналогичной основой найдены в погребении № 200 Деменковского могильника (раскопки А. Ф. Мельничука, 2008 г.)

Вторая подвеска, из благород-

ной патинированной темно-зеленой бронзы, достаточно своеобразна (рис. 5:2). Аналогов ей в финно-угорских евразийских древностях не найдено. Щиток украшения прямоугольной формы имеет в центре квадратное отверстие, очевидно, от шатона, в котором находились стеклянная или каменная вставка. Прямоугольная основа подвески декорирована жгутиковым орнаментом или имитацией филигрانی. Что-то близкое по художественному оформлению щитка отмечается у арочной подвески из погребения 33 Ликинского могильника в Лесном Зауралье, которое связано с переходной группой, датированной XI - XII вв (Викторова, 2008, с. 71, 89, рис. 58 а). К основе привески прикреплялись при помощи цепочек группы 3, типа 3, подтипа 3. 2 (по типологии А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой - цепочки с щитковыми подпрямоугольными звеньями менее диаметра кольца) привески-колокольчики. Щитки декорированы горизонтальными гладкими поясками и насечками. Подобные виды украшений бытовали в Пермском Приуралье в XI - XIV вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 273, рис. 185:13,15,16). К щитковым звеньям были прикреплены привески-колокольчики, по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой, относящиеся к типу 4, подтипу 4, 3, варианту 1- привески- колокольчики с цилиндрическим коротким туловом, сужающимся к верху и переходящим в цилиндрическую короткую шейку, которые сплошь покрыты гладкими поясками и насечками. Эти украшения хорошо представлены в родановских и вымских древностях X - XIV вв (Белавин, Крыласова, 2008, рис.

196: 33).

Третья подвеска, по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой, относится к группе 16, подгруппе 1, типу 2, подтипу 2. 3, варианту 7 - одноякорьковая шумящая подвеска с тремя петлями для привесок, расположенных в форме треугольника вершиной вниз и со вздутой шейкой в центре, покрытой гладкими поясками (рис. 3:3). Подобные подвески встречаются на памятниках финно-угров таежной Евразии X - XII вв (Белавин, Крыласова, 2008, с. 392, рис. 190:31). К основе привески прикреплялись при помощи цепочек с щитковыми подпрямоугольными звеньями (группа 3, тип 3, подтип 3. 2) привески-колокольчики с цилиндрическим коротким туловом (тип 4, подтип 4, 3, вариант 1).

Четвертая подвеска, по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой, является умбоновидной (группа 1). Ее основа состояла из двух горизонтально расположенных умбонов (тип 2), в нижней части которой расположены три округлых петли для привесок. Между петлями привесок и вокруг умбонов отмечаются пирамидки псевдозерни (рис. 3:4). Подобные украшения распространены в финно-угорских культурах таежной Восточной Европы и датируются в пределах XI - XII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 376, рис. 186:12). Четвертое украшение из бронзы представлен фрагментом арочной основы шумящей подвески, обрамленной филигранью (рис. 3:6). Рисунок на щитке оригинален.

В коллекции имеется одна бронзовая плоская колесовидная подвеска с петлей для подвешивания, украшенная ажурной прорезью и

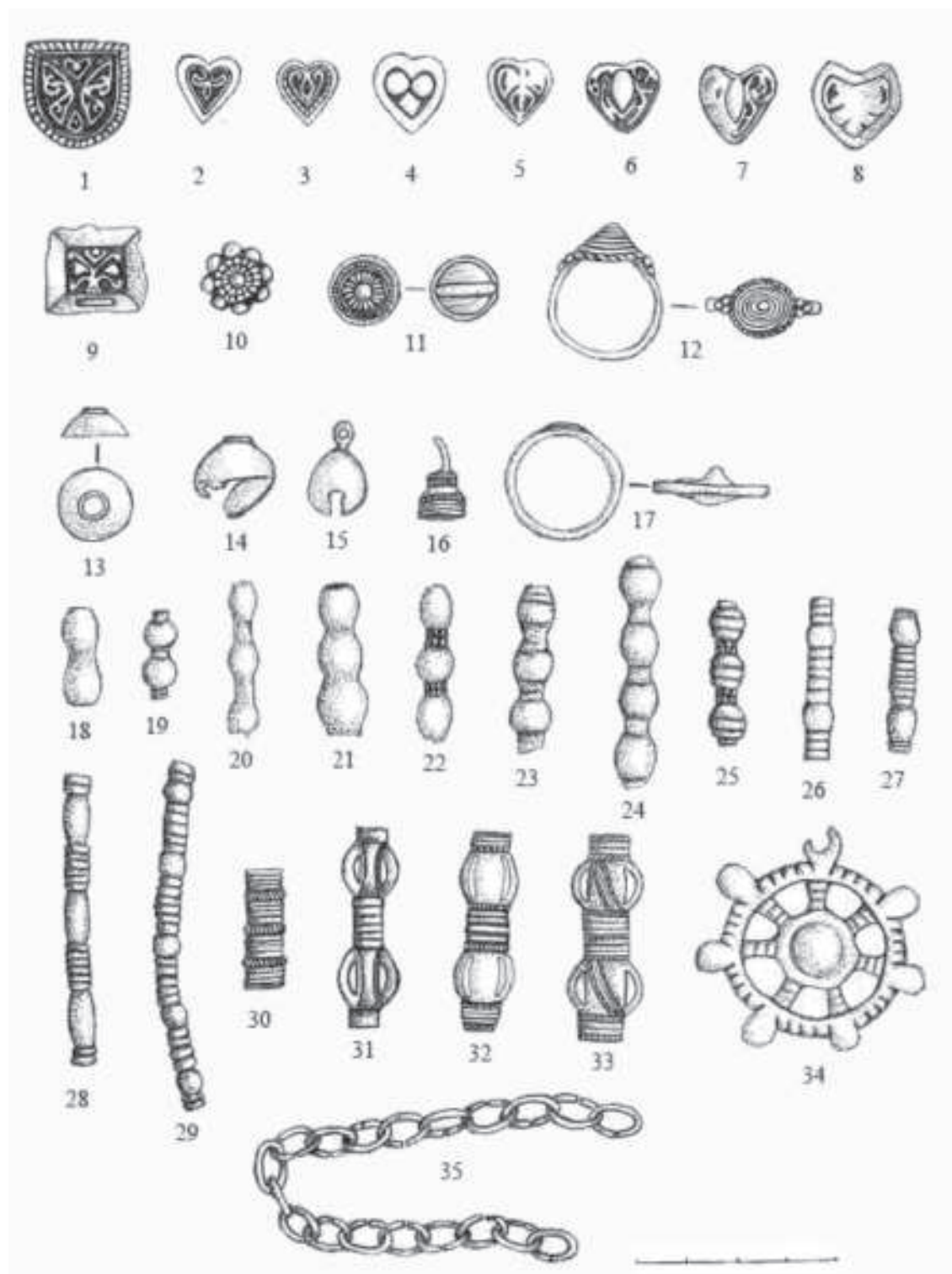

Рис. 4. Аноушкарский могильник: коллекция Т.А. Кыласовой

насечками - по типологии Р. Д. Голдиной группа II, типа I (рис. 4: 33) (Голдина, 1985, с. 45, 270, табл. XIX, 2). Аналогичные украшения найде-

ны в погребениях №№ 20, 118а Деменковского могильника, №№ 318, 374 Агафоновского могильника, № 60 Щукинского могильника. Эти

изделия свойственны для деменковской стадии ломоватовской культуры - конец VII - VIII вв. и явно фиксируют ранний период существования Анюшкарского некрополя.

Бронзовых привесок к шумящим подвескам найдено 4 экз. Первая разновидность украшений в количестве двух предметов (тип 4, подтип 4, 3, вариант) в виде привески-колокольчика с цилиндрическим коротким туловом уже рассматривалась нами при описании шумящих подвесок (рис. 3: 8; 4:16). Одна привеска по типологии А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой относится к группе тонкостенных шаровидных неорнаментированных бубенчиков с одной прорезью, имеющих средние размеры (рис. 4:15) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 403, рис. 196:38). Подобные украшения в славянской среде были распространены со второй половины XI - до второй половины XIII в. В коллекции имеет привеска - колокольчик в виде простого конуса с гладкими полосками по нижнему краю (группа 22, тип 1, вариант 2). Подобные украшения характерны для средневековых памятников Среднего Приуралья IX - X вв. (рис. 3:9) (Белавин, Крыласова, 2008, Рис. 196:22).

Поясных накладок к коллекции 17 экз. Выделяется 6 геральдических накладок, которые относятся, по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой, к типу 5 - в виде "варяжского" щита с выпуклой поверхностью, подтипу 5, 1 - с прямой нижней стороной и плавно округленными боковыми краями щитка, декорированного бордюром из псевдозерни и растительным орнаментом. Они подразделяются на 2 варианта - 1.

прорезные; 2. непрорезные. (рис. 3:1; 4:1). Подобные украшения пояса широко распространены на памятниках родановской культуры X - XI вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 414, рис. 199, 34, 35).

Интерес представляют непрорезные сердцевидные поясные накладки (тип 8, подтип 8.2 по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой) - 7 экз. По оформлению щитка они относятся к разным вариантам. Вариант 6 представлен узором в виде "сердечка" с вписанным в него ромбом с завитками (рис. 4:3). Для варианта 7 характерно на щитке изображение трилистника (рис. 4:2). Для варианта 8 свойственен разнообразный растительный декор (рис. 4:5-8) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 418, рис. 199:91, 96, 99, 109). Подобные декорированные накладки на родановских памятниках датируются в пределах X - XII вв. Выделяется лишь одна сердцевидная медная накладка, которая украшена по щитку двумя окружностями и ромбом, аналогов которой нам не известно (Рис. 4:4). Любопытны круглые накладки - 3 экз. (тип 11, по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой). Они подразделяются на подтипы и варианты: круглые плоские накладки (1 экз.) небольшой выпуклостью в центре, окруженной с радиально расходящимися выпуклыми лучами (рис. 4:11), которые обрамлены поясом витого орнамента (подтип 11, 2; вариант 3); розетковидные накладки - пуговицы с выпуклым умбоном (2 экз.), завершающимся шаровидным выступом. Поле умбона покрыта рядами ложной зерни (рис. 4, 10). Окружность накладок обрамлена полушарными выступами (подтип 11, 3, вариант 1) (Бела-

вин, Крыласова, 2008, с. 421, рис. 200, 24, 25-27). Подобные украшения свойственны для средневековых древностей Среднего Приуралья X - XII вв. Еще одна квадратная прорезная накладка (Тип 1, подтип 1. 1, вариант 5) на щитке имеет "Ж"-образный орнамент (рис.4:9) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 412. Рис. 196:7-8).

Бронзовые пронизки - 22 экз. Среди них отмечаются двусоставные шаровидные неорнаментированные украшения с гладкими "воротничками" у отверстий (тип 2, подтип 2, 1, вариант, 1 по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой). Подобные пронизки широко распространены на средневековых домонгольских памятниках Пермского Приуралья (рис.4:13,14) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 432, рис. 202:19). Следующая группа пронизок представлена многочастными трубчатыми украшениями с гладкими вздутиями, плавно переходящими к трубке, подтипы которых определялись по количеству вздутий - подгруппа 2, тип 1, подтипы 1, 2 (рис.4:18,20,21) (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 202:23 - 28). Подобные украшения частая находка на средневековых памятниках финно-угорского населения таежной Евразии X - XII вв. Их разновидность (тип 2, подтипы 2. 2, 2.3) пронизки с гладкими вздутиями, резко переходящими к трубке. (рис. 4:19, 23, 24) (Белавин, Крыласова, 2008, С. 433. Рис. 202: 32, 33, 34). В коллекции имеются пронизки с гладкими вздутиями, перемежающиеся гладкими поясками (тип 3 и различные его подтипы и вариации) (Белавин, Крыласова, 2008, с.433-34., рис.202:41-45). Подобные украшения

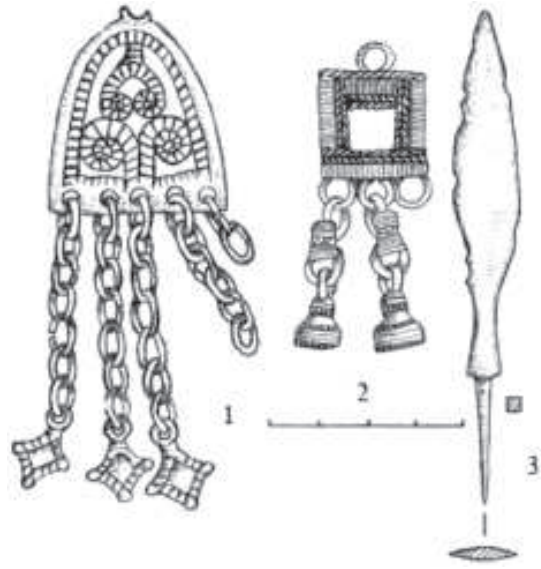

Рис. 5. Анюшкарский могильник: коллекция Т.А. Крыласовой

являются массовыми находками в ломоватовских и родановских древностях VIII - XII вв (рис. 4:26-29). Выделяются пронизки со вздутиями, которые перемежаются парными поясками с прямыми насечками - тип 4 и его разновидности (рис. 4, 22, 25) [Белавин, Крыласова, 2008, с. 434, рис. 202, 46..]. Подобные пронизки свойственны для прикамских памятников XI - XII вв. Имеются в коллекции пронизки, орнаментированные чередующимися гладкими поясками и поясками, которые декорированы насечками - тип 6, подтип 6. 3 (рис. 4:30) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 435, рис.202:56). В Верхнем Прикамье они датируются XIII - XIV вв. Выделяется группа нешумящих пронизок с прорезными вздутиями - группа 2, подгруппа 1, тип 1, тип 2 (рис. 4:31-33) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 435-436, рис. 202). Пронизки с прорезными вздутиями характерны для позднегородановских памятников XII - XV вв.

На территории могильника Анюшкар найдена бронзовая ант-

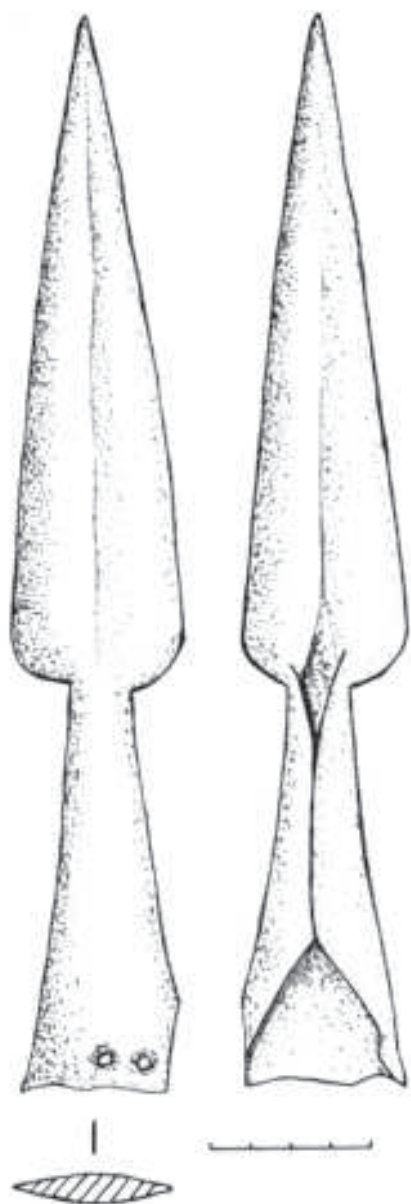

Рис. 6. Анюшкарский могильник. Копье

ропоморфная личина с ушком для подвешивания (рис. 3:2). Личина обрамлена стилизованными изображениями, возможно, человеколюдей, туловище которых подчеркнуты насечками. Близкий по облику образ найден в 1975 г. Ю. А. Поляковым при обследовании Ломоватовского I селища разрушенного водами Камского водохранилища (Мельничук, Лепихин, 1997, Рис. 2:5). Найдена бронзовая цепочка от шумя-

щих украшений с овальными звеньями (рис. 4:35).

Железные предметы вооружения представлены 3 наконечниками стрел и одним наконечником копья (рис. 6). Среди них выделяется бронебойный с массивной боевой головкой ромбической в сечении, с выделенной шейкой (рис. 4:11). Подобные наконечники имеют широкий хронологический диапазон бытования в пределах X - XIV вв.. Второй наконечник относится к типу остролистных и имеет слабо выраженный упор. Близкие метательные орудия были распространены в Прикамье в X - XIII вв. (рис. 4:12). Второй остролистный наконечник имеет четко выраженный упор (рис. 5:3).

Таким образом, Анюшкарский могильник, судя по находкам предметов явно позднеломоватовского возраста, начинает функционировать не позднее VIII в. Окончательное прекращение погребений на некрополе, что определяется по его ориентировочным размерам и относительным датировкам отдельных предметов, может уходить в послемонгольское время. Г.Т. Ленц считает, что старый некрополь прекратил свое существование и был перенесен на стрелку городища Анюшкар в XIII в. "Анюшкар из обычного городища с небольшим валом и рвом, с хозяйственными жилыми постройками... превращается в хорошо укрепленный городок ... вырастает на три тысячи кв. м." и на нем появляется кладбище с сочетанием языческих и мусульманских традиций (Ленц, 2001, с. 146; 2008, с. 14).

К настоящему времени опубликовано лишь одно из девяти погреб-

бений, изученных Г.Т. Ленц на стрелке мыса (Крыласова, Белавин, Ленц, 2000, рис. 5). Мы считаем что, до полной публикации планиграфии и стратиграфии городища Анюшкар о постоянном некрополе на этом памятнике говорить преждевременно. Могилы, которые были обнаружены на стрелке городища, вполне могут быть результатом захоронения погибших во время осады его защитников, что наблюдалось и на других памятниках железного века Пермского Приуралья:

ломоватовско-родановское городище Редикор (5 погребений - раскопки В. Ю. Лещенко, 1968, В. А. Оборин, 1971), ананьинско-гляденовское городище Башкултаево (3 погребения - раскопки В. А. Борзунова, 1982) (Денисов, Лещенко, 1969, с. 134; Оборин, 1972, с. 188).

Полученные новые материалы из сборов на разрушающихся памятников значительно дополняют наши представления о памятниках эпохи средневековья Ильинского района Пермского края.

Н.Г. Брюхова
ПОГРЕБЕНИЕ № 116
БАЯНОВСКОГО
МОГИЛЬНИКА

Исследования Баяновского (Бояновского) могильника велись в 1951, 1953 гг. отрядом КАЭ ПГУ под руководством В.А. Оборина. Последние шесть лет работы на памятнике продолжает отряд КАЭЭ ПГПУ под руководством А.В. Данича. За время раскопок могильника на площади 1238 кв.м. было изучено 239 погребений, отнесенных к IX - XI вв. (Данич, 2009). Однако, несмотря на количество вскрытых погребений, вследствие плохой сохранности костей в могильных ямах, изучение антропологических останков, обнаруженных на Бояновском могильнике, представляет определенную сложность. Из-за фрагментарности материала затруднено установление расовых характеристик населения, оставившего некрополь, описания телосложения и физического развития, установление санитарного состояния группы.

Элементы скелетов обнаруженные в погребениях, в основном представлены незначительными фрагментами диафизов длинных костей. Чаще всего это кости рук и проксимальные части бедренных костей, на которых находились украшения. Также, в некоторых могильных ямах найдены фрагменты черепов и таза, все кости плохой сохранности: разрушена компакта и кость рассыпается при выемке. Во многих погребениях сохранилась зубная эмаль.

Исключением является погребение №116, располагавшееся на

краю карстовой воронки, в котором были обнаружены костные останки хорошей сохранности. В погребении зафиксированы кости взрослого человека и ребёнка (рис. 1). Скелет взрослого человека располагался у восточной стенки могильной ямы. Часть элементов скелета находилась в анатомическом сочленении: кости ног, таза, грудные нижние позвонки и все поясничные, нижние рёбра правой стороны, кости левой руки, кости правого предплечья и кисти. Элементы верхней части скелета от 9 грудного позвонка располагались в вертикальной плоскости друг над другом в анатомическом соответствии. Костяк при этом выглядел "сидящим".

Скелет ребёнка располагался с правой стороны от взрослого. Все кости залегали на одной глубине и находились в анатомическом порядке, ряд костей - в анатомическом сочленении. Основная ось костяка была направлена по линии север-юг, ей сонаправлена ось позвоночника ниже верхних грудных позвонков и кости ног. В районе шейных и верхних грудных позвонков условная ось позвоночника изгибается влево. Череп сильно развёрнут лицевым отделом на восток (в сторону взрослого скелета), основанием вниз, левой теменной костью упирается в северный край ямы. Рёбра левой стороны лежали на наружных поверхностях, рёбра правой стороны, закрылись внутрь грудной клетки. Кости рук слегка отведены от туловища и согнуты в локтях.

Останки принадлежат взрослому человеку, умершему в возрасте 30 - 40 лет и ребёнку, умершему в возрасте 3-5 лет. Оба индивида были похоронены одновременно в

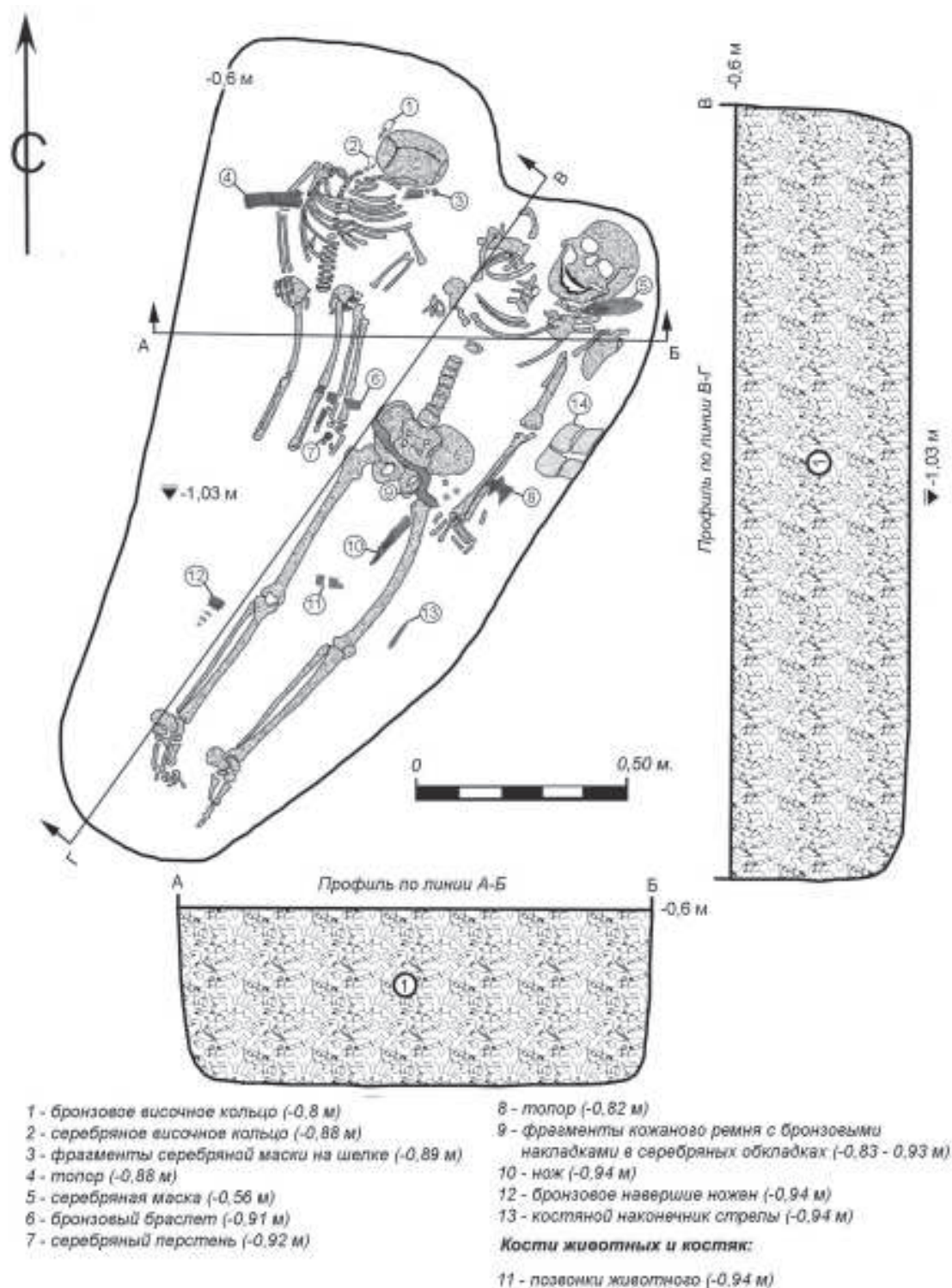

Рис. 1. Погребение № 116 Баяновского могильника

одной могильной яме, что подтверждается однородным заполнением могильной ямы и расположением костей ребенка и нижней части ске-

лета взрослого на одном уровне. Ребёнок был уложен с правой стороны от взрослого. Соответствующее положение скелетов могло быть

возможным при постепенном истлевании и обрушении помоста, на который были уложены тела погребённых.

Хорошая сохранность костей в погребении №116 позволила провести наиболее полное их исследование методами антропологического анализа, по сравнению с останками из других погребений Бояновского могильника.

В ходе изучения антропологических остатков применялась комплексная методика.

Определение половой принадлежности останков проводилось по тазовым костям, черепу и нижней челюсти с использованием стандартных методик (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Bass, 1987; Buikstra, Ubelaker, 1994). Для определения возраста смерти применялись визуальные макроморфологические методики. На черепе фиксировалось наружное зарастание швов по системе боковых точек и точек свода (Meindl & Lovejoy, 1985). Возрастные изменения лобкового симфиза учитывались по системе Suchey & Brooks (Brooks, Suchey 1990). Трансформация ушковой поверхности тазовой кости, сопряженная с возрастом, определялась по О. Лавджою с соавторами (Lovejoy et al, 1985). Степень стертости зубов регистрировалась по методикам М.М. Герасимова, в модификации А.А. Зубова (Зубов, 1968), и О. Лавджоя (Lovejoy, 1985), основанных на разных темпах изнашивания жевательных поверхностей. Определения делались отдельно для передних (резцы, клыки, предкоренные) и коренных зубов, из-за различных функций этих отделов. Для детского скелета возраст

определялся по уровню формирования зубной системы (Ubelaker, 1978). На посткраниальном скелете по длине костей с не приросшими эпифизами (Johnson, 1962). Измерения черепа и длинных костей проводились по стандартным методикам (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Рост реконструировался по формулам, выведенным М. Троттер и Г. Глезер и представленным в руководстве по остеологии (Алексеев, 1966). В ходе исследования зубочелюстной системы рассматривались микротравматические сколы эмали, кариес, верхушечный абсцесс, прижизненная утрата зубов и эмалевая гипоплазия (Бужилова, 2005; Струков, Кременецкая, 1993).

Фиксация мест прикрепления мышц была проведена по методике описанной Д.И. Ражевым (Ражев, 2009).

Анализ костных останков мужчины из описываемого погребения позволяет выявить особенности его физического типа.

Череп брахикранный с большими широтными и малыми продольными размерами мозговой коробки. В вертикальной норме мозговая коробка пентагнатна с хорошо развитыми лобными и теменными буграми. Лоб прямой. Лицевой отдел ортогнатный, среднеширокий, абсолютно и относительно малой высоты, средне уплощенный. Орбиты по пропорциям мезоконхные (средне-высокие) с малой шириной и высотой. Нос слабо выступающий по указателю лепторинный (узкий) с малыми шириной и длиной. Переносье невысокое, среднеширокое. Глубина клыковой ямки - малая.

При сравнении исследуемого

черепа с материалами более ранних могильников с территории Пермского Предуралья (Митинский IV-V вв. и Демёнковский VI-VIII вв. могильники) наблюдается тенденция к усилению монголоидных признаков (Акимова, 1968). Условная доля монголоидного элемента, рассчитанная по методике Г.Ф. Дебеца (Дебеч, 1968) на черепах Митинского могильника составляет 12%, Демёнковского могильника - 22,9%, а на черепе с Бояновского могильника - 62,3 %. При схожих углах профилировки, высоте лица, высоте орбит и высоте мозговой коробки, изменения в направлении монголоидности связаны с уменьшением угла выпячивания носа, более низким переносом и меньшей глубиной клыковой ямки на черепе из погребения № 116. Наибольшее сходство данный череп обнаруживает с материалами Сайгатинских могильников VI-XV вв. с территории Среднего Приобья (Багашев, Пошехонова, 2008) (табл. 1).

Все длинные кости индивида очень малых размеров со средней массивностью и хорошо выраженным рельефом. На плечевых костях значительно развиты места прикрепления дельтовидной, плечевой мышцы и лучевых разгибателей запястья. На костях таза заметно выделяются места прикрепления косых мышц живота. Рост погребенного, определенный по размерам длинных костей, составляет 160-165 см, по рубрикации Мартина - ниже среднего.

На останках исследуемого человека обнаружены последствия нескольких патологических процессов. При жизни утерян нижний медиальный резец. На верхнем латеральном

резце и клыках на уровне середины коронки, на втором нижнем премоляре на уровне нижней трети коронки выявлены следы эмали гипоплазии степени развития 1 балл. Для всех зубов отмечается парадонтопатия (1-2 балла) и наличие зубного камня на жевательных зубах (1 балл). Наблюдаются сколы эмали на верхнем резце с вестибулярно-мезиального края на нижних клыках и на первых больших коренных зубах обеих челюстей. Кариозных поражений не зафиксировано.

Таким образом, физический облик мужчины имеет сходство с внешним обликом населения, оставившего Сайгатинские могильники на территории Западной Сибири. При небольшом росте и средней массивности костей, он имел хорошо развитые мышцы, отвечающие за повороты туловища, сгибание позвоночника, отведение руки от туловища с согнутым предплечьем, отведение кисти в лучевую сторону. Судя по состоянию зубочелюстной системы, данный индивид перенес пищевое истощение в раннем детском возрасте и последующую нехватку (возможно сезонную) необходимых веществ или соединений в пище. Множественные сколы зубной эмали свидетельствуют о большой нагрузке на зубной аппарат. Это может быть следствием переработки жесткой и грубоволокнистой пищи и использования зубов, как инструмента для обработки непищевых материалов.

К сожалению, анализ единственного костяка взрослого человека не может дать представление о внешнем облике всего населения оставившего могильник. Возможно,

дальнейшие раскопки памятника предоставят новые материалы для антропологического исследования.

Таблица 1. Краниометрические показатели

№ по Мартину или условное обозначение	Бояновский могильник погр. №116	Митинский могильник IV-V вв.	Демёнковский могильник VI-VIII вв.	Сайгатинские могильники VI – XV вв.
	?	?	?	?
1. Продольный диаметр	176	181	184,6	175
8. Поперечный диаметр	147	142,7	142,7	144,5
17. Высотный диаметр (ba-b)	130	133	131,5	128,4
8:1. Черепной указатель	83,5	80,6	77,1	82,6
5. Длина основания черепа	92	102,3	103,2	98,2
9. Наименьшая ширина лба	89	98	95,8	96,2
40. Длина основания лица	90	99	96,2	96,9
40:5. Ук. выступания лица	97,8	96,7	92,2	98,8
43. Верхняя ширина лица	98	105,9	108,4	106,6
46. Средняя ширина лица	90	92	94,4	99,6
45. Скуловой диаметр	131	133	135,1	135,3
48. Верхняя высота лица	67	68,3	68,9	69
48:45. Верхний лицевой ук.	51	51,3	51,2	50,7
72. Общий лицевой угол	89	84,6	87,5	86,1
77. Назомалярный угол	143	139,8	142,4	142,4
$\angle zm^*$. Зигомаксиллярный уг.	132	127,6	131,8	132,8
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	40	42,1	43,1	42,5
52. Высота орбиты	32	33,1	32,4	34,1
52:51. Орбитный указатель	82,5	79,7	76	80,5
55. Высота носа	49	49,9	51,2	49,9
54. Ширина носа	22	24,7	26,7	24,6
54:55. Носовой указатель	44,8	49,7	48,3	49,9
75(1). Угол выступания носа	20	25,8	28,5	20,2
SC. Симотическая ширина	8	9	8,6	7,9
SS. Симотическая высота	3	4,1	4,5	3
SS:SC. Симотический указат.	37,5	45,8	53,3	40,7
DC. Дакриальная ширина	20	23,2	21,6	22,5
DS. Дакриальная высота	10	11,8	10,9	10
DS:DC. Дакриальный указат.	50	51,2	52	44,5
FC. Глубина клыковой ямки	3	5,8	6,9	3,2
Условная доля монголоидного элемента (УДМЭ)	62,3	12	22,9	65,6

**Н.Б. Крыласова, М.С. Ильин,
Н.Г. Брюхова
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
РОЖДЕСТВЕНСКОГО
МУСУЛЬМАНСКОГО
МОГИЛЬНИКА**

В 2008-2010 гг. КАЭЭ ПГПУ были продолжены раскопки Рождественского археологического комплекса, расположенного в 1300-1900 м к юго-западу от центральной части с. Рождественск (Рождественское) Карагайского района Пермского края, который занимает несколько выступов коренного левого берега р. Обва, правого притока р. Кама, и включает в себя Филипповское (малое) и Рождественское (большое) средневековые городища, мусульманский домонгольский могильник и обособленный от него средневековый языческий некрополь.

Мусульманская часть Рождественского могильника, занимает мыс коренной террасы, непосредственно примыкающий к восточным оборонительным сооружением Рождественского городища. Между площадкой городища и могильником находится глубокий овраг (Постаноговский лог) со следами искусственной подрезки. Расположение некрополей непосредственно у городских укреплений характерно для многих домонгольских мусульманских могильников Волжской Болгарии.

Первые раскопки могильника произведены в августе 1897г. Н.Н. Новокрещенных, которым было изучено 12 погребений, представляв-

ших собой неглубокие (40-50 см) узкие могилы, в которых зафиксированы костяки "лежащие на спине" слегка повернутые на правый бок. Костяки ориентированы головой на запад. Левая рука в 8 случаях согнута в локте и "лежит на бедре", правая - вдоль костяка или слегка согнута, три костяка Новокрещенных назвал "скорченными" с подогнутыми ногами, что соответствует положению погребенного "на правом боку", черепа развернуты вправо, т.е. на юг в сторону Мекки. В четырех погребениях найдены железные изделия, которые Новокрещенных назвал крючками (Новокрещенных, 1901, с.115-116), - гвозди-костыли, которые, в частности, в Волжской Булгарии применялись для изготовления гробовищ (Халикова, 1976, с.39-50).

В 1990-1991 гг. раскопки мусульманского могильника были продолжены КАЭЭ ПГПУ под руководством Н.Б. Крыласовой. На двух раскопах II и IV общей площадью 173 кв. м было вскрыто 11 погребений. Часть погребений оказались нарушенными в результате оползания склона. Результаты исследований мусульманского Рождественского могильника были неоднократно опубликованы (Крыласова, Бочарова, Бочаров, 1997; Крыласова, Белавин, Ленц, 2002; Крыласова, Белавин, Ленц, 2003; Брюхова, 2006), в том числе, в обобщающей монографии (Белавин, Крыласова, 2008).

В 2008 г. работы на комплексе были возобновлены. На мусульманском могильнике был разбит раскоп площадью 82 кв. м на площадке между двумя раскопами предыдущих лет. На раскопе выявлено

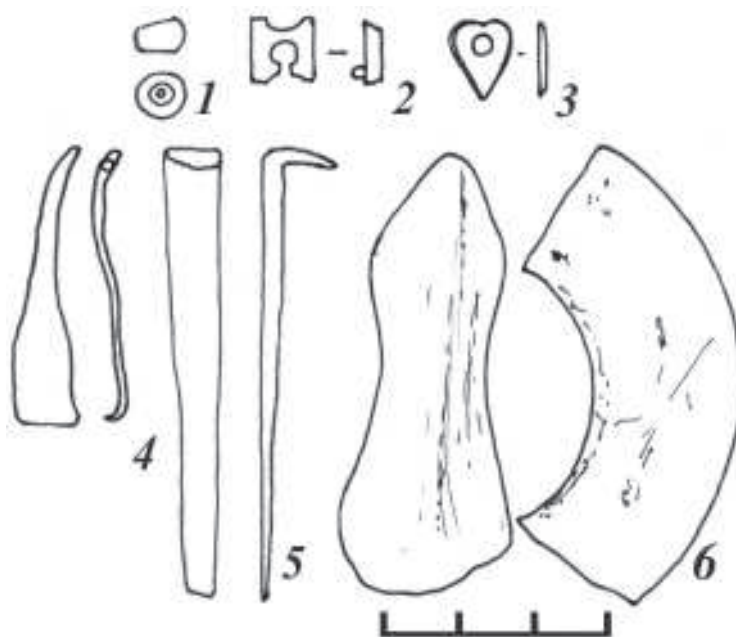

Рис. 1. Находки из слоя, перекрывающего погребения

три погребения, несколько аморфных ям неопределенного назначения и канавка, пересекающая раскоп по линии, параллельной ряду погребений. В 2009 г. на мусульманском могильнике был разбит раскоп площадью 40 кв. м, расположенный к северу от раскопа II 1990 года. Никаких объектов на раскопе не зафиксировано.

Таким образом, общая изученная часть памятника (без учета раскопа Н.Н. Новокрещенных) составила 294 кв. м, количество изученных погребений - 26.

Наиболее интересные материалы, пополнившие наши представления об особенностях планировки и истории Рождественского мусульманского могильника были получены в 2008 г.

Во-первых, впервые под дерном на площади раскопа был зафиксирован культурный слой, выделявшийся стратиграфически в виде полосы плотного пестроцветного серо-коричневого суглинка мощно-

стью до 0,1-0,25 м. В этом слое содержались находки, связанные с функционированием деревни Постановово XVII-XIX вв. Здесь найдены фрагменты русских гончарных керамических сосудов, разнообразные железные предметы, шлаки, кости животных.

Ниже, в слое плотного бурого суглинка, мощность которого составляла от 0,06 до 0,3 м, встречено несколько находок, относящихся к эпохе средневековья (рис. 1). Среди этих находок представлена стеклянная зонная одночастная бусина с серебряной фольгой с бесцветным внешним слоем. Такие бусы датируются в пределах VIII-XI вв. (Абдулова, 2008, с.525). Встречено также две бронзовые накладки: маленькая подквадратная с округлой прорезью в центре и маленькая сердцевидная с округлой прорезью в центре. Подобные накладки хорошо известны по материалам Рождественского археологического комплекса. По материалам языческого

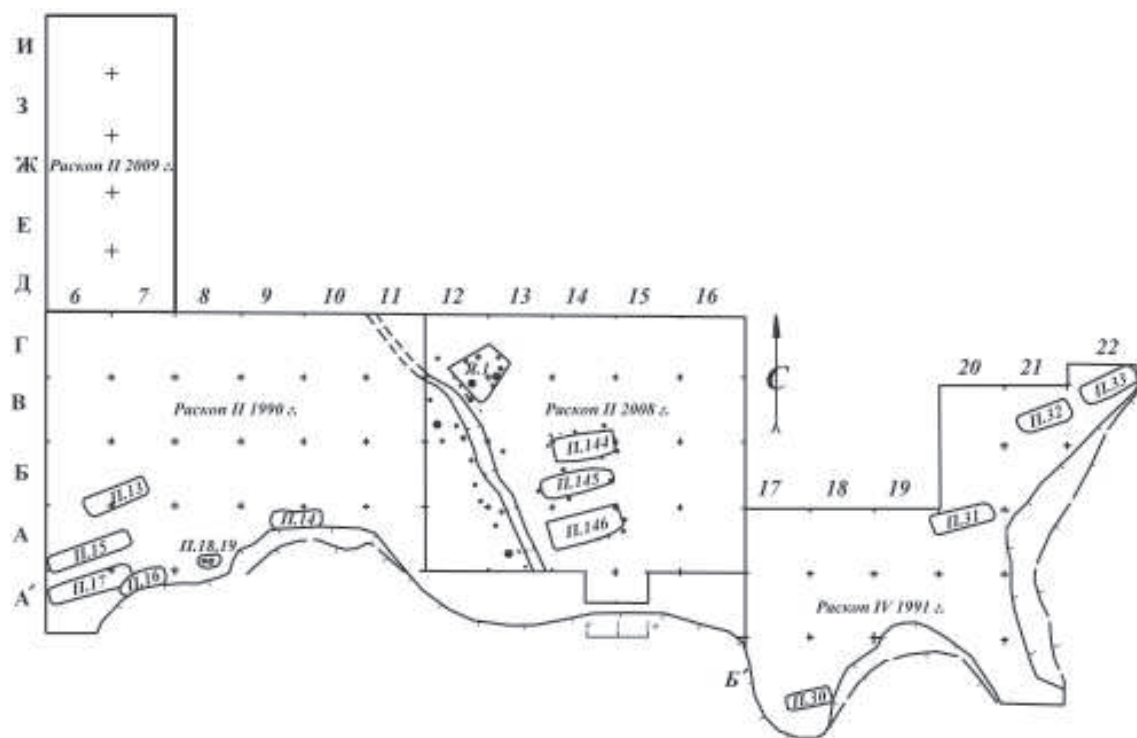

Рис. 2. Сводный план раскопов на мусульманском могильнике

могильника, а также по известным аналогиям они датируются концом IX-XI вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с.417). К бронзовым предметам относится фрагмент вытянутой пластинки, возможно, часть пинцета. Найден железный "Г"-образный гвоздь, подобный тем, которые зафиксированы на могильнике еще Н.Н. Новокрещенных, а также при раскопках 1990-1991 гг. (Белавин, Крыласова, 2008, с.90-91). Такой тип гвоздей широко применялся в Волжской Булгарии в конце XI-XIII вв. для сколачивания гробовищ (Халикова, 1976, рис.17). К находкам, связанным с периодом средневековья, принадлежит также фрагмент петельчатой ручки лепного керамического сосуда. Лепные сосуды с ручками появляются в Пермском Предуралье еще с конца IX в., но наиболее массовое их распространение начинается с XI-XII вв. (Крыласо-

ва, 2007, 56). Таким образом, полученные материалы подтверждают датировку мусульманского Рождественского могильника XI - начало XIII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с.91).

Полученные материалы пока не позволяют решить вопрос о том, связаны ли находки эпохи средневековья с культурным слоем неукрепленного посада Рождественского городища, который существовал здесь до появления могильника, или эти материалы являются свидетельством проведения каких-либо поминальных обрядов.

Как указано выше, на раскопе II 2008 г. было изучено три погребения, которые располагались в ряд компактной группой.

Погребение № 144 (нумерация сплошная, включая погребения языческого могильника) (рис. 3). Могильная яма подпрямоугольной фор-

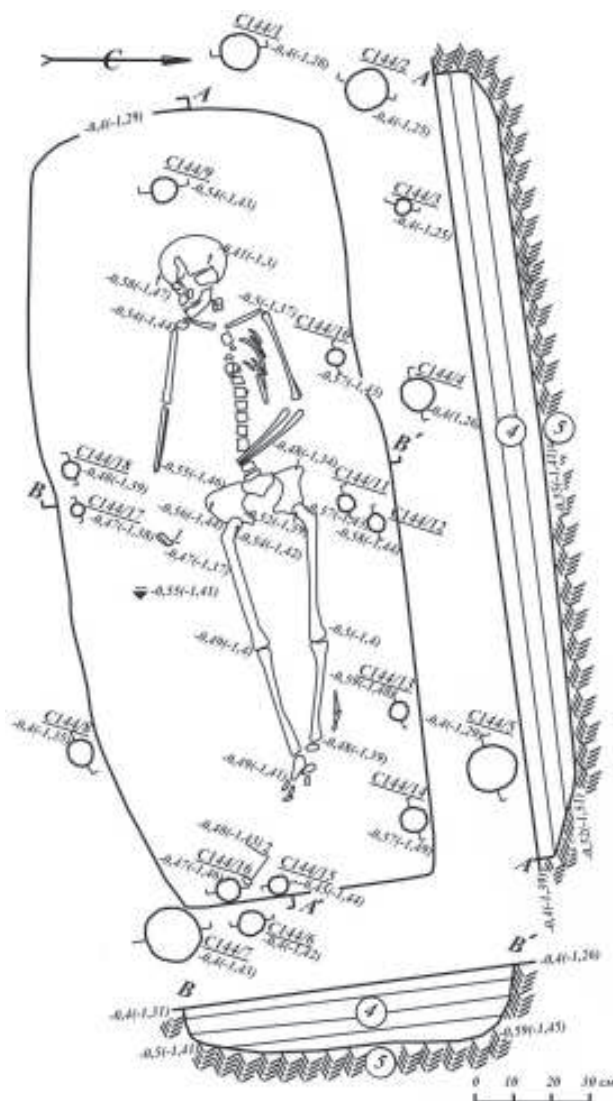

Рис.3. Погребение № 144

мы имела размеры 2,1 x 0,9 м. Ориентирована по линии З-В с незначительным отклонением к ЗЮЗ-ВСВ. Дно относительно ровное глубиной в среднем 0,55 м, с незначительным уклоном к северу до -0,59 м, стенки вертикальные, за исключением пологой восточной. На дне были зафиксированы очертания десяти столбовых ямок, образующих ряды вдоль стенок могильной ямы. Ямки диаметром 0,04-0,07 м конусовидной формы глубиной до -0,54-0,67 м, вероятно, связаны с кольями, укреплявшими доски деревян-

ной рамы, сооруженной в яме. Кроме того, столбовые ямки, расположенные в ряд, выявлены вокруг ямы вдоль ее северной границы и у юго-восточного угла. Диаметр их составлял от 0,07 до 0,15 м, ямки имели подцилиндрический и конусовидный профиль, в глубину достигали -0,44-0,52 м. Эти ямки связаны со столбами, относившимися либо к конструкции внутримогильной деревянной рамы, либо надмогильного сооружения.

В погребении обнаружен скелет одного индивида. Ось скелета

была вытянута вдоль продольной оси погребения. Все кости находились в анатомическом порядке, часть костей - в анатомическом сочленении. Череп продолжал линию позвоночника, шейные позвонки находились под черепом. Череп лежал на правой стороне, лицевым отделом на юг. Позвоночный столб был вытянут вдоль продольной оси погребения, слегка изогнут в поясничном отделе. Ребра правой стороны отсутствовали, ребра левой стороны раскрылись, лежали на наружных поверхностях. Кости правой руки были вытянуты по одной оси параллельно оси позвоночника. Кости левой руки согнуты в локтевом суставе, проксимальные эпифизы костей предплечья располагались в районе поясничных позвонков. Таз раскрылся только с правой стороной, левая сторона не раскрыта, и находилась в анатомическом сочленении с крестцом и бедренной костью. Кости ног были развернуты в правую сторону. Условные оси костей обеих ног параллельны друг другу и оси погребения, кости ног сближаются в районе щиколотки. Отсутствовали кости обеих кистей и кости левой стопы. Кости удовлетворительной сохранности: сильно крошатся, большинство эпифизов истлело.

Скелет принадлежал женщине, умершей в возрасте 30-40 лет. Судя по положению костей, покойная была уложена вытянуто на правом боку, головой направлена на запад, лицом развернута на юг, ноги вытянуты. Погребенная, вероятно, была обернута материалом, который был зафиксирован в районе пояса и стоп. В верхней части тела было менее сковано, что позволило

грудному отделу в процессе истлевания мягких тканей развернуться на спину.

Погребение № 145. Могильная яма овально-подпрямоугольной формы размерами 2,23 x 0,7 м ориентирована по линии 3-В с незначительным отклонением к ЗЮЗ-ВСС. Стенки вертикальные. На дне могильной ямы с восточной стороны на глубине -0,47 м выявлена ступенька шириной 0,55 м, в 0,15 м западнее ступени на глубине -0,54 м на дне в юго-западном углу зафиксирована яма подпрямоугольной формы размерами 1,57 x 0,64 м, глубиной -0,73 м, в которой находилось захоронение ребенка. Вероятно, в уже готовой яме средних размеров, рассчитанной на захоронение взрослого, была вырыта яма, соответствующая по размерам захоронению ребенка. В юго-восточном углу малой ямы на глубине -0,57 м выявлена подчетыреугольная ступень размерами 0,3 x 0,13 м, а в северо-восточном углу на дне на глубине -0,74 м - столбовая ямка диаметром 0,07 м конусовидной формы глубиной -0,82 м. Вокруг могильной ямы наблюдались столбовые ямки, которые, вероятно, связаны с конструкцией надмогильного сооружения.

В погребении обнаружен скелет ребенка. Ось скелета была вытянута вдоль продольной оси погребения. Кости находились в анатомическом порядке. Череп плохой сохранности (раздавлен), лежал на правой стороне, лицевой отдел (сильно фрагментирован) был обращен к югу. Нижняя челюсть находилась в 0,10 м восточнее черепа, стояла на основании. Грудная клетка закрыта, ребра левой стороны

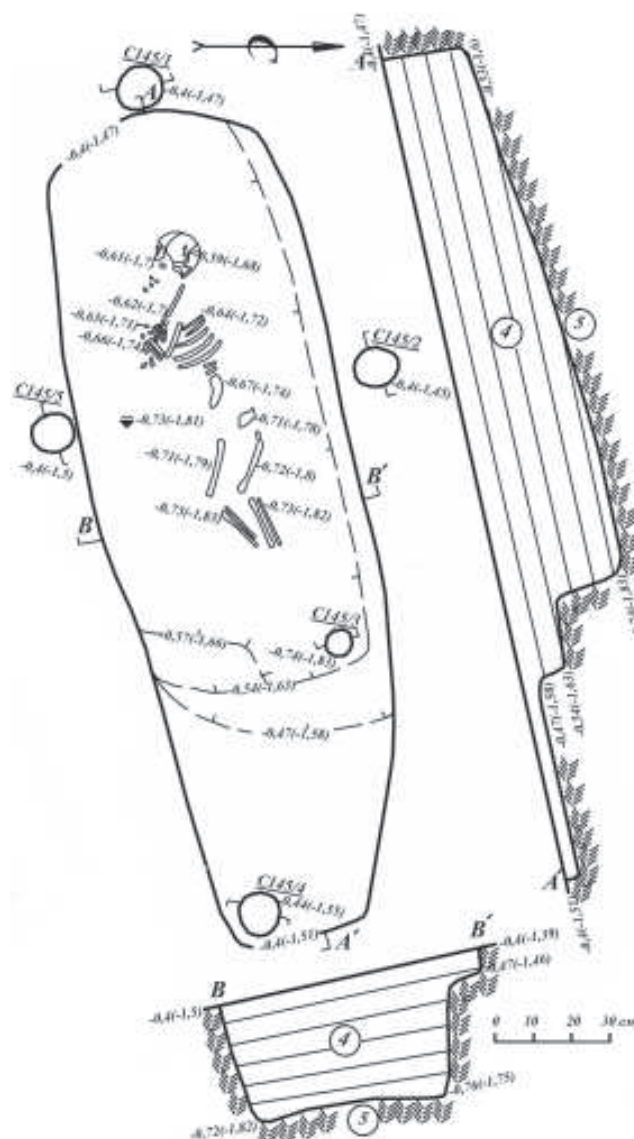

Рис. 4. Погребение № 145

накрывали ребра правой стороны. Позвоночный столб вытянут вдоль условной оси погребения. Кости правой руки находились на одной оси, проксимальная часть плечевой кости расположена у основания черепа. Кости левой руки лежали на грудной клетке, согнуты в локтевом суставе. От тазовых костей сохранились мелкие фрагменты. Кости обеих ног слегка согнуты в коленном суставе. Кости правой ноги параллельны костям левой ноги. Малые берцовые кости лежали сле-

ва от большеберцовых костей. Кости стоп и кистей не сохранились. Все кости плохой сохранности: сильно фрагментированы, легко крошатся.

В погребении был похоронен ребенок, умерший в возрасте 4 года $\pm$ 12 месяцев. Судя по положению костей, погребенный был уложен на правый бок, головой направлен на запад, лицом развернут на юг. Руки покойного согнуты в локтях - кисти сложены недалеко от лица, ноги согнуты в коленях. В процессе истлевания

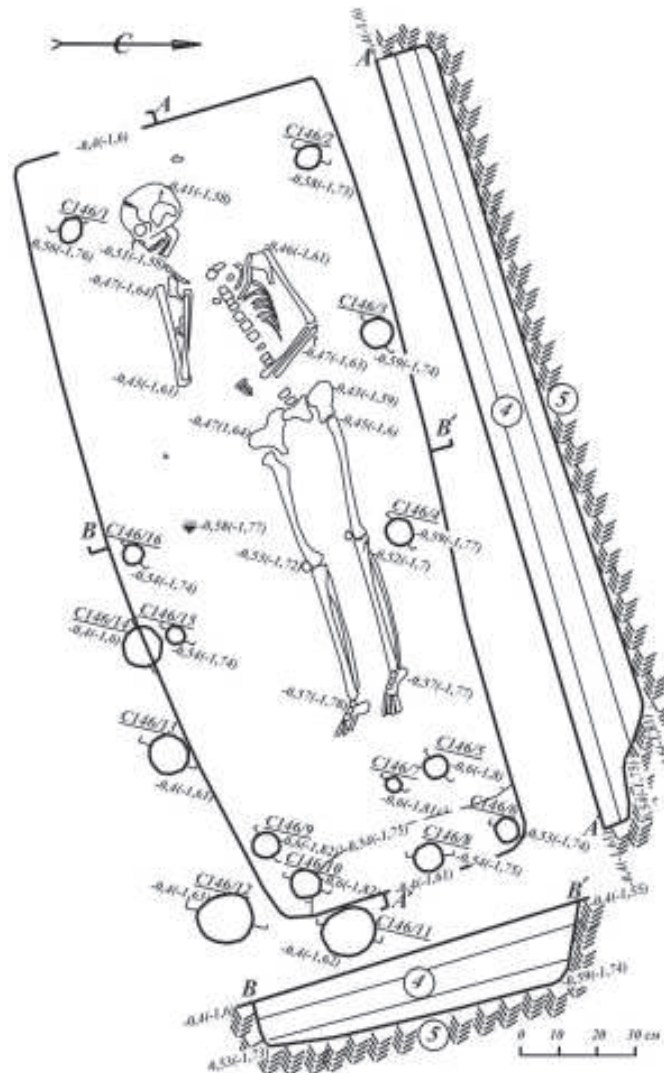

Рис. 5. Погребение № 146

мягких тканей правая рука ребенка выпрямилась и сдвинула нижнюю челюсть от черепа.

Погребение № 146 (рис.5) было зафиксировано в виде четкого прямоугольного пятна, по периметру которого наблюдался узкий темный контур, связанный, очевидно, с деревянной рамой. Могильная яма прямоугольной формы размерами 2,14 x 0,9 м ориентирована по линии З-В с незначительным отклонением к ЗЮЗ-ВСВ. Стенки ямы почти вертикальные. На дне могильной ямы с восточной стороны на глубине -0,54 м выявлена ступень-

ка шириной 0,15 м. В остальном дно относительно ровное глубиной в среднем -0,58 м, с незначительным уклоном к востоку к подножию ступени до -0,6 м. На дне могильной ямы вдоль северной и южной стенок, вдоль подножия ступени и на ступени выявлены ряды конусовидных столбовых ямок диаметром 0,04-0,08 м глубиной -0,64-0,71 м. Столбовые ямки наблюдались также за пределами могильной ямы вдоль ее юго-восточного угла. Эти ямки диаметром 0,1-0,15 м подцилиндрической формы глубиной -0,49-0,53 м, вероятно, происходят от столбов,

связанных с конструкцией надмогильных сооружений. Хотя, учитывая, что у погребения № 144 ряд подобных столбовых ямок прослеживался с северной и восточной стороны от могильной ямы, а у погребения № 146 - с южной и восточной, можно предполагать, что вокруг всей группы из трех погребений была сооружена прямоугольная ограда.

В погребении обнаружен скелет одного индивида. Все кости располагались в анатомическом порядке, часть костей - в анатомическом сочленении. Череп находился в западной части ямы, ближе к южной стенке, лежал на правой стороне, лицевым отделом на юго-восток. Нижняя челюсть находилась в анатомическом сочленении с черепом, зубы обеих челюстей сомкнуты. Эпистрофей лежал отдельно, западнее черепа. Позвоночный столб был вытянут вдоль оси погребения, в верхнем отделе слегка загибается к югу (к черепу). Ребра правой стороны отсутствовали, ребра левой стороны раскрылись, лежали на наружных поверхностях. Кости правой руки были согнуты в локтевом суставе под острым углом, плечевая кость параллельна условной кости погребения, позвоночному столбу и левой плечевой кости. Проксимальные эпифизы костей правого предплечья направлены к черепу, под ними были обнаружены кости правой кисти. Кости левой руки согнуты в локтевом суставе примерно под прямым углом, проксимальные эпифизы костей предплечья располагались в районе поясничных позвонков, рядом с ними находились фаланги левой руки. Таз раскрылся только правой стороной, левая

сторона не раскрыта и находилась в анатомическом сочленении с крестцом и бедренной костью. Кости ног развернуты в правую сторону. Обе малые берцовые лежали слева от большеберцовых костей. Оба надколенника лежали справа от коленного сустава. Стопы направлены фалангами направо - пяточными буграми налево. Условные оси костей обеих ног параллельны друг другу и оси погребения, кости ног слегка сближались в районе колена и щиколотки. Кости ступней находились в сочленении, кости плюсны сомкнуты. Все кости удовлетворительной сохранности.

Скелет принадлежал мужчине, умершему в возрасте 35-50 лет. Судя по положению костей, покойный был уложен вытянуто на правом боку, головой направлен на запад, лицом развернут на юг, ноги вытянуты, обе руки согнуты в локтях. Погребенный, вероятно, был обернут материалом, который был зафиксирован в районе пояса, коленей и стоп. В верхней части тело было менее сковано, что позволило грудному отделу в процессе истлевания мягких тканей развернуться на спину и отодвинуться от черепа и правой руки.

Таким образом, во всех трех погребениях костяки расположены в соответствии с позой погребённого "лежащие на спине" с доворотом на правый бок, ноги слегка согнуты в коленях, стопы развёрнуты вправо, правая рука вытянута вдоль бедренной кости, левая рука согнута и уложена в области таза. Направление лиц во всех трёх погребениях, строго на юг к кыбле (направление на Мекку), голова ориентирована на запад. Исходя из того, что

кости всех погребённых находятся достаточно плотно друг к другу (сжатость костяка), можно судить о наличии погребального савана, что представляется обязательным для любого мусульманина. Ни в одном из погребений не встречен погребальный инвентарь, что в комплексе с соблюдением кыблы и рядом других признаков приводит к заключению о том, что погребения выполнены по мусульманскому погребальному обряду.

Следы столбовых ямок вдоль стен погребений и четкий темный контур, который прослеживался у погребения № 146 позволяют предполагать наличие в погребениях деревянных рам, в пространство которых укладывались тела. Конструкция внутримогильного сооружения, вероятно, выглядела следующим образом: стенки были облицованы досками, прижатыми с помощью вбитых в дно могильной ямы кольев. Такая конструкция на данном могильнике зафиксирована впервые. В погребениях, изученных ранее, по углам могильной ямы встречались Г-образные гвозди, наличие которых позволяло говорить о положении погребённых в сколоченных деревянных гробах-ящиках (Белавин, Крыласова, 2008, с. 90). Исследователи мусульманского погребального обряда отмечают, что "мусульманина не принято хоронить в гробу, но это и не запрещается". В гробу, согласно канонам ислама, принято хоронить "мусульман, умерших насильственной смертью" (Керимов, 2007, с. 84). Это вполне соответствует материалам Рождественского могильника, где ранее в одном из погребений обнаружен наконечник стрелы, ранение кото-

рым, вероятно, и послужило причиной смерти. Все погребения, изученные ранее, принадлежали мужчинам в возрасте от 25 до 50 лет. Прижизненные повреждения (потеря передних зубов, переломы) (Брюхова, 2006, с.148) могут быть косвенным свидетельством принадлежности части из них к воинам. На могильнике было выявлено также несколько неполных погребений (отдельные черепа, череп и крупные кости, разложенные в анатомическом соответствии), которые, судя по всему, являются захоронениями останков людей, погибших в пути (во время движения каравана?), или свидетельством существования обряда, описанного Ибн Фадланом, при котором наиболее останки наиболее выдающихся подвешивали на дереве, а в последствии, вероятно, хоронили (Белавин, Крыласова, 2008, с.91). Таким образом, исследованные прежде погребения являлись лишь свидетельством присутствия и временного проживания на Рождественском городище мусульман - выходцев из Волжской Булгарии.

Погребения №144, 145 и 146 находились в достаточном отдалении от других погребений, что позволило выделить их в отдельную группу. Костяки принадлежали мужчине, женщине и ребенку. Подобная группа на могильнике Рождественского комплекса встречается впервые. Такие захоронения на мусульманских могильниках определяются как семейные. Для них также характерны группы, "состоящие из взрослых и детских погребений" (Газимзянов, 2000, с.217-219). Наличие ямок от столбов, расположенных по периметру указанной

группы погребений, может свидетельствовать о существовании оградки вокруг них.

Кроме погребений на раскопе II мусульманского Рождественского могильника в 2008 г. изучены канавка, четыре ямы и несколько столбовых ямок. Среди этих объектов наибольший интерес представляет канавка, имеющая явно искусственное происхождение.

Канавка прослеживалась в западной части раскопа в виде темной почти прямой полосы шириной 0,23-0,52 м, пересекающей раскоп по направлению ССЗ-ЮЮВ, почти параллельно расположенному восточнее ряду погребений. Канавка имела наклонные стенки, сходящиеся у дна на угол, была заполнена темно-серым суглинком. Глубина ее достигала -0,65-0,68 м. С обеих сторон канавки наблюдались ряды столбовых ямок. С восточной стороны прослеживались ямки диаметром 0,08-0,2 м, расположенные в один ряд, с западной стороны ямки диаметром 0,15-0,3 м располагались в два ряда.

На наличие траншей, обрамляющих кладбища на других археологических памятниках обратил внимание Р.М. Юсупов, согласно интерпретации которого, траншея

является частью ограды (Юсупов, 2008, с.27). Если в данном случае, канавка действительно являлась частью ограды, то логично утверждать, что при жизни погребённые обладали каким-то статусом, отличающих их от единоверцев. Если учитывать, что перед нами семейная группа погребений, то наличие такой канавки может являться признаком, отличающим погребения "семейные" от "одинокных".

Материалы, полученные в ходе раскопок 2008-2009 гг. показали, что погребения на мусульманском могильнике располагались группами, разделенными довольно большими участками без захоронений. Семейная группа, выявленная в 2008 г., была отделена канавкой с оградкой вдоль нее. Внутри групп погребения образовывали ряды. На могильнике зафиксировано два вида внутримогильных деревянных конструкций - сколоченные гвоздями гробы и дощатые рамы, закрепленные кольями. Наличие семейного захоронения на мусульманском могильнике может являться бесспорным свидетельством не только кратковременного пребывания мусульман на Рождественском городище, но и длительного, а, возможно, и постоянного проживания.

**С.Н. Погорелов, В.А. Попов,
Е.О. Святова
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА
ТУРИНСК В 2004 И 2007 ГГ.**

10 мая 1582 г. Ермак взял городище Епанчин - юрт Сибирского ханства находившегося под управлением Кучума. Оставленный на р. Туре русский отряд начал строительство нового поселения. В 1594 г. в городке проживали 114 мужчин и 62 женщины. Туринск был основан 30 января 1600 г. как острог и поселение ямщиков на Сибирском тракте по указу царя Бориса Годунова (Новоселов, 2000, с. 143-144). Он являлся промежуточным пунктом охраны и обслуживания водного пути из Европейской России в Сибирь и находился на полпути между Тюменью и Верхотурьем. К 1701 г. в Туринске числом 742 двора и 1700 жителей. Однако, к 1744 г., после пожара произошедшего в начале века, насчитывалось немногим более 300 дворов на 2500 жителей. Во второй половине 18 в, в связи с прокладкой Сибирского тракта через Екатеринбург и Тюмень, Туринск утратил свое значение. Крепость сгорела в 1750 г. и более не восстанавливалась. Туринск стал заурядным уездным городом Тобольской губернии. В начале XIX века в городе насчитывалось всего около 500 дворов и 3650 человек ((Новоселов, 2000, с. 148-149)).

Целью первых работ в историческом городе Туринск в 2004 г. был мониторинг, закладка разведочных

шурфов с целью выявления культурного слоя поселения и уточнения его характеристик, проведение разведочных работ по поиску Крестовоздвиженского собора, освященного в 1765 г. (Новоселов, 2000, с.169), и захоронений, расположенных внутри ограды с алтарной стороны. Храм был разрушен и разобран на строительный материал в 40-е годы XX в. Одной из основных задач был поиск места погребения канонизированного священнослужителя Слободо-Туринской слободы (о. Федора), принявшего мученическую смерть в 1918 г. и погребенного "по чину" у собора.

В результате проведенных работ было выявлено наличие культурного слоя, мощностью более 1,5 метров, в излучине рч. Лоханочки, притока р. Туры, на ул. Народная и ул. Освобождения. Тогда же разведочными шурфами (на территории парка им. Павлика Морозова, в квартале улиц Декабристов - Советская - Кирова - Освобождения) были обнаружены части кирпичных фундаментов ограды Крестовоздвиженского собора, построенной, вероятно, в начале XIX века, ряды захоронений на заалтарной территории и вскрыто одно из погребений (погребение №1).

В 2007 г. были продолжены изыскания к северо-востоку от Крестовоздвиженского собора, в его заалтарной части. На основании полученных в 2004 году данных, был заложен раскоп, площадь которого, вместе с прирезками, составила около 100 кв.м (Рис. 1). На территории раскопа было зафиксировано 50 погребений и несколько объектов.

В кв Е/6 был выявлен завал битого кирпича и известкового ра-

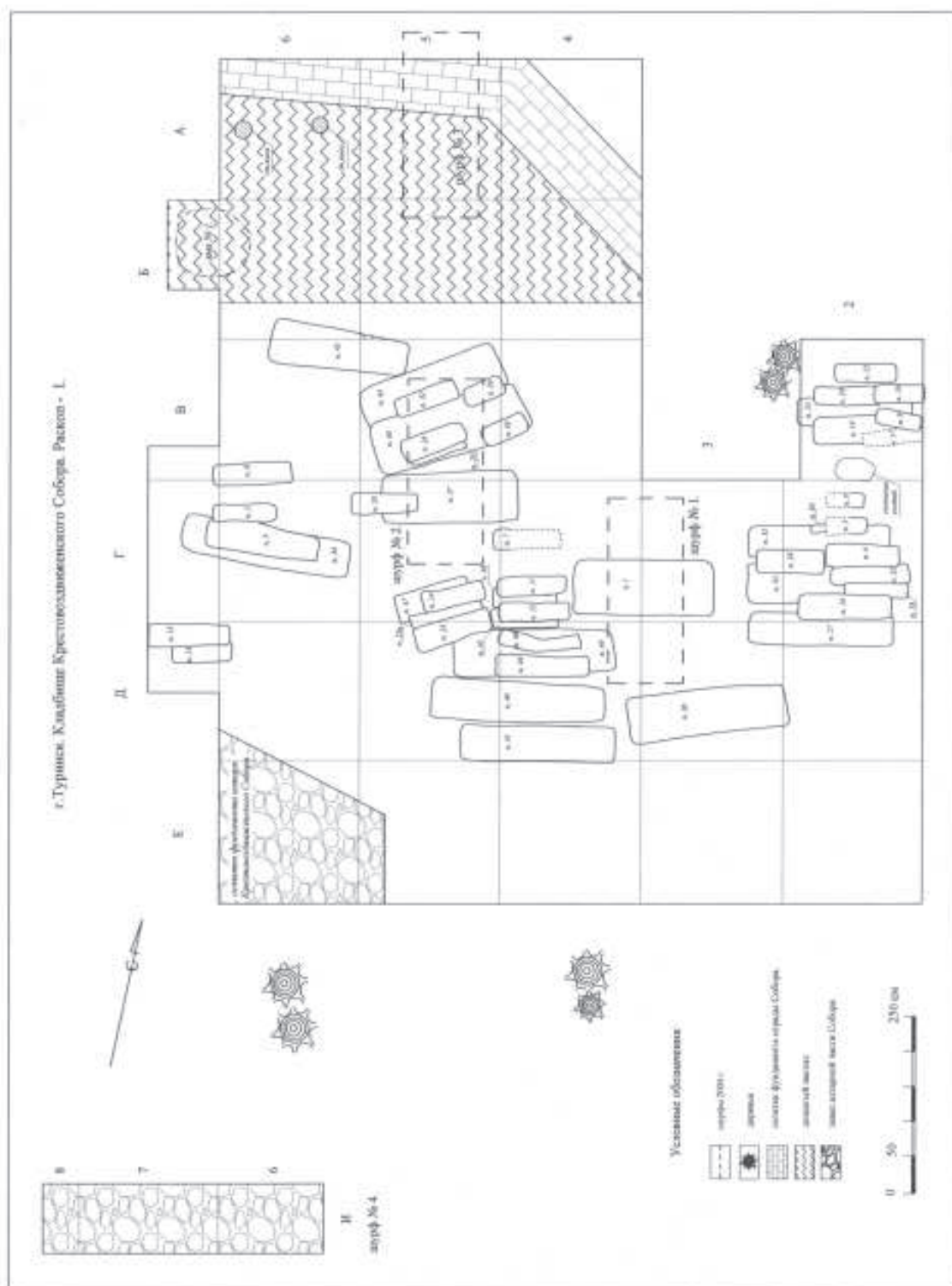

Рис. 1. Туринск. Кладбище Крестовоздвиженского собора. План раскопа I.

створа, такой же состав отложений обнаружен в разведочном шурфе №4, заложенном в 4 метрах к югу от линии Е. Вероятно эти завалы

являются остатками разрушенных и разобранных на строительный материал стен и фундаментов алтарной части церкви.

По линиям А и Б выявлены: деревянный настил и две столбовые ямки диаметром около 0,20 м. Под настилом, в кв Б/6-7 обнаружена округлая яма с уплощенным дном, диаметром более 1 метра, вырытая в материке на глубину до 0,6 метра. Заполнение ямы гумусное с включением угля, кирпичной крошки и известкового раствора. По линии А настил перекрыт фундаментом кирпичной ограды храма. Могил под настилом нет. Можно предположить, что на этом месте находились деревянные сооружения, вероятно, хозяйственного назначения, которые ограничивали распространение захоронений к северу. Яма например, могла служить для слива святой воды.

Отметим, что часть погребений в кв Г-В/2, имеющих небольшую глубину залегания (№№ 5, 6, 17), были разрушены, а погребения №№ 4, 19, 20, 25, 31 были перекрыты фрагментами кирпичной кладки фундамента ограды собора.

По сохранившимся в архивах планам города известно, что собор перестраивался (достраивались приделы), расширялся по площади и, вероятно, сооружение кирпично-решетчатой (железной) ограды надо относить к началу XIX века. На карте 1821 г. ограда уже отмечена. Таким образом, деревянные сооружения и погребения, перекрытые оградой, являются более ранними по отношению к последней и датируются, вероятнее всего, второй половиной XVIII - самым началом XIX веков.

Все исследованные погребения совершены по православной христианской традиции. Можно выделить три условных ряда захороне-

ний - первый в кв. Д-Г/6-7, второй в кв. Д-В/4-6, третий в кв. Д-В/2, при этом необходимо отметить, что первый и третий ряды расположены по линии С-Ю, а осевая линия второго ряда имеет отклонение в широтном направлении. Кроме того, погребения № 1 и № 36 попадают в пространство между вторым и третьим рядом. Поэтому, авторы считают наиболее вероятным, что заполнение кладбища осуществлялась не рядами, а семейно-родственными участками захоронений.

Погребения ориентированы по линии ЗЮЗ-ВСВ, с небольшими отклонениями к западу и востоку. Большинство детских захоронений расположено в черном, гумусированном слое, что затрудняет выявление очертаний некоторых могильных ям, значительная часть из них являются впускными к взрослым. Фиксация таких объектов производилась по факту расчистки крышек деревянных погребальных конструкций. Взрослые погребения совершены на границе гумусированного слоя и материка (серо-зеленой глины), поэтому контуры могильных ям фиксируются четко. Захоронения взрослых расположены в среднем на 0,20 м глубже детских.

На исследованной части кладбища встречены два типа деревянных погребальных сооружений: колода и гроб. И колоды и гробы изготовлены из хвойных пород дерева, вероятнее сосны. Из 30 достоверно определенных конструкций, 27 относятся к типу колода и только три - к гробам. При этом, во всех случаях, когда сооружения были определены как гробы, доски гроба соединялись железными коваными гвоздями. Отдельного внимания зас-

луживает погребение №1, в котором колода была перекрыта тремя досками (толщиной до 2 см) скрепленными коваными гвоздями. Возможно, в данном случае, мы имеем дело с переходным типом.

Положение усопших - вытянуто на спине, головой на ВСВ. Положение рук фиксируется следующим образом - плечевые кости параллельны оси позвоночника, кости предплечий образуют угол (от острого до тупого) с соответствующей плечевой костью, их дистальные отделы и элементы кисти располагаются: на границе груди и живота - 16 случаев; на животе - 4; на груди - 3; левые на границе груди и живота, правые в верхней части груди - 3; правые на границе живота и груди, а левые в верхней части груди - 1. В двух случаях, когда положение рук зафиксировано достоверно (нет признаков смещения верхних конечностей), дистальные части костей предплечий и элементы кисти расположены в нижней части груди, кости правой руки поверх костей левой (погр. №№ 19, 35). Такое положение рук традиционно для православных. Иные расположения возможно, вызваны смещением из основного положения в процессе разложения тела.

Анализ взаиморасположения костных останков, проведенный по авторской методике, предложенной Д.И. Ражевым, в ряде захоронений позволил выделить признаки, реконструирующие особенности фиксации тела умершего при погребении. Так, в 9 детских захоронениях (погр. №№ 2, 4, 10, 12, 16, 18, 38, 47, 48) череп расположен на основании, при этом в 4 случаях (погр. №№ 2, 12, 16, 25), нижняя и верхняя челю-

сти сомкнуты. Такое положение костей возможно при фиксации головы плотным из под затылочной части, через теменную и лицевую области с закреплением под подбородком (пеленание с головой). В этих же погребениях зафиксирован еще один комплекс признаков: ключицы расположены под острым углом, грудная клетка закрыта, ребра лежат на внутренних поверхностях, плечевые кости параллельны оси позвоночника. Подобное расположение костей так же можно объяснить тугим пеленанием. Однако, положение костей тазового пояса и нижних конечностей не предполагает наличие фиксирующих элементов. Возможно, пеленание нижней части тела было свободным. Все описанные погребения, в том случае, когда достоверно определен тип деревянной конструкции, совершены в колодах. Подавляющее число детей в них имеет возраст до 1 года, но в двух случаях (погр. №№ 4, 47) смерть детей наступила в промежутке от 2 до 4 лет.

Захоронения взрослых людей так же имеют ряд особенностей: во всех погребениях отмечены признаки фиксации тела на уровне плеч, о чем свидетельствует положение ключиц под острым углом друг к другу. Интерпретировать этот факт можно двояко: либо тело погребенного было зафиксировано кольцевой перевязкой на уровне плеч или пеленанием, либо естественным ограничителем свободы плеч выступала сама деревянная конструкция (причем, этот признак зафиксирован как в колодах, так и в гробах). Кроме того, в шести захоронениях отмечена фиксация ног на уровне коленного сустава (погр. №№ 19, 27,

42, 43, 46, 49), причем в двух случаях (погр. №№ 42, 49) фиксация распространялась и на голень.

Таким образом, реконструкция части погребальных ритуалов, связанных с телом, выглядит следующим образом. В момент положения умершего человека в деревянную погребальную конструкцию (гроб или колоду), тело подвергалось фиксации: ребенка, в возрасте до года, а иногда и более старшего возраста, пеленали с головой, причем, обертывание до уровня грудной клетки было тугим, а ног - свободным. Тело взрослого человека фиксировалось на уровне плеч, коленей и, иногда, голени. Достоверно определить вид фиксирующих элементов, в настоящий момент, затруднительно, тем более, что места фиксации не коррелируются ни с возрастом, ни с полом умершего человека, ни с типом деревянной конструкции. Однако, можно предположить, что ограничение пространства на уровне плечевого пояса может быть связано с размерами погребальной конструкции, фиксация на уровне коленного сустава производилась путем перевязывания ремнем или, как было зафиксировано при раскопках захоронений начала XVIII века в г. Челябинске (Самигулов, 2002, с. 135), шнуром. Аналогичным образом, вероятнее всего, фиксировались ноги погребенного и на уровне голеностопного сустава.

Еще одна особенность погребального обряда, зафиксированная на исследуемом кладбище, представляет собой случаи возможного предварительного или символического погребения. Заполнение четырех погребальных конструкций (колоды № 13, 42, 46, 49), представ-

ленное темно-серой супесью, отличается от заполнения тех же могильных ям (пестроцветный суглинок с включениями черного гумуса). При этом, в пределах раскопа отсутствует слой темно-серой супеси. Возможная интерпретация отмеченного факта связана с традицией, когда в холодный период года, при значительном промерзании почвы, копание могилы откладывалось до теплого периода. Колоду же с покойным заполняли землей и закрывали, хранили в холоде, а по весне захоранивали уже на кладбище (Забылин, 1880, с. 564). Подобные случаи были зафиксированы при исследовании памятника Изюк I (Татаурова, 2005, с.230) и кладбища Верхотурского кремля (Ражев, Святова, 2005, с.188).

Описание материала. В процессе раскопок на территории кладбища Крестовоздвиженского собора были обнаружены как предметы бытового назначения, происходящие из исторического культурного слоя, так и предметы культово-погребальной атрибутики, обнаруженные во вскрытых захоронениях.

В погребениях №№ 25, 31, 35, 36, 40 обнаружены остатки кожаной обуви, представляющие собой по форме туфли (тапки) с плоской подошвой, без или с низким каблучком.

К предметам культово-погребальной атрибутики относятся настоящие кресты, икона и, возможно, бронзовая пуговица (рис. 2).

Бронзовая круглая пуговица с ушком из погребения № 37, возможно, является деталью одежды служителя церкви (рис. 2-22), подобные предметы были обнаружены при вскрытии монашеских женских за-

Рис. 2. Туринск. Кладбище Крестовоздвиженского собора. Предметы культовой металлопластики

хоронений на территории Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга (Погорелов, 2005, с. 211).

В погребении № 21, в области грудной клетки была найдена икона "Святитель Никола Чудотворец" с навершием - "Спас Нерукотворный" (рис. 2-1). Икона односторонняя литая, из медного сплава, размерами 47х42х2 мм без навершия, размеры навершия - 15х13 мм. Про-

ушина вертикально прикреплена к оборотной стороне навершия. В центральной части иконы поясное изображение Николая Чудотворца в омофоре с благословляющим жестом правой руки и закрытым Евангелием с восьмиконечным крестом на титуле в левой. В верхней части иконы слева и справа от нимба идет надпись: СТЫН НИКО АЕ ЧЮДОТВО (Святитель Николай Чудотворец). Над правым плечом святите-

ля изображен Спас, сидящий на облаке, с Евангелием в левой руке и благословляющий всех правой рукой. Над левым плечом - изображение Богоматери, сидящей на облаке с омофором в руках. Поверху изображений Спаса и Богоматери читаются буквы: **ІС РХ** и **МР БҮ** (Иисус Христос и Матерь Божья). Весь сюжет заключен в рамку в виде мелкого выпуклого зигзага. Исходя из сюжета и технологических особенностей, изделие можно датировать XVIII - нач. XIX вв (Гнутова, Зотова, 2000, с.74-75).

Нательные кресты обнаружены в 22 погребениях (№№: 2, 3, 8-10, 12-15, 22, 24, 28, 30, 31, 36, 39, 41-43, 47-49): на груди - в 19 случаях; у шеи, на животе, и в области таза - по одному случаю.

Одними из основных работ по классификации нательных крестов являются публикации Э.П. Винокуровой и В.И. Молодина (Винокурова, 1999; Молодин, 2001, 2007). В данной работе мы будем опираться на типологию, приведенную в монографии В.И. Молодина "Кресты-тельники Илимского острога" (Молодин, 2007). Типом и подтипом мы будем определять основную форму контура креста и его средокрестия, а вариантами - описывать сюжет, изображенный на изделии. Сразу надо оговориться, что данная типология достаточно условна и применима только к описываемому кладбищу.

Тип I. Четырехконечные кресты с прямыми балками и прямыми средокрестиями. По размерам этот тип можно подразделить на три подтипа: 1-й - наибольший размер креста слегка вытянутого "латинского" типа; 2-й - средний размер

креста обычного "православного" типа; 3-й - наименьший размер креста.

Подтип 1. Погребение № 14 (рис. 2-2). Крест серебряный позолоченный (с остатками позолоты) односторонний с прямыми перекладинами, слегка закругленными на концах. Ушко поперечное. Размеры - 35x21 мм (без ушка), ширина балок - 5 мм. Крест вытянутой формы, так называемый "латинский крест". На лицевой стороне рельефное изображение восьмиконечного креста на Голгофе, показанной в виде округлого возвышения (внутри контура Голгофы видно изображение черепа). По бокам вертикальной балки изображены копье и трость с губкой. На вертикальной перекладине под ушком идет надпись **ЦРЬ СВЫ** (Царь Славы), в самом низу ее друг под другом читаются буквы - **МЛ** и **РБ** (место лобное и рай бысть). Под поперечиной 8-ми конечного креста видна надпись **НИКА**, разделенная вертикальной балкой. На концах горизонтальной перекладины хорошо читаются буквы **ІС** и **ХР**. На обратной стороне изделия хорошо виден узор в виде вписанного (впаянного) четырехконечного креста внутри основного. Изделие выполнено методом литья с последующей доработкой и пайкой.

Подобные типы креста были найдены при раскопках Тискинского могильника и были датированы сер. XVIII - сер. XIX вв. (Боброва, 2004, с.109-110). Видимо, и этот крестик можно продатировать этим же временем.

Подтип 2. Вариант 1. Погребение № 30 (рис. 2-3). Крест медный литой односторонний с прямыми

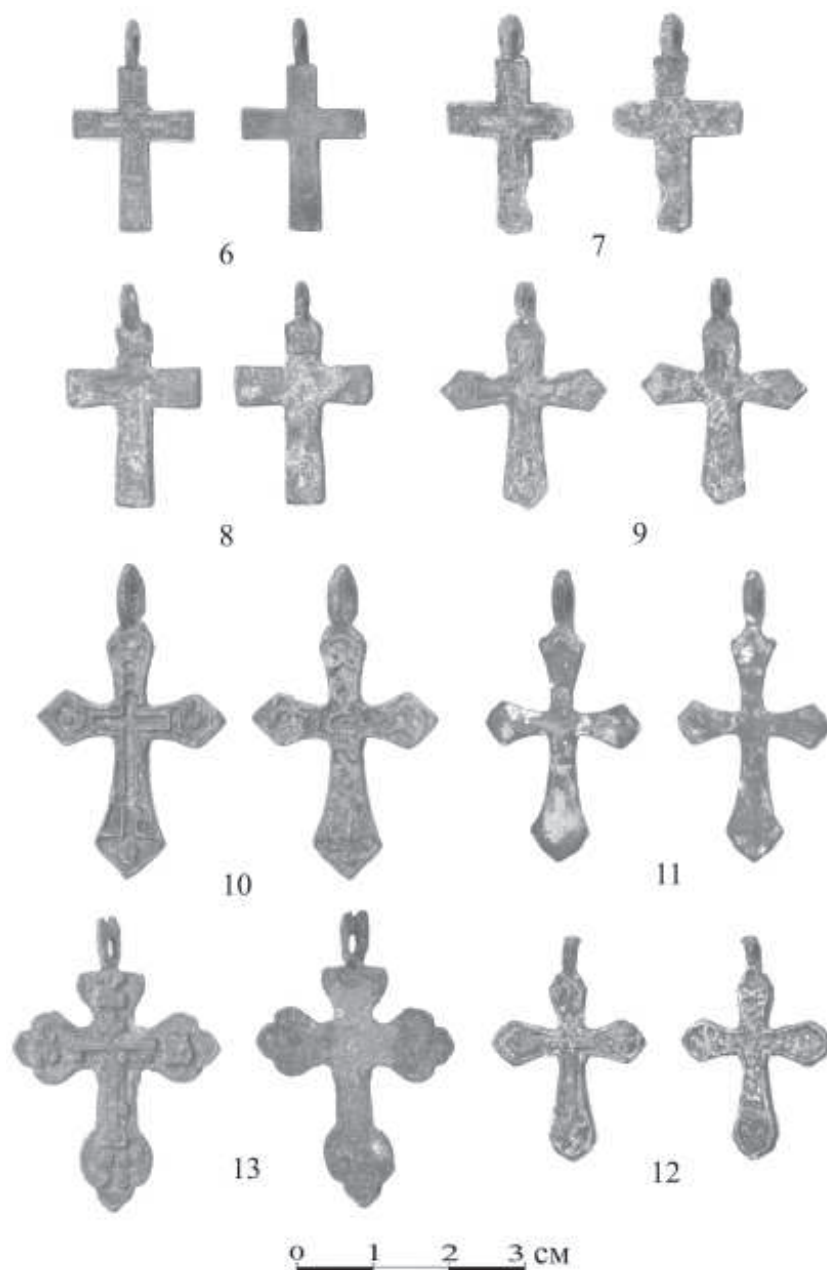

Рис. 2. Туринск. Кладбище Крестовоздвиженского собора. Предметы культовой металлопластики (продолжение)

перекладинами. Вертикальная балка креста сломана в 4-х мм ниже от средокрестия. Размеры - 32x24 мм (без ушка), ширина балок - 6-7 мм. Лицевая сторона изделия по периметру обрамлена тонким рельефным валиком. В центре ее изображен выпуклый восьмиконечный крест на Голгофе, которая показана

на в виде стилизованного округлого холма. По бокам вертикальной балки изображены копье и трость с губкой. На вертикальной перекладине под ушком идет надпись в два ряда - ЦРЬ СВЫ (Царь Славы), в самом низу ее друг под другом читаются буквы - МЛ и РБ (место лобное и рай бысть). Под поперечиной

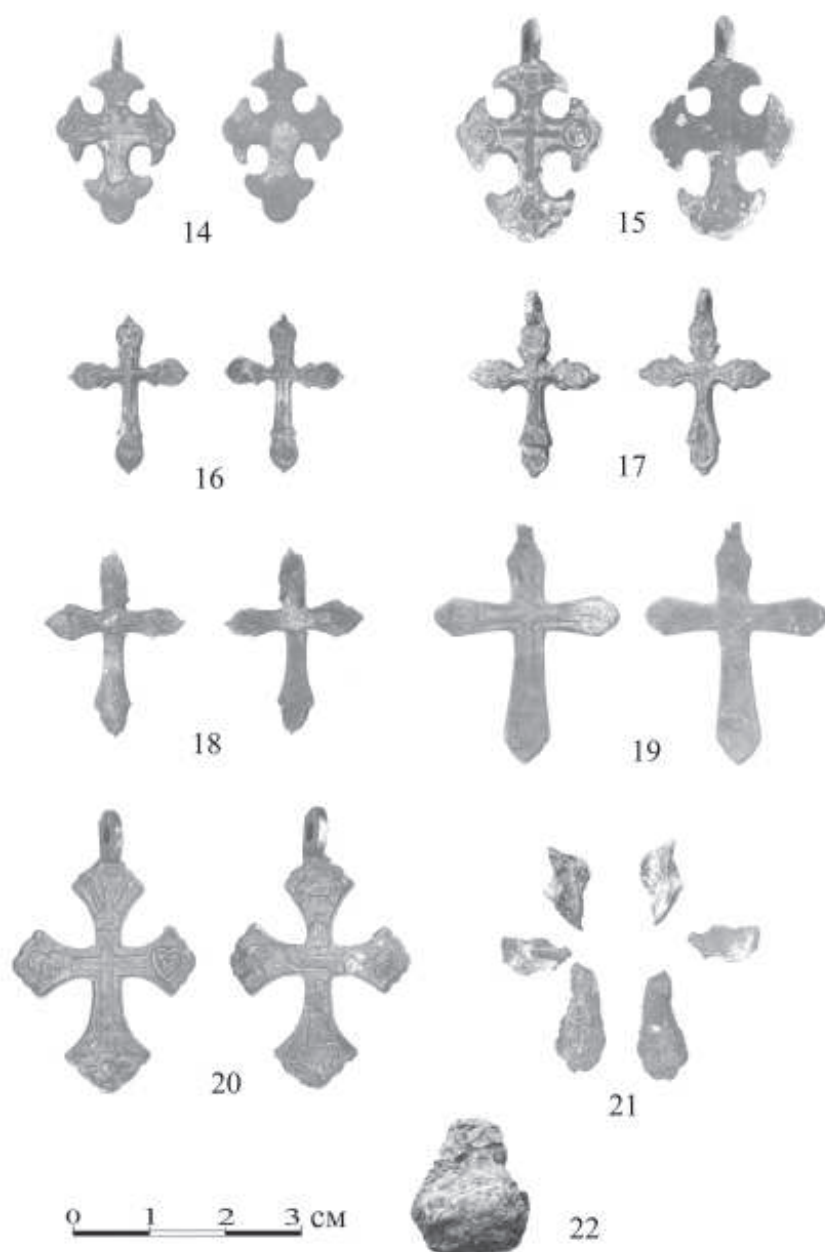

Рис. 2. Туринск. Кладбище Крестовоздвиженского собора. Предметы культовой металлопластики (окончание)

восьмиконечного креста идет надпись **НИКА**, разделенная вертикальной балкой. На концах горизонтальной перекладины хорошо читаются буквы **Ю** и **ХР**.

Подтип 2. Вариант 2. Погребение № 47 (рис. 2-4). Крест литой медный односторонний с прямыми перекладинами. Правая поперечная

балка не сохранилась. Вертикальная балка переломлена снизу от средокрестия. Размеры: длина без ушка - 34 мм, ширина балок - 6-7 мм. Верхняя часть креста, включая средокрестие, закрыта присохшей погребальной тканью зеленого цвета. Внизу вертикальной перекладины на лицевой стороне можно ра-

зобратить часть креста на Голгофе и под ними буквы: МЛ и РБ. На оборотной стороне виден практически нечитаемый текст. По материалу изготовления и изображению на лицевой стороне крест идентичен кресту из погребения № 30.

Кресты, подобные номерам 30 и 47 были, найдены во время раскопок кладбища Илимского острога, их можно датировать XVIII - нач. XIX вв. (Молодин, 2007, с. 44-45).

Подтип 2. Вариант 3. Кресты с изображением Кельтского креста (креста Ионы) или Круглого креста: погребения №№ 28, 9 и 10 (рис. 2-6,7,8). Погребение № 28. Крест четырехконечный бронзовый односторонний с прямыми перекладинами и поперечным ушком. Размеры: 22x17 мм (без ушка), ширина балок - 4 мм. Лицевая сторона по периметру оконтурена тонким выпуклым валиком. В центре ее рельефное изображение восьмиконечного креста на Голгофе с кругом в перекрестии: напоминает кельтский крест (крест Ионы), только адаптированный к православию. Голгофа изображена в виде стилизованного полукруглого холма, по бокам от нее находятся копье и трость. Внизу, отграниченная горизонтальной чертой, надпись - НИКА. На концах поперечины надписи: ИГ ХР, отграниченные от вписанного креста вертикальными выпуклыми черточками. Наверху креста надпись ЦРЬ СВЫ, отграниченная снизу горизонтальной выпуклой чертой. Изделие литое.

Погребение № 9. Крест по типу, материалу изготовления, рисунку и датировке аналогичен кресту из погребения № 28. Размеры: длина -

19 мм, ширина балок - 4,5 мм. Правый кончик горизонтальной балки обломлен на 1,5-2 мм.

Погребение № 10. Крест четырехконечный с прямыми перекладинами. В 2-х мм вверх от средокрестия вертикальная балка сломана. Размеры: 25x19 мм, ширина балок - 5-6 мм. Крест по материалу изготовления, рисунку и датировке сходен с крестами из погребений № 28 и № 9.

Подтип 3. Погребения № 12 и № 48 (рис. 2-5). Два креста бронзовых односторонних с прямыми перекладинами. Ушко поперечное. Размеры - 20x15 мм, без ушка. По периметру с лицевой стороны крест оконтурен тонким рельефным валиком. В центре ее выпуклое изображение восьмиконечного креста на Голгофе. В верхней части вертикальной балки креста читается надпись - ЦРЬ СВЫ (Царь Славы), в нижней надпись - НИКА. На концах поперечной балки изображены буквы: ИГ и ХГ (Иисус Христос). Все буквы заключены в рельефные квадратные рамки.

Тип II. Кресты с подромбовидными (подтреугольными) концами балок. Подтип 1. Вариант 1. Подтреугольные окончания балок с прямыми сторонами. Погребение № 2 (рис. 2-9). Крест бронзовый односторонний с поперечным ушком. Размеры: 26x23 мм без ушка. Балки прямые, расширяющиеся от средокрестия к концам, окончания балок подтреугольные с ровными сторонами. Верхняя часть вертикальной балки немного срезана в месте крепления ушка, а углы слегка сглажены. Лицевая сторона изделия оконтурена по периметру тонким выпуклым валиком. В центре ее рельеф-

ное изображение восьмиконечного креста на Голгофе в виде стилизованного полукруглого холма, ниже, под Голгофой, просматривается череп с костями. На концах поперечины в выпуклых пятиугольниках буквы: IC XP. Вверху, под ушком, изображена так называемая, доконстантиновская христограмма, в виде наложенных друг на друга греческих букв I и X, обрамленная по бокам тростью и копьем.

Подтип 1. Вариант 2. Погребение № 41 (рис. 2-10). Крест бронзовый двусторонний литой, с подромбовидными концами балок. Балки слегка изогнутые, расширяющиеся от средокрестия к концам. Обе стороны изделия оконтурены тонким валиком. Углы средокрестия закруглены. Размеры: 35x26 мм без ушка. Изделие, видимо, было покрыто эмалью, но, к сожалению, она не сохранилась. На одной стороне изображен пустотелый восьмиконечный крест (видимо, раньше был заполнен эмалью) на горизонтальной Голгофе, оконтуренный выпуклыми линиями, крест венчает вдавленное перевернутое изображение трапецевидной формы (тиара?). В нижней части вертикальной балки креста - выпуклое стилизованное изображение главы Адама. По краям поперечной балки изображены цветочные розетки с выпуклой точкой посередине, точкой в иконографии обычно изображается семя (Энциклопедия символов, 2005, с.721). В верхней части изображена чаша (потир) между тростью и копьем. На другой стороне изделия в центре средокрестия видно изображение Гроба Господня с крестом наверху. В верхней части вертикальной балки изображен символ, напоминаю-

щий собой купол храма. В нижней части вертикальной балки дано профильное изображение петуха на столпе (колонне), развернутое налево, к столбу с обратной стороны горизонтально прислонена лестница. К сожалению, из-за плохой сохранности изображения на концах горизонтальной балки разобрать не представляется возможным. Весь сюжет на кресте оконтурен выпуклыми линиями.

Похожий крест был найден во время раскопок кладбища Илимского острога (Молодин, 2007, с.161), его можно датировать второй половиной XVIII - сер. XIX вв.

Подтип 2. Вариант 1. Подтреугольные окончания балок с волнистыми сторонами. Погребение № 22 (рис. 2-11). Крест односторонний бронзовый литой. Размеры: 26x21 мм. Балки креста расширяются от средокрестия к концам, на концах сходятся на конус слегка волнистой линией. На лицевой стороне изображен выпуклый восьмиконечный крест на Голгофе, ниже - показан череп с костями (аналогия с крестом из погр. № 3). На концах поперечины буквы: IC XP. В верхней части креста, под ушком, - выпуклое изображение перекрещенных берцовых костей.

Подтип 2. Вариант 2. Погребение № 39 (рис. 2-12). Крест бронзовый литой. Сохранность изделия очень плохая, поэтому невозможно рассмотреть изображения ни на одной из сторон. Размеры: 33x18 мм. Углы средокрестия закругленные. Балки слегка изогнутые, расширяющиеся от средокрестия к концам, на концах сходятся на конус слегка волнистой линией.

Тип III. Кресты с трилистнико-

выми (клеверовидными) окончаниями балок. Погребения № 24 и № 43 (рис. 2-13). Два креста медных односторонних трилистниковых (клеверовидных). Ушко поперечное. Размеры - 38х29 мм, без ушка. Верхняя часть вертикальной балки горизонтально обрезана чуть выше середины листа клевера для крепления ушка, нижняя часть балки слегка приострена, поэтому изображение цветка клевера получилось вытянутым. На лицевой стороне рельефное изображение восьмиконечного креста на Голгофе, показанной в виде округлого возвышения. По бокам вертикальной балки изображены копье и трость с губкой. Сверху идет надпись - ЦРЬ СЛЫ (Царь Славы), снизу - МЛ РБ (место лобное, рай (распят) бысть). Под поперечиной 8-ми конечного креста видна надпись НИКА, разделенная вертикальной балкой. На концах горизонтальной перекладины хорошо читаются буквы IC XP.

Аналогичный крест был найден при раскопках кладбища Илимского острога (Молодин, 2007, с.122), его можно датировать XVIII - нач. XIX вв.

Тип IV. Криновидные (крин - лилия) кресты. Лилия традиционно является символом Божественной Троицы.

Подтип 1. Погребение № 49 (рис. 2-14). Крест бронзовый односторонний с поперечным ушком. Размеры: 21х17 мм без ушка. Вертикальная балка переломлена чуть выше средокрестия. Концы балок представляют собой стилизованные трехлепестковые закругленные лилии. Углы средокрестия также закруглены. На лицевой стороне выпуклое изображение восьмиконечного

креста на Голгофе. Изображения на концах балок, внизу и вверху вертикальной балки не читаются из-за плохой сохранности изделия.

Подтип 2. Погребение № 8 (рис. 2-15). Крест бронзовый односторонний с поперечным ушком. Размеры: 25х20 мм без ушка. Концы трех балок изображены в виде трехлепестковых вытянутых закругленных лилий, нижний конец вертикальной балки - пятилепестковый. Углы средокрестия закруглены. На лицевой стороне показан выпуклый восьмиконечный крест на Голгофе, ниже хорошо виден череп с костями. На концах поперечины в круглых выпуклых рамках буквы: IC и XP - Иисус Христос. Под ушком на вертикальной балке хорошо читаются изображенные в один ряд выпуклые буквы: ЦРЬ СВЫ - Царь Славы.

Крест, соответствующий этому типу, был найден во время раскопок кладбища Илимского острога (Молодин, 2007, с. 79). Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М. в своей книге "Тысячелетие креста" считают, что кресты подобного типа появились в XVII в. и производились вплоть до XVIII в. (Станюкович, Осипов, Соловьев, 2003, с. 243-244).

Тип V. Кресты с окончанием балок в виде желудей (рис. 2-16,17,18). Изображения желудя довольно редки для православной иконографии. В геральдике жемчужина является символом зрелой силы и могущества (Энциклопедия символов, 2005, с. 736).

Погребение № 36. Крест бронзовый односторонний с рельефным изображением восьмиконечного креста на Голгофе, показанной в виде

округлого возвышения. Размеры: 21x17 мм без ушка. Ушко обломлено. Все четыре конца балок выполнены в виде желудей с приостренными кончиками. Желуди как бы плавно "вырастают" из средокрестия. На концах горизонтальной балки буквы: IC XP. Изображение на конце вертикальной балки трудно различимо. Крест штампованный.

Погребение № 15. Крест полностью аналогичен кресту из погребения № 36, за исключением размеров: 22x18 мм.

Погребение № 13. Крест бронзовый односторонний литой размерами: 26x20 мм. Сохранность изделия не очень хорошая: обломлено ушко, а также переломлена вертикальная балка под самым средокрестием. На лицевой стороне можно рассмотреть рельефный восьмиконечный крест, на концах поперечины буквы - IC XP.

Подобные типы крестов были найдены во время раскопок кладбища Илимского острога (Молодин, 2007, с. 69), а так же при работах на территории женского Ново-Тихвинского монастыря г. Екатеринбург (Погорелов, Попов, 2005, с.114-115). Кресты можно датировать XIX в.

Тип VI. Является промежуточным между типами II и V. Погребение № 42 (рис. 2-19). Крест бронзовый односторонний литой размерами: 30x26 мм. Вертикальная балка переломлена чуть ниже средокрестия, ушко обломлено наполовину. Сами балки ровные, расширяющиеся от средокрестия к концам. Форма концов горизонтальной перекладины близка к типу V (только без острых кончиков), окончания же вертикальной балки соотносятся с

типом II. На лицевой стороне рельефное изображение восьмиконечного креста на Голгофе, выше изображена чаша. Что-либо еще разобрать не представляется возможным из-за плохой сохранности изделия.

Тип VII. Крест с пятилепестковыми закругленными концами балок. Погребение № 3 (рис. 2-20). Крест двусторонний серебряный литой. Размеры: 32x26 мм без ушка. Концы балок закругленные пятилепестковые, сами балки слегка изогнуты и по дуге расширяются от средокрестия к концу. Углы средокрестия закругленные. На одной стороне артефакта изображен восьмиконечный крест на горизонтальной Голгофе в виде стилизованных скальных камней, между которых заключена глава Адама. По бокам от креста из камней выступают два наконечника копья. На краях поперечной балки видны буквы IC XP, заключенные в выпуклые сердечки остриями вниз. В верхней части креста изображена чаша (потир) на треножнике, а по бокам от нее - копье и трость с губкой. На другой стороне изделия в центре средокрестия изображение Гроба Господня, слева от него внизу видно горизонтальное изображение веника (метлы). Над гробом изображен кувшин. На левом конце поперечины изображены перекрещенные молоток и меч (сабля). Рукоять меча закрыта веником. На правой оконечности видна двухвостая плеть (бич). В верхней части креста под ушком изображена раскрытая Библия под сложной виньеткой. Ниже перекрестия хорошо просматривается профильное правостороннее изображение петуха, сидящего на столпе, который обрамлен растительным

орнаментом.

Подобный тип креста приводят в своей работе Б.И. и В.Н. Ханенко, который они датируют 1764 г. (Ханенко, Ханенко, 1900, таб. XXXII, № 352). Также похожий серебряный позолоченный крест, тоже очень богато атрибутированный, был найден осенью 2010 г. в детском склепе внутри Свято-Преображенского собора г.Верхотурья. Его удалось датировать второй половиной XVIII в. По аналогии и этот крестик можно отнести к этому же периоду.

В погребении № 31 обнаружены три фрагмента одностороннего медного креста (рис. 2-21): часть средокрестия, часть левой балки и часть нижней балки. Наибольшая ширина балки - 7 мм. Из-за плохой сохранности не представляется возможным определить тип и форму креста. Внизу вертикальной балки можно рассмотреть выпуклое изображение нижней части креста на Голгофе и еще ниже буквы - МЛ РБ. По материалу, способу изготовления и фрагменту рисунка крест схож с крестами из погребений № 30 и № 47.

Символика. Надписи на крестиках традиционны и были расшифрованы выше. Изображение черепа Адама, перекрещенных костей, трости и копья (символов Страстей Христовых) также достаточно распространено в ставрографии нательных крестов. Теперь обратимся к более редким изображениям. Чаша (погр. №№ 3, 41, 42), кувшин, плеть, меч, молоток, веник (погр. № 3), лестница (погр. № 41) и столп (погр. № 3, № 41) также являются символами Страстей Христовых (Покровский, 2001, с.468). Чаша может символизировать собой не-

сколько вариантов: чашу Тайной Вечери; чашу, в которую по легенде Иосиф Аримоефский собрал кровь Христа; Святой Грааль или просто объединенный символ христианства, преобразовавшийся в потир для обряда евхаристии. В христианской иконографии чаша с одной стороны является символом искупления грехов, бессмертия и просветления, а с другой - символом жертвы Христа, символом добровольного принятия тяжести своей судьбы во имя других ("горькая чаша"). Кувшин является символом омовения рук Пилатом. Меч, скорее всего, является намеком на Петра, отсекавшего рабу ухо в Гефсиманском саду. Бичеванию Иисус был подвергнут по приказу Понтия Пилата. При помощи молотка и лестницы Христа сначала распяли на кресте, а затем сняли с него. Лестница также традиционно являлась символом восхождения на небо как в христианстве (лестница Иакова), так и в других религиях (например, в исламе это восхождение Мухаммеда). Сердечки, с заключенными в них монограммами (погр. № 3), символизируют Божественную любовь. Раскрытая книга (погр. № 3), обозначает, скорее всего, Евангелие, благодаря которому люди получили божественное откровение: тайное знание перестало быть тайным, т.к. книга раскрыта. Изображение петуха на столпе (погр. №№ 3, 41) связано с трехкратным отречением Петра от Иисуса на Тайной Вечере: "Не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды". Поющий петух - напоминание об отречении Петра, а также символ его раскаяния и служения в качестве первого папы. Петух в христианстве явля-

Рис. 3. Туринск. Кладбище Крестовоздвиженского собора. Раскоп 1. Железные изделия: 1 - крест с решетки ограды или надгробного памятника, 2 - вбивная петля, 3-6 - кованые гвозди, 7 - закладная петля для крепления решетки окна

ется также символом света и возрождения. Композиции с изображением орудий Страстей Христовых начинают воспроизводиться на крестах и других предметах культа (антиминсах, потирах, окладах икон и Евангелий ит.д.) примерно со второй половины XVII в., размещаются они обычно на оборотной стороне креста (Гнутова, 1994, стр. 68-69).

При вскрытии верхнего слоя

почвы (разрушенный культурный слой на территории автобазы и парка) проводился сбор артефактов. По линиям 6-7 найдены следующие находки:

Железо: гвоздь кованный (рис. 3-3-6) - 16 экз., размерами от 4 до 18,5 см; 1 костыль высотой 11 см; пробойник высотой 9 см; крючок - 53 см (все предметы кованные); фигурные скобы (рис. 3-7) длиной 20 см закладываемые в оконные про-

емы для последующего крепления к ним решеток (2 экз.); конус железный расплющенный - 1 экз.; вбивная скоба - 1 экз. (рис. 3-2), 15 металлических пластин (две из них склепаны между собой), вероятно кровельное железо; обрывок цепи из 7 звеньев; звено цепи; железный крест от решетки церковной ограды или от надгробия (рис. 3-1). Крест выполнен из двух склепанных друг с другом пластин толщиной 0,2-0,3 см, его размеры по вертикальной оси - 22,5 см, по горизонтальной - 15,5 см. Балки от начала средокрестия к окончанию расширяются. Ширина балок у средокрестия 1,3 - 1,5 см, на концах 3 - 3,5 см. Концы длинной балки имеют S-образный изгиб, на одном отверстие под заклепку, кроме того, все концы по вертикальной оси сужаются. Особенности оформления концов длинной балки свидетельствуют о закреплении их на горизонтальных опорах.

Медь: брусок размерами - 8,7 х 1,2 х 1 см.

Кость: костяной "нож" (рис. 4-12), представляет костяную пластину с участком - ручкой и участком - лезвие. Его длина 8,5 см, ширина у основания 2 см. В 1,3 см от основания ручки прорезано отверстие, возможно для веревки (петли для подвешивания). Лезвие полукруглое длиной 3,5 см, на нем вырезаны 18 мелких треугольных зубчиков. Игрушка ("бабка"), свиной сустав, с отверстием в нижней широкой части (рис. 4-11). Внутри засыпки или заливки свинца не сохранилось. Скол с бивня мамонта - 2 экз. 158 фр. костей домашних животных (свинья, мелкий и крупный рогатый скот).

Керамика (посуда): стенки - 572 фр. (1 фр. расплавленный), донышки - 82 фр., венчики (рис. 5) - 126 фр., пятка кирпича - 3 фр., расплавленные стенки - 5 фр., 1 фр. штукатурки; фрагмент дна керамического сосуда с клеймом в виде вдавленного креста (рис. 4-10). Крест равносторонний, в круге, размером 5 х 5 см, концы балок полукруглые, их ширина 0,8 - 1 см., ручки сосудов - 5 фр.

Фаянс: донышко - 1 фр., фрагмент тарелки - 1 фр. (рис. 4-6)

Стекло: 45 фр. патинированного стекла (от штофов (рис. 4-1), бутылок (рис. 4-3), оконного стекла (рис. 4-2), в том числе 6 фр. расплавлены (рис. 7-5)),

Камень: слюда - 8 фр. (рис. 4-7-9).

По линиям 4-5: Керамика: стенки - 206 фр. (1 расплавленный), донышки - 34 фр., венчики - 30 фр.

Стекло: патинированного оконного стекла - 2 фр., бутылочного стекла 1 фр.

Фаянс: белого фаянса - 1 фр.

Камень: слюда - 1 фр.

Железо: железная пластина с заклепками - 1 экз., гвоздь кованый - 10 экз., подкова железная каблучная - 2 экз.

Кость: 30 фр. костей домашних животных.

По линиям 2-3: Керамика: венчики - 11 фр., донышки - 4 фр., стенки - 54 фр., обломок крышки с ручкой (скреплен деревянными гвоздями до обжига).

Железо: черенок складного (?) железного ножа с деревянными накладками размерами 13 х 2 х 1 см, фигурная железная пластина длиной 13 см, гвоздь кованый - 2 экз.

Кость: 3 фр. костей домашних

Рис. 4. Туринск. Кладбище Крестовоздвиженского собора. Раскоп 1. Находки: 1 - фрагмент штофа, 2 - оконное стекло, 3 - венчик бутылки, 4 - фрагмент стекл. изделия, 5 - застывший потек и капля, 6 - фрагмент тарелки, 7-9 - вставки окончин, 10 - фрагмент дна горшка с клеймом, 11 - игрушка, 12 - нож "орнаментир"

животных.

Из анализа состава артефактов следует подавляющее преобладание керамики над изделиями из стекла и фаянса. Состав характерен для раннего времени, то есть не позднее рубежа XVIII-XIX веков. Отметим полное отсутствие фарфоровой посуды, появившейся в конце XVIII в. (российское производство) и получившей широкое распространение только с середины XIX века.

Вероятнее большая часть находок попала в культурный слой до 1760-х гг., времени строительства храма, и соответственно, до первых захоронений у выстроенного собора.

Можно предположить, что железные петли крепления оконных решеток, железный крест, куски кровельного железа, кованые гвозди являются деталями храма и дворовых деревянных хозяйственных построек.

Рис. 5. Туринск. Кладбище Крестовоздвиженского собора. Раскоп 1. Изделия из керамики: 1-7 - фрагменты венчиков сосудов

Фрагменты слюды также характеризуют период до начала XIX века, когда окончины стали постепенно заменяться на застекленные окна.

Стоит обратить внимание на куски расплавленного стекла, керамической посуды и возможно соотнести их с пожаром 1750 г.

Интересно отметить находку двух сколов-пластин от бивня мамонта, известно, что сбор и продажа мамонтовой кости за Уралом

были широко распространены. Уникален костяной "нож", который мог использоваться как орнаментальный штамп (гребенчатый) или орнаментир для нанесения параллельных линий, например на керамические изделия (посуду). Отметим нахождение в верхних слоях предметов XX века, в том числе, связанных с автобазой и гаражом, который располагался в здании храма.

Таким образом, в результате изыскательских работ на приалтарной территории Крестовоздвижен-

ского собора выявлены и исследованы 50 погребений, предположительно датируемых второй половиной XVIII - началом XIX веков (в период до 1820 г., когда была построена каменная ограда, перекрывшая часть погребений).

Отметим, что изученная территория не перегружена захоронениями, много "свободных мест", нет погребений второй половины XIX века. Вероятно, со строительством новых приделов и ограды храма в XIX в. настоятели его ограничивали число новых погребений на сократившейся территории двора, или

хоронили с других сторон собора.

Исследованиями уточнены контуры алтарной части храма. Выявлен факт отсутствия фундаментов и кирпичной кладки алтарных стен, только слой известкового раствора, штукатурки, мелких кусков битого кирпича, что может свидетельствовать о полной разборке сооружения в 40-е гг. XX века.

Погребение канонизированного священнослужителя в этой части ограды не обнаружено. Можно сделать предположение, что о. Федор захоронен прямо за алтарем или с архиерейской стороны.

**Е.О. Святова
ПОЛОВОЗРАСТНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРАВОСЛАВНОГО КЛАДБИЩА
НОВОГО ВРЕМЕНИ
Г.ТУРИНСКА**

Половозрастная структура антропологических выборок является основой для палеодемографических реконструкций. Однако сложность работы с памятниками нового времени заключается в том, что популяция городов не является полностью стабильной и стационарной. Существование миграций делает невозможным построение таблиц смертности. Однако, игнорировать столь важный источник не представляется возможным. В связи с этим, первоочередной задачей палеодемографического анализа становится определение объективности палеовыборки и, впоследствии, построение модели структурной организации исследуемого кладбища. Создание такой модели и является целью данной работы.

Основной задачей археологических изысканий, проводившихся на территории г. Туринска в 2007 г., был поиск места погребения канонизированного священнослужителя Слободо-Туринской слободы, принявшего мученическую смерть в 1918 г. и погребенного "по чину" у Крестовоздвиженского собора.

Сразу оговорюсь, что погребение священника обнаружить не удалось, но было вскрыто 50 захоронений, в которых изучены останки 51 человека. Останки еще трех человек выделены из сборов разрознен-

ных костей.

По археологическим данным погребения датируются второй половиной XVIII - возможно, началом XIX вв.

Туринск был основан в 1600 г. как острог и поселение ямщиков на Сибирском тракте. Он являлся промежуточным пунктом охраны и обслуживания водного пути из Европейской России в Сибирь и находился на полпути между Тюменью и Верхотурьем. Во второй половине 18 в., в связи с прокладкой Сибирского тракта через Екатеринбург и Тюмень, Туринск утратил своё значение. Крепость сгорела в 1750 г. и более не восстанавливалась. Туринск стал заурядным уездным городом Тобольской губернии.

Крестовоздвиженский собор, на территории которого располагалось исследуемое кладбище, был освящен в 1765 году.

* * *

Из 54 исследованных индивидуумов, достоверно были определены 6 женщины, 6 мужчин, что соответствует 11% в обоих случаях, 2 подростка и 40 детей, разных периодов детства, что в совокупности дает 78% от всей выборки (табл. 1).

категория	кол-во	%
взрослые, в том числе	12	22
мужчины	6	11
женщины	6	11
дети и подростки	42	78
всего	54	100

Таблица 1. Половозрастное распределение серии с территории православного кладбища г. Туринска.

Распределение количества умерших по пятилетним возрастным

Таблица 2. Структура смертности по 5-летним возрастным интервалам.

интервалам выглядит следующим, весьма неожиданным, образом (табл. 2): возрастные рамки погребенных взрослых охватывают не все периоды: по общей выборке образуется лакуна в возрасте 20-30 лет. При этом, женская выборка охватывает все возрастные группы после 30-ти лет, а мужская выборка представлена только в рамках 30-45 летнего возрастного интервала.

Наглядно это можно увидеть на графике кривых смертности (рис. 1). График общей выборки имеет две моды: в возрасте до 1 года и в интервале 35-39 лет, причем последняя совпадает с модальным возрастом смерти и женщин и мужчин. И если

особенности мужского и женского графиков можно объяснить малым количеством вскрытых взрослых захоронений, то превышение количества детских погребений над взрослыми в 3,5 раза, при том, что на одну захороненную женщину приходится 7 погребенных детей, выглядит завышенным. Для проверки обратимся к таблице поло-возрастного состава погребенных на памятниках нового времени (табл. 3).

Как мы видим, процент детских захоронений на других памятниках нового времени не превышает 62, а соотношение количества детских погребений на 1 женское

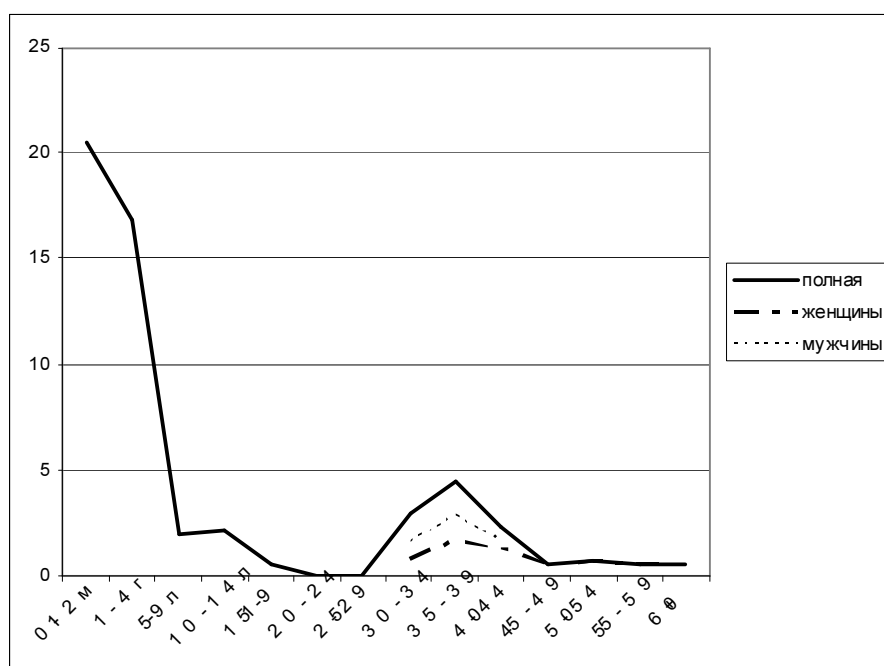

Рисунок 1. График смертности общей выборки.

Памятник	Дата, вв	муж (%)	жен (%)	дети (%)	Кол-во детей на 1 женщину	общее кол-во
Верхотурье ¹	XVII	26,1	9,8	57,6	5	86
Население Литвы ²	XV-XVII	34,4	23,8	41,8	1,8	964
Алитус ³	XV-XVII	29,7	30,6	39,6	1,3	1345
1 - по Ражеву, Святowa, 2005; 2, 3 - по Янкаускас, 1993; 4 - по Святowa, 2008; 5 - по	XVII	20,9	19,5	61,5	3,2	226
Каменск-Уральский ⁴	Таммулова, 2005; 6 - по Ражеву, 1996.				1,7	55
Изюк I ⁵	XVII-XVIII	19,0	19,5	61,5	3,2	226
Челябинск ⁶	XVIII	24,3	15,1	59,1	3,9	101
Туринск	XVIII	11,1	11,1	77,8	7	54
Екатеринбург (по метрическим книгам)	1784-1789	20,8	18,3	60,9	3,3	486

Таблица 3. Половозрастной состав погребенных на разных памятниках нового времени.

колеблется в пределах от 1,3 до 3,9. Исключение составляет ситуация на кладбище Верхотурского Кремля, где на одно женское приходится 5 детских погребений, однако, проведенные ранее исследования показали, что подобная ситуация связана с организацией детских участков погребений, на которые тела детей поступали из ближайшей округи, в то время как взрослые люди погребались на местах (Ражев, Святowa, 2005, с. 189).

Исследование метрических книг Богоявленской церкви г. Екатеринбурга (ГАСО) показывает, что соотношение записей о смерти детей и взрослых составляет 60,9% к 39,1%, а количество умерших детей на одну женщину равно 3,3. На взгляд автора, подобные показатели наиболее близки к реальным показателям смертности. По палеоантропологическим данным с ними соотносятся значения с кладбищ г. Челябинска и поселения Изюк I.

Таким образом, автор приходит

к выводу, что показатели выборки из г. Туринска не совпадают с типичными показателями смертности нового времени. Значит, либо мы имеем дело с увеличением детской смертности, вызванным эпидемиями или повышенным риском для жизни (несчастные случаи, повышенный травматизм), либо при захоронении на территории исследованного участка кладбища происходил определенный отбор, в первую очередь, касающийся взрослых индивидуумов.

Если обратиться к данным по детской смертности на материалах нового времени, мы видим, что ее структура в г. Туринске довольно близка соответствующим показателям кладбища г. Челябинска и архивным данным по г. Екатеринбургу (таб.4, рис.2). То есть именно к тем данным, которые мы считаем наиболее близкими к реальной картине смертности. Показатели кладбища Верхотурского Кремля отличаются от предыдущих по двум пос-

Рисунок 2. Графики детской смертности по 5-летним возрастным интервалам.

ледним периодам: пониженная, в сравнении с предыдущими данными, смертность в возрасте 10-14 лет и повышенная в возрасте 15-19 лет. Данные по г. Каменск-Уральскому значительно отличаются от предшествующих, что, по всей видимости, требует отдельного анализа.

Поскольку факторы, повышающие детскую смертность (эпидемии, несчастные случаи) оказывают влияние на определенные возрасты (Хок, 1999), а показатели исследуемой выборки совпадают с "эталонными" данными, я прихожу к мнению, что общая выборка с кладбища г. Туринска имеет селективный характер, в которой критерием отбора, по всей видимости, служили такие особенности погребальных традиций, когда:

во-первых, преимущество отдавалось детям, без внутренней градации по возрастам;

во-вторых, размещение на статусном месте взрослых захоронений проходило через определенный отбор. Поскольку мужчины, погребенные в приалтарной части, относятся к возрасту социальной активности, можно предположить, что их размещение на статусном месте определялось заслугами перед обществом; а значительный возрастной интервал погребенных женщин, позволяет сделать вывод о том, что если их погребения так же осуществлялись "по заслугам", то возраст социальной активности женщин значительно шире мужского, либо их захоранивали в приалтарной части "по протекции": жены, вдовы или

период	0-12 м	1-4 г	5-9 л	10-14 л	15-19 л	кол-во (человек)
Туринск	48,8	40,3	4,5	5	1,4	42
Челябинск	49,2	36,3	6,6	6,2	1,7	61
Екатеринбург (по метрическим книгам)	56,4	30,5	5,6	4,6	3,0	305
Верхотурье	52,6	30,4	7,5	0,9	8,6	58
Каменск-Уральский	54,7	13,2	13,2	7,6	11,3	26,5

Таблица 4. Таблица детской смертности по 5-летним возрастным интервалам (в %) матери погребенных мужчин.

Интересные данные показывает перенесение поло-возрастной характеристики погребенных на планиграфическую ситуацию исследованной части кладбища (рис 3)

Погребения расположены группами, которые преимущественно состоят из одной или нескольких взрослых могил и значительно большего количества детских. На наш взгляд, выделенные группы являются участками семейно-родственных захоронений.

Первая группа расположена в квадрате Г-В/6-7 и состоит из одного взрослого мужского погребения (№ 34), к которому тяготеют 3 детских захоронения (№№ 2, 3, 8,).

Вторая группа расположена в квадратах Г-В-Б/4-5-6 и состоит из двух взрослых женских погребений (№№ 37, 40), к которым приурочены шесть детских захоронений (№№ 26, 28, 29, 32, 33, 39) и погребение подростка (№ 43). В этой же группе расположено погребение взрослого мужчины (№ 42).

Третья группа расположена в квадратах Д-Г/3-4-5 и состоит из четырех взрослых мужских погре-

бений (№№ 1, 36, 41, 46,) и 11 детских захоронений (№№ 7, 11, 12, 14, 23, 23а, 38, 44, 45, 47, 48), приуроченных к женскому погребению (№ 49).

Четвертая группа расположена в квадратах Д-Г/2-3 и состоит из двух взрослых женских погребений (№№ 31, 35), одного погребения подростка (№ 27) и 8 детских захоронений (№№ 4, 5, 6, 16, 18, 22, 24, 30).

Пятая группа погребений расположена в квадрате В/2, состоит из одного взрослого женского погребения (№ 19), и 6 детских захоронений (№№ 9, 10, 17, 20, 21, 25). Возможно, к этой же группе относится скопление костей трех индивидуумов детского возраста из разрушенных захоронений в кв. В/2.

Стратиграфические характеристики всех групп захоронений довольно близки, что позволяет предположить их относительную одновременность.

Поло-возрастной антропологический анализ позволил выявить ряд особенностей погребальной традиции на исследуемом памятнике: все захоронения взрослых людей, а

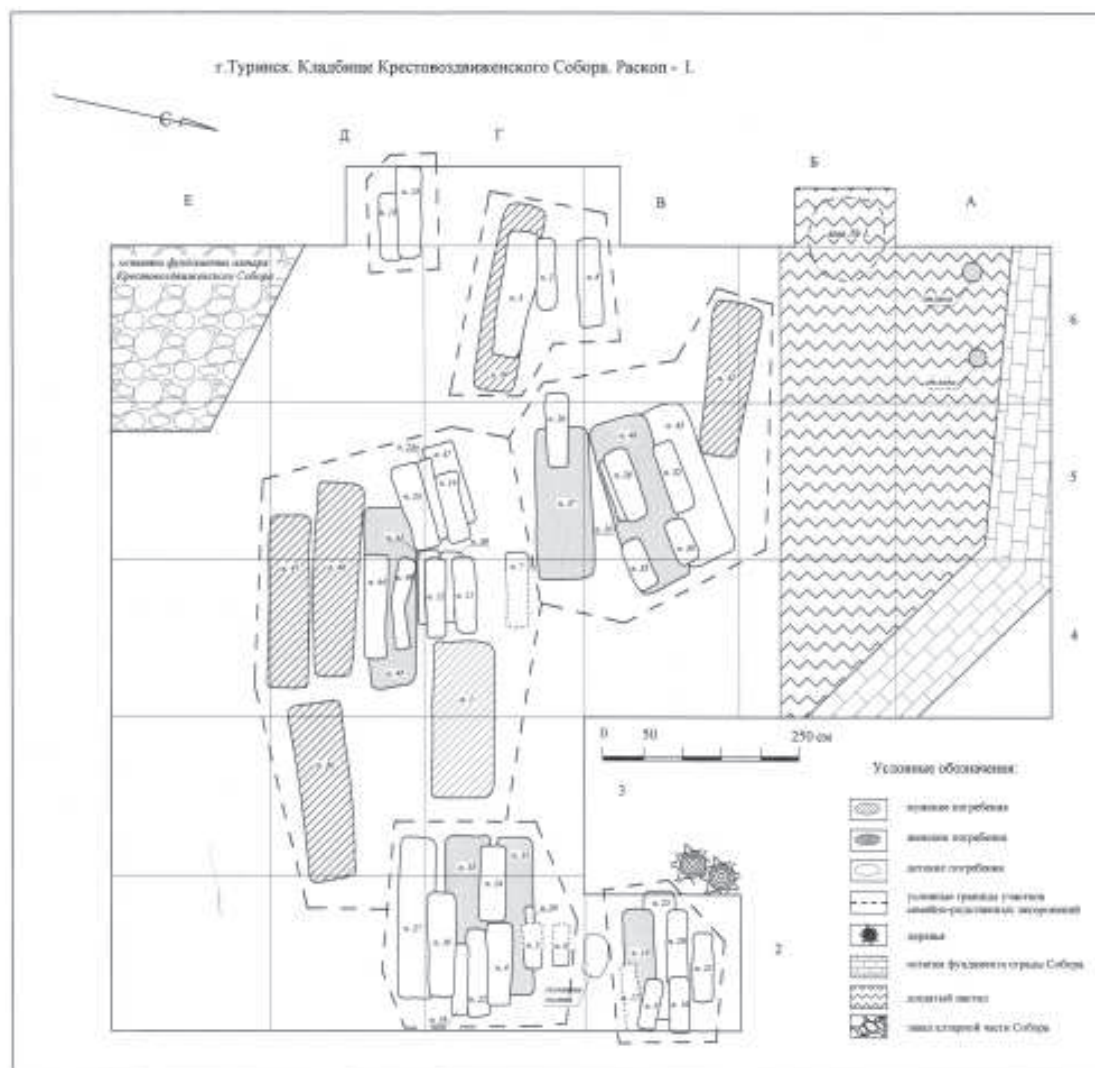

Рисунок 3. г. Туринск. Кладбище Крестовоздвиженского собора. Раскоп I.

так же захоронения подростков (12-15 лет) совершены в индивидуальные могильные ямы. Большинство детских захоронений (88%) подхоронены в могильные ямы женских погребений или погребены рядом с ними, только три (из 42) детских погребения связаны с мужской могилой (первая группа захоронений) и два ребенка захоронены индивидуально (погребения младенцев №№ 13, 15, расположенные в кв. Д/7).

Попытка выявить особенности расположения детских погребений в связи с возрастом умерших де-

тей, существенного результата не принесла. По-видимому, его положение относительно могильной ямы взрослого (в ногах, в голове, по центру или рядом) строго не регламентировалось. Исходя из выше изложенного, автор приходит к следующим выводам:

- половозрастной состав выборки с приалтарного участка кладбища Крестовоздвиженского собора г.Туринска не отражает реальной картины смертности населения, поскольку в отношении взрослых погребенных производился отбор, связанный с социальным статусом

умершего. Причем, если мужские захоронения, по всей видимости, совершались по "заслугам", то вопрос о принципах селекции женских погребений, на настоящий момент остается открыт. Однако, хочу обратить внимание, что наличие двух групп захоронений (четвертая и пятая), в которых основу составляют взрослые женские погребения в возрасте 35-50 и 30-40 лет, говорит, скорее, в пользу их особого социального статуса, а возраст женщин из второй группы (40-60 лет и старше 50) свидетельствует, скорее, в пользу "погребения по протекции".

- К существующим захоронениям взрослых подхоранивались дети, связанные с погребенными родственными узами. Исключение составляли подростки, которые, вероятнее всего, приравнялись по своему статусу к взрослым людям и погребались в индивидуальные могильные ямы. Поскольку структура детской смертности на исследуемом некрополе близка к реальной детской смертности нового времени,

речь по всей видимости, идет о всех, или о большинстве умерших детей определенной социальной страты.

- Дети захоранивались к умершим взрослым родственникам, преимущественно, женского пола, а если таковые отсутствовали, вероятно, было вполне допустимо похоронить детей рядом с могилой родственника мужчины (первая группа захоронений).

- Индивидуальное детское погребение возникало в том случае, когда умершие дети вообще не имели на данном кладбище могил взрослых родственников и, следовательно, становились первыми захоронениями на семейно-родственном участке (погребения №№ 13, 15). Эту гипотезу подтверждает планиграфическая ситуация в пятой группе захоронений, где наиболее ранним (относительно других) является погребение ребенка (№ 25), умершего в возрасте 6-8 лет. Впоследствии, на той же территории, была захоронена женщина и другие дети.

В.В. Гасилин, Т.В. Лобанова
КОМПЛЕКС КОСТНЫХ
ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ
РОЖДЕСТВЕНСКОГО
ГОРОДИЩА В ПРИКАМЬЕ
(раскопки 2009 года)*

Рождественское городище представляет собой центральную часть рождественского археологического комплекса (помимо Рождественского, сюда входит Филипповское городище, мусульманский домонгольский и средневековый языческий могильники и Волгинское святилище), расположенного в 1-1,5 км к западу от с. Рождественск Карагайского района Пермского края на левом берегу р. Обвы. Описание всего комплекса впервые сделано в 1770 г. Н. П. Рычковым. В дальнейшем эти объекты изучались Н. Н. Новокрещённых (1898), В. А. Обориным и В. П. Денисовым (1949), Ю. А. Поляковым (1983), А. М. Белавиным и Н. Б. Крыласовой (1985, 1990-1993, 1997, 2008-2010).

Площадка Рождественского городища подпрямоугольной формы, площадь - свыше 36 тыс. кв.м. На городище вскрыто более 2,5 тыс. кв. м. Изучено 4 жилища, 3 гончарных горна, остатки косторезной мастерской, вход в подземный лаз (ход), остатки колодца, несколько крупных ям-кладовок и т. п. Среди материалов - множество костей животных и фрагментов сосудов болгарской гончарной керамики и лепной керамики. Имеются обломки тиглей, керамические ложки-

ляжки, литейные формы, бракованные бронзовые изделия, что свидетельствует о существовании здесь бронзолитейных мастерских (Белавин, Крыласова, 2008).

Целью работы было оценить однородность представительной выборки костных остатков животных из культурного слоя городища по видовому составу и соотношению костей разных видов.

Остеологический материал для настоящей работы происходит из раскопа VII (2009 г.) с площади 132 кв.м. Автор раскопок - Н.Б. Крыласова. Раскопки проводились в форме зачисток. Материал группировался по квадратам и условным пластам толщиной 10 см, материалы из ям хозяйственного назначения собраны отдельно. Мощность культурного слоя в раскопе 2009 года составила 1-1,5 м. Наиболее насыщенными костными остатками были пласты 5 и 6 (46% сборов). В настоящей работе данные по костям из пластов 1 и 2, 3 и 4, 8, 9 и 10 сгруппированы для укрупнения выборок.

Всего собрано 8524 кости домашних и промысловых млекопитающих, 67 костей птиц и 8 костей рыб. Общий объем костных остатков составил 410 730 см³. Определено 48% костных остатков млекопитающих, 90% из них принадлежало домашнему скоту.

Большинство костей были фрагментированными и, судя по характеру изломов, они были раздроблены искусственно, а не повреждены вследствие неблагоприятных условий захоронения. Так, нередко кости (вплоть до фаланг) оказывались разбитыми как вдоль, так и поперек. Тем не менее, в итоге фрагмен-

**Работа выполнена по программе Президиума РАН "Происхождение и эволюция геобиологических систем" № 09-П-4-1001.*

Таблица 1. Видовой состав и число остатков животных из Рождественского городища (раскоп 2009 г.), экз.

Вид	Пласт						Яма		Всего
	1-2	3-4	5	6	7	8-10	1	2	
Собака	-	2	4	13	4	-	-	-	23
Крупный рогатый скот	136	264	455	480	226	148	44	60	1813
Мелкий рогатый скот	12	49	90	63	36	14	8	3	275
Свинья	1	6	3	6	4	-	1	-	21
Лошадь	137	207	304	418	299	152	33	89	1639
Лось	6	17	18	38	21	29	5	6	140
Косуля	-	-	-	-	1	-	-	2	3
Северный олень	1	1	3	6	4	8	4	1	28
Медведь	2	1	-	-	-	1	-	1	5
Лисица	-	-	2	1	1	2	-	-	6
Куница	-	-	1	-	1	-	-	-	2
Выдра	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Росомаха	-	-	-	1	-	1	-	-	2
Заяц	-	-	6	8	2	-	-	-	16
Бобр	4	8	35	79	51	26	3	6	212
Белка	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Неопределимые до вида кости млекопитающих	596	1024	1171	819	146	164	417	-	4337
Доля неопределимых до вида костей млекопитающих, %	67	65	56	42	18	30	81	-	-
Птица	-	7	26	19	6	7	2	-	67
Рыба	-	3	4	1	-	-	-	-	8
Раковины двустворчатого моллюска	-	1	1	17	6	3	1	-	29

тарность костей была сравнительно невысока: среди костей домашнего скота встречались целые ребра, крупные части черепов и трубчатых костей конечностей. В материале иногда встречались кости со следами погрызов собаками, костей, подвергшихся воздействию огня, было 6%. Полученная картина позволяет заключить, что материал представляет собой "кухонные отбросы". Доля неопределимых костей (они же наиболее сильно измельченные) в разных пластах непостоянна: наблюдается падение ее от верхних пластов к нижним.

Среди костных остатков преоб-

ладали кости крупного рогатого скота (КРС) и лошади (табл. 1). Третье место среди домашних копытных со значительным отставанием от первых двух видов занял мелкий рогатый скот (МРС); кости свиньи в каждом из рассмотренных условных пластов были единичны.

Соотношение домашних копытных в толще культурного слоя изменяется: доля КРС от 1 пласта к 5 нарастает, а доля лошади падает; с 6 пласта тенденция меняется в противоположную сторону, а на пластах 8-10 доля КРС вновь падает, а доля лошади возрастает (табл. 2). Доля костей МРС максимальна на

Таблица 2. Соотношение костей домашних видов
и промысловых млекопитающих Рождественского городища (раскоп 2009 г.)

пласте 5, выше него и ниже наблюдается уменьшение его доли в остатках.

Из промысловых млекопитающих наиболее многочисленны остатки бобра и лося, кости северного оленя встречались примерно в 6 раз реже, чем кости лося, кости прочих видов еще более редки (табл. 3).

Соотношение костных остатков промысловых и домашних млекопитающих, как следует из таблицы 2, постепенно менялось от 8-10 пластов к 1-2 в пользу домашних: доля диких видов в материале уменьшилась в этом интервале в 4 раза. Изменение это происходило не только благодаря снижению встречаемости более многочисленных в материале остатков бобра и лося, но в разной мере и за счет других диких млекопитающих.

В результате анализа структур остеологического материала по условным пластам можно заключить, что в толще культурного слоя содержится, по меньшей мере, три комплекса костных остатков. Так, ряд особенностей позволяет рассматривать пласты 8-10 обособлен-

но от других. К этим особенностям можно относить значения доли костей КРС (до этих пластов наблюдалось снижение относительного числа костей от верхнего пласта к нижним; табл. 2), МРС (начиная с этих пластов, проявляется тенденция увеличения относительного числа костей от нижних пластов к верхним), наибольшую долю костей промысловых видов и значение доли неопределимых костей, прерывающее тенденцию снижения этой доли от верхних пластов к нижним (табл. 1).

Второй комплекс происходит из пластов 5, 6 и 7. Здесь доли костей КРС и МРС проявляют тенденцию нарастания по направлению к вышележащим пластам, а доля лошади, наоборот, падает (табл. 2); доля костей бобра в два раза выше доли лося (табл. 3).

В пластах 1-4 наблюдаются противоположные тенденции: доля костей КРС, МРС в отложениях падают, а доля костей лошади нарастает (табл. 2); доля костей бобра примерно в два раза меньше доли лося (табл. 3). Тем не менее,

Таблица 3. Соотношение костей основных промысловых млекопитающих
Рождественского городища (раскоп 2009 г.), %

Вид	1-2	3-4	5	6	7	8-10
Лось	55	65	32	31	28	46
Северный олень	9	4	5	5	5	13
Бобр	36	31	63	64	67	41
Итого, экз.	11	26	56	123	76	63

учитывая, что верхние пласты были распаханы, следует предполагать, что характер третьего комплекса в лучшей мере отражен материалами с пластов 1-2, а пласты 3 и 4 включают материалы и второго, и третьего комплексов.

Итак, в Рождественском городище основным источником белковой пищи выступали такие домашние копытные, как КРС и лошадь. Спектр добычи диких зверей был довольно широк, но на поселение приносили в основном туши лося, северного оленя и бобра - видов,

употреблявшихся в пищу. В течение всего времени бытования городища роль промысла падала. Охота на пернатую дичь сильно уступала звериному промыслу, а рыболовство, по-видимому, не играло хозяйственной роли в жизни населения.

Интерпретация выявленных остеологических комплексов будет получена при дальнейшем анализе материала с привлечением данных с других вскрытых раскопками участков городища Рождественское.

А.В. Черных
ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК В
СИСТЕМЕ НАРОДНОГО
КАЛЕНДАРЯ РУССКИХ
ПРИКАМЬЯ
(часть 1. Храмовые традиции) *

Одними из значимых элементов престольного праздника русских Пермского Прикамья были православные традиции, проявлявшиеся в обычаях обязательного посещения храма, службах и молебнах в часовнях и молитвенных домах, крестных ходов.

Обычай посещения храмов в престольный праздник достаточно устойчив и известен в регионе повсеместно. На эту особенность престольных праздников неоднократно указывалось в материалах начала XX в.: "В церковь ходили, но далеко не все, только в Пасху, Рождество, храмовые праздники была полна церковь, но в воскресные дни молящихся было мало" (ГАПК. Ф.650, Оп.1, Д.180. Л.31 (об)).; "Народ больше всего уважает свои храмовые праздники. В воскресные дни, даже в Рождество и в светлое воскресенье сельские церкви бывают почти пусты, в храмовые же праздники они полны" (ЧКМ 2691, Чашницкий). Информаторы также постоянно отмечали, что посещение церкви - в православных селах обязательный элемент престольного праздника: "У нас Кузьма-Демьян (14 ноября), Николин день (6 июня), Рождество (7 января). Сначала на службу в церковь ходили, потом гости со всех деревень приезжали..."

** Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ №11-11-59004а/У*
© Черных А.В., 2011

(Ординский район, с. Медянка); "С утра в церковь, потом домой..." (Ординский район, с. Межевка); "Ходили в храм, потом к гостям готовились..." (Суксунский район, д. Журавли); "В церковь ходили. Потом идут домой - столы накрывают...." (Чердынский район, с. Пянтег). В ряде традиций на престольный праздник в храм было принято ходить со всеми гостями, заранее приезжавшими к празднику. В селе Дуброво Еловского района на престольный праздник Троицу "С утра служили в церкви. В церковь приходили со всеми гостями" (Еловский район, с. Дуброво).

Посещение храма в селе было характерно и для жителей деревень, также отмечавших свой престольный праздник. Так поступали жители д. Дубовая гора Куединского района, отмечавшие престольный праздник Покров, отправляясь утром в храм с. Аряж: "Утром рано ездили в церковь на лошаде". Посещение храма в селе было характерно и для деревень, престольные праздники в которых не совпадали с храмовыми и престольными праздниками села. В д. Кашка Куединского района, отмечали, что на престольный праздник Рождество утром "молиться в церковь ходили, пешком в Ошью" (Куединский район, д. Кашка), в то время как в селе с Михайло-Архангельской церковью в качестве престольных отмечали Троицу, Фролов и Михайлов дни.

Старообрядцы белокриницкого согласия также старались во время престольного праздника посетить службу в церкви, а позднее и моление, устраиваемое в доме одного из общинников. Часовенные и поморские старообрядцы также со-

вершали молебны по случаю престольного праздника: "В старые годы на престольный праздник ездили молиться в австрийскую церковь в деревне Земплагаш (старообрядцы белокриницкого согласия), а староверы (старообрядцы часовенные) ходили в молебельный дом" (Куединский район, д. Пильва). В деревне, основное население которой составляли старообрядцы двух согласий (часовенного и белокриницкого) отмечались два престольных праздника - Петров день и Крещение.

Особенности религиозных ритуалов, совершаемых на престольный праздник, во многом были определены его статусом: храмовый или часовенный праздник. Проведение храмового праздника в селе включало проведение праздничных служб и молебнов, крестные ходы по селу к почитаемым часовням и крестикам, молебны на ключах и прудах с водосвятием, обходы крестным ходом сельских домов. О церковных торжествах престольного праздника в с. Верхние Муллы Пермского уезда (ныне - Пермский район) в Николин день (9.05 по ст. ст.), совпадавшего с храмовым праздником Верхнемуллинской Николаевской церкви сообщают материалы 1869 г.: "Особенно же Верхнемуллинский храм посещается в 9-е число мая, когда св. церковью празднуется перенесение из Мир-Ликийских в бар-град мощей святителя Христова и чудотворца Николая, которому посвящен Верхнемуллинский летний храм... К 9 мая село Верхнемуллинское ежегодно приносится из села Кольцовского благоговейно чтимая издревле икона Святителя Николая, называемая в на-

роде пещерскою... И вот с раннего утра, особенно если бывает хорошая погода, дорога от Перми до Муллов на всем расстоянии покрывается и множеством людей всякого звания и возраста, идущих и едущих. Большею частью даже имеющие лошадей в передний путь идут пешком для выражения большего своего усердия. Одни спешат к обедне, а другие, отстояв раннюю литургию и отслужив молебен пред иконою Чудотворца и таким образом исполнив свой обет, или испросив у святителя Христова милость и благословление на свои дела и предприятия, возвращаются домой... Накануне в 6 часов вечера совершенно было всенощное бдение местным духовенском... По 6-й песне, пред иконою святителя Николая прочитан акафист. На другой день с 3-х часов утра стал собираться в церкви народ в ожидании служения молебнов к ранней литургии, которая началась в 6 часов. В это время церковь, буквально была уже набита народом. В 8 часов начался звон на собор, а в 9 - обычный благовест к обедне. Собравшийся народ за невозможности пройти в церковь, занял церковную ограду и площадь... за сим началась литургия..." (Девятое мая, 1869, 277-280).

Совершение крестных ходов - один из самых распространенных православных обычаев в структуре престольного праздника. Обычно крестные ходы совершались вокруг храма с храмовой иконой, Евангелием, хоругвями и другими храмовыми принадлежностями, как того требовал православный канон проведения храмового праздника (Тулцева, 2001, 126). Однако крестные ходы на престольный праздник со-

вершали не только вокруг храма. В Сылвенско-Иренском поречье в селах крестные ходы на престольный праздник проводились к часовням-крестикам, стоящих в разных концах села и посвященных празднику. В с. Торговище у часовни-крестика, украшенного к празднику "...ждали священника. Священник приходил с иконой. Его сопровождали певчие и церковные служки. Батюшка ставил на амвон икону и совершал праздничный молебен..." (Ашихмин, 2008, 37-38).

Известны примеры не только совершения на престольный праздник крестных ходов из приходского храма по селу или окрестным деревням, но и крестные ходы из отдаленных церквей с особо чтимыми и почитаемыми иконами, которые "заказывали" к празднику. В с. Ашап (Осинский уезд, совр. - Ординский район) со Свято-Троицким храмом, престольным праздником была Троица. Как сообщают церковные историки, в 1820 г. в село по просьбе местных жителей был установлен крестный ход ежегодно к празднику Святой Троицы с чудотворной иконой Святителя Николая из с. Кыласово Кунгурского уезда (совр. Кунгурский район) (Пономарев, 1896, 24). Позднее на праздник стали приносить и чтимую икону Тихвинской Божьей Матери из соседнего с. Степаново (совр. Кунгурский район). Сохранилось подробное описание крестного хода в село с чтимыми иконами в начале XX в. накануне престольного праздника: "Ашапское церковное торжество началось еще накануне встречей чудотворных икон [Тихвинской Божьей Матери из с. Стефанова и св. Николая Чудотворца из с. Кыласо-

ва], приносимых ежегодно ко дню святой Троицы в Ашап на всю неделю для служения молебнов в домах ашапских жителей. К чести ашапцев нужно сказать, что они ежегодно встречают св. иконы, принимают их в свои дома и провожают до каждого места ее пребывания с особенной верой, любовью и благоговением... Во встрече св. икон еще далеко, далеко за Ашапом принимало участие почти все население его от малого до старого и разве редкий кто остался дома. Одни из ашапцев пришли в с. Стефаново еще в пятницу, накануне выноса оттуда обеих святых икон, для сопровождения их, другие вышли в татарскую деревню Карьево (8 верст от Ашапа), и вся дорога от Карьево до Ашапа была усеяна народом в разноцветных праздничных костюмах, идущих для встречи и сопровождения св. икон. Чем ближе к Ашапу, тем толпы народные были все гуще и гуще. В другую татарскую деревню Щелканку, во главе с о. настоятелем, с множеством икон и массой народа вышел из Ашапа крестный ход... По принесении святых икон в храм, было отправлено торжественное всеношное бдение. Лития была отслужена на помосте перед храмом, а эктения на ней произносилась при крестном ходе с четырех сторон храма..." (Агафонов, 1906, 328). Старожилы села и окрестных деревень и сегодня вспоминают о крестном ходе на престольный праздник: "Троицу в Ашапе почитали, у них престольный праздник. Николая Чудотворца [икону] приносили, в Кыласово он жил раньше, а так он на месте был. Встречать ходили [иконы] желающие: "Надо идти сегодня Нико-

лая Угодника встречать". Молятся, прикладываются. На носилках с ручками приносили, устанут - смеются. Икона большая была. Он всё время в церкви был, только для праздника великого его беспокоят. Его везде не давали носить. В Троицу Николая Чудотворца вперед пронесут в церковь, где служит батюшка. Люди свечки ставят, молятся. Обедню простоят, домой придут, день весь празднуют" (Ординский район, д. Андреевка).

Схожий обычай принесения на престольный праздник чтимых икон из соседнего села отмечен и в селе Тис Суксунского района (бывш. Красноуфимский уезд Пермской губернии), в котором на престольный праздник из села Иргинского (Красноуфимский уезд, ныне - Свердловская область) приносили Тихвинскую икону Божией Матери: "Тихвинская икона была, народ из нашей церкви, из нашего села собирался и шел в Иргинское, там была Тихвинская Пресвятой госпоже Богородице икона. По нее ходили в этот день. Несли все на руках, идут по деревне, женщины с малыши ребятами садятся по дороге, чтобы она помогла. Я болела маленькая, крестная рассказывала, идут с крестным ходом, я приду с тобой под икону и сяду, чтобы Господь исцелил, с тех пор болеть перестала, Бог вылечивал. Многие вылечивались..." (Суксунский район, с. Тис).

В селе Верхние Муллы Пермского района на престольный праздник Николин день, 22 мая приносилась почитаемая икона Николая Чудотворца из с. Кольцово Пермского района (бывш. Пермский уезд): "Сия икона предварительно приносится из деревни [позднее - село]

Кольцовой в церковь Верхне-Муллинского села к 9 числу мая [по старому стилю], к храмовому празднику, сопровождаемая одним священником с причтом, остается там до 10 июля..." (Описание, 1862, 11).

Известен в Прикамье и единственный пример совершения на престольный праздник в село крестного хода из соборного храма соседнего уездного города. Такой крестный ход проходил из г. Соликамска в пригородное село Усть-Боровая с Рождество-Богородицким храмом на престольный праздник Рождества богородицы (21.09 по н. ст.): "То же с древнего времени в Усть-Боровой существует особенный крестный ход, совершаемый в 8 сентября из Соликамского Святотроицкого собора, в день престольного праздника, ко времени литургии. Горожане и жители окольных деревень, желающие помолиться в церкви Усть-Боровского села от Соликамска в 12 верстах, уходят туда некоторые с вечера, некоторые провожают св. крест и хоругви, а некоторые отправляются туда после крестного хода. Крестный ход из Соликамска встречается и провожается местным причтом, со св. иконами. По окончании литургии соборное священство с крестным ходом возвращается домой в сопровождении не более десятка богомольцев...." (Словцов, 1875, 432-433).

Среди других традиций крестных ходов на престольный праздник в селе, следует отметить и обычай приносить в храм иконы из приходских часовен и совершать общий крестный ход с храмовыми и часовенными иконами. В с. Гамово, в приходе которой в окружающих деревнях находилось 9 часовен, крес-

тный ход совершался совместно с выносом икон из храма и всех часовен (Молебствие, 1916, 671).

Канон проведения храмового праздника предполагал и совершение водосвятия. В ряде случаев водоосвящение совершалось в храме. В других храмах оно проходило на естественных водоемах. На престольный праздник Троица в с. Ашап Осинского уезда [ныне - Ординский район] водосвятие проводили на берегу заводского пруда: "Утром, в день Святой Троицы, была отслужена еще утренняя, после которой был совершен на пруд для водоосвящения крестный ход..." (Агафонов, 1906, 329). Часто для освещения воды избирались родники, располагавшиеся в селе или в его округе.

Несколько по иному проводились престольные праздники в селах, в случае если они не совпадали с праздниками сельского храма. Храмовые службы в этом случае проводились не по особому церковному канону престольного праздника, а определялись годовым богослужением, связанным с тем или иным праздником. Однако и в этом случае храмовые традиции являлись одним из элементов структуры праздника. Кроме обычая посещать церковь в эти дни, во многих селах в эти дни проводились крестные ходы к часовням и поклонным крестам, которые посвящались празднику. В с. Емаш-Павлово Чернушинского района с Петро-Павловским храмом на престольный праздник Вознесение совершался крестный ход из храма к часовне, расположенной в окрестностях села: "Вознесенье это у нас престольный праздник был, это весной.

Все как мак цветут. Иконушки выносили. Часовня у нас была за поскотиной, туда шли. Иконушки из церкви выносили..." (Чернушинский район, д.Емаш-Павлово). Крестные ходы к поклонным крестам и часовенкам-крестикам в селах Сылвенско-Иренского поречья - обязательный элемент празднования престольного праздника, не совпадавшего с престолами сельского храма.

Другим вариантом крестных ходов и молебнов в сельских поселениях были те, что проводились к историческим местами старых храмов, также отмеченных поклонными крестами и часовнями. В этом случае также часто престольный праздник села был установлен в честь престола старого храма и сохранялся в сельском сообществе, но не отмечался как храмовый в церкви, построенной позднее. В с. Никулино Добрянского района совершался крестный ход к часовне, построенной на месте стоявшего ранее деревянного храма, "где после водоосвящения, отправляются молебны св. Пророку Илие молебны, по окончании коих крестный ход возвращается в церковь..." (Описание, 1862, 23).

Свои каноны и традиции сложились в престольные праздники в деревнях, в которых были часовни. Немало примеров, когда на деревенский престольный праздник совершались службы в деревенских часовнях, в честь часовенного праздника: "В Копорушках сейчас стоит еще часовня. К Успенью, 28 августа, служили в часовне, молились. Это в престольный праздник (Суксунский район, д. Набоки); "В Успенье в часовне служба была, мо-

ления были. Успенъе - 28 августа - престольный праздник нашей деревни" (Частинский район, д. Байдины).

Наиболее полное описание церковных торжеств часовенного праздника известны из д. Большой Юг Осинского уезда (ныне - Чернушинский район): "В приходе Таушинской церкви, Осинского уезда находится деревня под названием Большой Юг с деревянною часовнею во имя св. муч. Флора и Лавра. Часовня эта пользуется особенным уважением в здешнем месте. Изстари сотни богомольцев, в 18 число августа, приходят в Юговскую часовню, в которой этот день бывает днем праздника. С раннего утра в это число, неприглядная, с разбросанными незатейливыми крестьянскими домиками, деревенька Б.Юг представляет неожиданное зрелище: часовенная площадь и улица бывают, как говорится, спружены народом. В обычное время, час. в 10 утра, в часовне, после предварительного благовеста, отправляется местным Таушинским причтом служение обедницы с чтением апостола и Евангелия; затем после отпуста обедницы бывает крестный ход на речку для водоосвящения. Во время служения водосвятного молебна, многие из богомольцев имеют обыкновение заходить в речку и стоять по пояс в воде. Нужно заметить, что это выполняется большею частью по обету и людьми, преимущественно страдающими какими-нибудь болезнями, например, ревматизмом в ногах... верующий христианин... надеется получить исцеление или облегчение от боли. После совершения водосвятия, священная процессия возвращается к ча-

совне, пред которою на площади служится празднуемым святым молебен, после которого молящиеся подходят к кресту и окропляются св. водою. Так совершается этот скромный по месту в д. Б. Югу каждый год, более уже полустолетия. Молите Бога о нас, св. мученицы Флоре и Лавре, яко мы усердно к вам прибегаем, скорым помощникам и молитвенникам о душах наших" [псаломщик]" (Паньков, 1881, 364-365).

Кроме молебнов и водосвятия с часовенными праздниками в православных селах были связаны и обычаи крестных ходов, принесения в часовни икон из приходских храмов, либо чествование почитаемых икон из часовни, которые накануне относились в приходской храм, а в праздник крестным ходом сопровождалась в часовню. Принесение в деревенскую часовню на престольный праздник икон из приходского храма следует считать достаточно распространенным обычаем. Наиболее полное описание этого обычая известно по полевым материалам из д. Ольховка Чайковского района: "У нас три престольных праздника отмечали, Изосим-Савватий, 1 мая, Митрив день, 8 ноября и Троицкое Заговенье. Часовня была, в престол ходили туда и в большие праздники. С иконами ходили по деревне. Утром ходили в Сайгатку по иконы. Родители из Сайгатки приезжали. Престол 3 дня. Гости и больше гостили, из Харнав, Зяблово, Букора приезжали. После обеда вино пьют, бражку, чай. Только дома сидели. В каждом доме свои гости. Пока праздник, иконы сидят в часовне, в дома позовут, потом обратно в церкву в

Сайгатке" (Чайковский район, д. Ольховка). Крестные ходы из приходского храма в деревни на престольный праздник совершались в Прикамье повсеместно. В д. Березовка Суксунского района на престольный праздник Кирики-Улиты приносили иконы из приходского храма в селе Тис: "Мы были тисовского прихода. В Тису брали иконы из церкви, которые иконы несли. Приезжали гости. (Суксунский район, д. Сызганка).

Другим вариантом крестных ходов в приходские часовни следует считать крестные ходы с иконами из часовни, которые накануне праздника переносились в приходской храм, а затем крестным ходом возвращались в часовню. Именно так проходили крестные ходы из села Верхние Муллы Пермского уезда [ныне - Пермский район] в часовню д. Тиминой: "В 9 пятницу по Пасху в деревню Тимину, находящуюся в 9 верстах от Верхне-Муллинского села. Из часовни деревни Тиминой на кануне праздника приносится икона Св. Мученицы Параскевы в Верхне-Муллинскую церковь, сопровождаемая одним священником, диаконом и двумя причетниками. Близ селения встречают ее прочие священники торжественно, для чего выносятся из церкви хоругви, запрестольные иконы и несколько местных икон. В самый праздник после литургии бывает крестный ход с означенною иконою из Верхне-Муллинского села в деревню Тимину. Все священники торжественно сопровождают св. икону за селение также, как и встречали, а отсюда сопровождается она до часовни деревни Тиминой одним священником, диаконом и причет-

никами. По приходе в часовню, совершается общий молебен Св. Мученице Параскеве, и потом водосвятный; наконец по просьбе прихожан служатся частные молебны как Св. Мученице Параскеве, так и другим святым" (Описание, 1862, 10).

Отмечены и более сложные варианты крестных ходов, совершаемые в престольные праздники из приходского храма в деревни. В деревню Култаево Пермского уезда во второй половине XIX в. крестный ход совершался дважды, накануне и в день праздника: "28 августа (10.09 - нов. ст.) в часовню деревни Култаевой, отстоящей от Нижнемуллинского села в 6 верстах, совершается крестный ход с иконою Св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна таким образом: берутся сверх означенной иконы хоругви, запрестольные иконы Крест и Божья мать, храмовая икона Пресвятой Троицы, иконы: святителя Николая, Преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, Св. Благоверного князя Александра Невского и все три священника с двумя диаконами и причтом следуют с вышеозначенными иконами до столба с иконою Св. Мучеников Флора и Лавра, каковой столб находится под горою на лугу реки Камы в одной четверти версты от селения. Здесь у столба совершается общий молебен Св. Иоанну Предтечи, потом церковные иконы, двумя священниками сопровождаются обратно в церковь, а икона Св. Иоанна Предтечи одним священником с диаконом и двумя причетниками сопровождается до часовни деревни Култаевой. На пути, в деревне Копылах, отстоящей от села

в 5 верстах, у столба с иконою Спасителя совершается общий молебен Спасителю. По приходе в деревню Култаеву, поется общий молебен Св. Иоанну Предтечи на месте часовни, потом бывает молебен водосвятный, и наконец поются частные молебны ему, по просьбе богомольцев. Вечером икона Св. Иоанна предтечи священником с причтом обратно сопровождается в Нижне-Муллинскую церковь, а прочими двумя священниками встречается опять у столба с иконою св. Мучеников Флора и Лавра также торжественно, как и сопровождалась. на другой день в 29 августа [11.09 - нов. ст.], после литургии, из церкви крестный ход совершается вторично в деревню Култаеву таким же образом, как в первый день Шествие со св. иконами оканчивается на месте, где прежде была часовня, разломанная в 1837 г. пред приездом Государя наследника ныне благополучно царствующего Государя императора Александра Николаевича, как стоявшая близ самой трактовой дороги, а другой еще не построено, хотя ныне правительством разрешено построить около того места новую деревянную часовню. Здесь сначала совершается общий молебен Св. Иоанну Предтечи, а потом поются частные молебны по просьбе Богомольцев, и народ расходится в свои места и в свои селения. Икона обратно сопровождается священником с причтом таким же образом, как в первый день, только встречи у столба близ села не бывает, а бывает только колокольный звон" (Описание, 1862, 13-14).

В корреспонденции также сообщалось о причинах появления

крестного хода: "Двухкратный ход в деревню Култаеву совершается сообразно с обстоятельствами: одни из богомольцев приходят во множестве в деревню Култаеву для моления накануне праздника, а другие приходят для той же цели в самый праздник. Прежде, когда не была разломана часовня, икона св. Иоанна Предтечи хранилась в часовне; в 28 число августа она приносима была в Нижне-Муллинскую церковь, а в 29 августа она торжественно возвращаема была в Култаевскую часовню, и таким образом совершался крестный ход однажды, а ныне - по разломке часовни, в деревне Култаевой негде хранить ее, и она вторично приносится в Нижне-Муллинскую церковь для хранения. Для новой часовни лес приготовлен, и когда часовня будет построена, икона Св. Иоанна Предтечи будет храниться в ней, и крестный ход нужно будет также совершать однажды" (Описание, 1862, 13-14).

Праздничные службы в часовнях могли проводиться либо один раз в год, в праздник или день святого, в честь которого была поставлена часовня, а также в два и более праздника. В один из четырех престольных праздников деревни совершались церковные торжества в д. Денисовка Ординского района: "Мы Ясыльского [с. Покрово-Ясыл Осинского уезда, ныне - Ординский район] прихода были церкви, чё-то четыре праздника у нас. У нас был Покров, Офонасьев день, Фомино и Богородицын день. А священник приезжал только в Фомино" (Ординский район, д. Денисовка). В некоторых случаях крестные ходы и молебны не проводились только в зим-

ние праздники: "У нас Старый Новый год праздник, Василий Великий, апостол Василий, дак в честь его, молились в этот день, а иконы зимой не носили..." (Суксунский район, д. Сызганка). Службы в часовне д. Кособановой Осинского уезда [ныне - Кунгурский район] проходили в три местных праздника - Воздвиженья, Старого Нового года и в пятницу на Пасхальной неделе (По приходам, 1910, 234). В дни всех местных праздников в деревне совершались службы в часовне и в деревнях Кунгурского уезда в округе села Сосновского: "Известно, что в каждой часовне установлены особые дни, в которые приходской причт служат молебны - это дни местных праздников. Иногда в одной часовне существует до трех и более таких праздников..." (Захаров, 1911, 646).

Церковные торжества по случаю престольного праздника отправлялись и в тех деревнях, где не были воздвигнуты часовни. Часто в этом случае молебен празднику совершался у поклонных крестов и небольших часовен-крестиков, как в районах Сылвенско-Иренского поречья. В деревне Черепаново Суксунского района на престольный праздник деревни - Петров день молебен совершался у такого "крестика": "Петров день будет в Черепаново двенадцатого. Крестик был в Черепаново. Крест стоял большой, огороженный. Крыша небольшая была на столбиках и все над ним. В Петров день молились у этого крестика" (Суксунский район, д. Черепаново).

В других случаях в деревнях, где не были отмечены часовни и не проводились молебны у поклонных

крестов и часовен-крестиков, религиозная часть престольного праздника могла ограничиваться лишь обходом священником с причтом домов с совершением молебнов.

Обычаем престольного праздника, как в селах, центрах православных приходов, так и в деревнях следует считать и обходы домов и совершение молебнов на престольный праздник. В д. Суюрка Куединского района обходы домов совершались в единственный престольный праздник - Казанскую (4.11): "К престольным праздникам готовились, стряпали. В Казанску батюшка идет. Спросит: "Принимаете моление?". - "Принимаем!". На лавке бело полотенце постелют. На стол белую скатерть. Иконы принимали, на скамейки полотенца стелили, иконы на голые лавки не ставили. Скатерть на стол, пять-шесть человек иконы таскают" (Куединский район, п. Куеда). Схожим образом проводились обходы на престольный праздник Фомино в д. Денисовка Ординского района: "Носили иконы по домам. Батюшка служил в каждом доме. А молодняк, такие недоростки-то, ребята носили иконы из дома в дом. Фому вот наверно носили, раз Фомино. Их много, потому что пасхальное время, через неделю раз после Пасхи, еще "Христос воскрес" пели. Много носили иконы..." (Ординский район, с. К.Ясыл). В данной традиции обходы на престольный праздник совпадали с известными обходами духовенством домов прихожан на Пасхальной неделе (Черных, 2006, 117). Как видно из последнего примера, обходы домов на престольный праздник в деревне повторяли те, что и обычно совершались в других

традициях в пасхальное время (Черных, 2006, 117). Пасхальные обходы домов приурочивались к престольному празднику, если он приходился на весенний период народного календаря. Этот обычай следует считать распространенным явлением в Прикамье. Священник села Дуброво Осинского уезда (ныне - Еловский район), отмечал: "Хождение с Богородицею начинается со второго дня Пасхи... В деревнях, имеющих весенние праздники, ход с Богоматерью (бывает) направляется к самым праздникам. Так в д. Шульдихе всегда ходишь в день великомуч. Георгия 23 апреля, в Паньковой и Березовой 8 мая в день Иоанна Богослова..." (Пономарев, 1885, 431). Егорьев день и Иванов день весенний были престольными праздниками названных деревень.

Об устойчивости обычая обхода домов на престольный праздник, и в то же время об избирательности хозяев в совершении молебна в домах показывает свидетельство начала XX в. из Юрлинской волости Чердынского уезда: "С святым крестом не всякий домохозяин принимает притч, в особенности на половине первого священника. Заходит священник с притчем в дом: полное застолье гостей. Хозяин категорически заявляет, что он не принимает притч. Гости же преспокойно сидят за столом... В то время для хозяина гости дороже креста, да и самый праздник по его понятию для того и существует, чтобы принимать и угощать гостей..." (ГАПК. Ф. 973, оп.1. д. 2888, л.14).

Известны примеры и других православных торжеств, связанных с престольными праздниками, часть

из которых совершалась ежегодно, другие - ситуативно. В селе Золотые Промысла Пермского уезда в начале XX в., по корреспонденции священника сельского Крестовоздвиженского храма, на престольный праздник совершался крестный ход, с принесением икон, приобретенных для храма: "14 сентября, в день Воздвижения честного и животворящего креста Господня, наша церковь справляет свой храмовый праздник. В последние два года день этот праздновался с особенной торжественностью. Причиною этого служили следующие обстоятельства. Проживающий в нашем селе крестьянин... М.П.Щеколов, ездивший прошлым летом в Саров на поклонение мощам новоявленного угодника Божия св. Серафима, приобрел там для нашей церкви его икону, которая и была торжественно перенесена в этот день сюда со станции Пермской жел. дор. "Теплая гора", отстоящей от села Золотые Промысла в 6 верстном расстоянии. Первоначально эта икона была поставлена в приписной церкви Теплогорского завода, находящегося от железнодорожной станции в одной версте. 14 сентября после совершения утреннего богослужения и выноса честного животворящего креста, притч Крестовоздвиженской церкви отправился в Теплогорский завод для сопровождения иконы Св. Серафима в село Золотые Промысла. К 8 часам утра... Теплогорский храм был уже полон собравшихся богомольцев... После освящения иконы. по желанию присутствующих, было совершено молебное пение св. Серафиму, затем св. икона, в преднесении хоругвей и других икон, при пении

тропаря святому... была вынесена из храма для следования к месту своего назначения... Пройдя около полуторых верст, причт церкви села Золотых Промыслов поспешил сесть в экипаж и уехать вперед, чтобы достойным образом встретить приносимую сюда святыню. В селе в это время уже благовестили на собор и народ из окрестных селений толпами выходил навстречу и спешил к приходскому храму. С прибытием духовенства из храма вынесены были св. иконы и двинулись... по направлению к железнодорожной станции. Встреча произошла в 1,5 верст от села. Соединение обоих крестных ходов представляло величественную картину. Сияющие на солнце металлические хоругви, множество икон и среди них, на особых носилках, величавый образ св. старца Серафима, два хора певчих, беспрерывно исполняющих те или другие церковные песнопения, священнослужители, облаченные в блестящие и праздничные ризы, огромная масса богомольцев..., и даже прекрасная погода. Все это невольно вызывало в душе присутствующих чувство благоговейного восторга и неподдельной радости. Вновь прибывшая икона была установлена за правым клиросом в богатом, орехового дерева, киоте. По прошествии некоторого времени прихожане стали выражать желание приобрести другую, таких же размеров, икону и поставить ее за левым клиросом, в киоте таких же размеров... На помощь этому желанию отозвался тот же М.П. Щекотов. Уезжая нынешним летом на Нижегородскую ярмарку, он обещал там на свои средства приобрести икону Казанской Божией Матери... незадолго до

праздника Воздвижения честного и животворящего креста Господня вновь приобретенная икона была доставлена по Пермской ж. д. на станцию "Теплая Гора" и перенесена в Теплогорский храм. Перенесение этой иконы в Воздвиженскую церковь села Золотых Промыслов, 14 сентября и послужило другим обстоятельством торжественного празднования этого дня в настоящем году..." (Село Золотые Промысла, 1905, 557-558).

С молебнами и крестными ходами на престольные праздники в локальных традициях связывались и другие обычаи. Часто к престольным праздникам, в которые совершалось водосвятие на родниках и других водоемах, приурочивалось освящение скота, особенно тогда, когда они совпадали с днями святых, покровителей домашнего скота. Так, в Куединском районе, на день Флора и Лавра (31.08) окропление скота святой водой совершалось только в тех селах и деревнях, где этот праздник отмечался как престольный (Черных, 2003, 74-75). Другим обычаем со скотом, связанным с престольными праздниками, следует отнести обычай "выпускать скот под иконы", также освящая его во время крестного хода и молебна: "У нас было два больших праздника: зимой - Встретильно, а летом - Иванов день. Вот Иванов день был 7 июля, ходили с иконами, скот выпускали под иконы" (Чердынский район, д. Б. Долды).

Таким образом, проанализированные материалы показывают, что, несмотря на церковные каноны в проведении престольного праздника, в каждой из локальных традиций складывалась своя структура

проведения престола, включая службы в храме, молебны в часовнях и у поклонных крестов, крестные ходы. Отчасти локальные особенности были обусловлены историческим контекстом, историей храма и прихода, пространственной организацией села и округа с крестами и часовнями, чтимыми родниками и другими объектами, далекой и ближайшей округой с храмами и особо чтимыми иконами, сложившимися приходскими традициями.

Благодаря развернутой структуре религиозных традиций престольного праздника, приуроченностью к нему торжественных служб в храмах и часовнях, молебнов на водных источниках и у поклонных крестов, крестных ходов - престольные праздники становились одними из главных в годовом цикле праздников храма и прихода, так как включали в себя наибольшее количество разнообразных действий.

Важную роль православные традиции имели и в праздновании престольных праздников в деревнях прихода. В молебнах и крестных ходах в деревню реализовывалась одна из значимых функций престольного праздника - осуществлялось взаимодействие центра и периферии. Деревня, с часовней или поклонным крестом, становилась во время проведения престола сакральным центром всей округи.

Следует отметить и некоторые конфессиональные отличия в церковных традициях престольного праздника, более разработанными и сложившимися они представляются у православных, в меньшей степени характерны для старообрядческого населения. Конечно, это связано с официальным статусом православной церкви, имеющей возможность выстроить стройную систему приходов и традиции приходской жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Абдулова С.И., 2008. Бусы Рождественского комплекса // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. - Пермь: ПГПУ.

Агафонов Н. 1906. Церковное торжество в Ашапском заводе // Пермские епархиальные ведомости. 1906. С.328-329.

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа.

Акимова М.С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 118 с.

Алексеев В.П., 1964. Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 127 с.

Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 248 с.

Амброз А.К., 1980. Бирский могильник и проблема хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М. Наука. с.1-56.

Архипов Б.А., 1973. Марийцы IX-X вв. К вопросу о происхождении народа / Б.А.Архипов. - Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. - 200 с.

Архипов Б.А., 1986. Марийцы XII-XIII вв. (К этнокультурной истории Поволжья) - Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. - 163 с.

Ашихмин Е.Г. 2008. Поклонные кресты села Торговище // Старина села Торговище. Пермь, 2008. С. 29-39.

Ашихмина Л.И., 1985. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа Коми // Труды Института ЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 36. Сыктывкар: КФ АН СССР.

Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., 2008. Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения среднего Приобья. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 8. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С.87-96.

Бадер О. Н., Оборин В. А., 1958. На заре истории Прикамья. - Пермь: Пермское кн. из-во. -244 с.

Бадер О.Н., 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука.

Бадер О.Н., Попова Т.Б.. 1987. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.

Бадер О.Н., Соколова З.П., 1953. Новые стоянки Чусовского Прикамья // Ученые записки ПГУ. Том IX. Вып. 3. Труды Камской археологической экспедиции. Харьков.

Бадер О.Н.. 1961. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. № 99. М.

Барсова гора, 2002. - Сургут.

Башенькин А.Н., Васенина М.Г., 2004. Городище у д.Бабушкино // Чагодощенская земля: культура, история, люди. Вологда.

Белавин А.М., 1986. Отчет о полевых исследованиях в Чусовском районе Пермской области в 1986 г. / Рукопись. - Пермь: ПГПИ, 1986. - С.2-16

Белавин А.М., 1999. Купросское городище в Коми-Пермяцком округе // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. В.3. - Екатеринбург: НПЦ ОПИК. - С. 189-195.

Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях -Пермь: ПГПУ. - 200 с.

Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях / А.М.Белавин. - Пермь: ПГПУ. - 200 с.

Белавин А.М., Данич А.В., 2006. Костяные и железные наконечники стрел Рождественского археологического комплекса. / А.М. Белавин, А.В. Данич // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып.1. - Пермь: ПГПУ. Стр.25-37.

Белавин А.М., и др., 1988. Археологические памятники бассейна реки Чусовой / А.М. Белавин, А.В. Голдобин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц, А.Г. Милиаскарова, А.А. Терёхин. - Чусовой: Музей истории р. Чусовой. - 50 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б., 2009. Угры Предуралья в древности и средние века. - Уфа: БГПУ. - 285 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. - Пермь: ПГПУ-ПФ ИИиА УрО РАН. - 603 с.

Боброва А.И., 2004. Нателные кресты с Тискинского могильника. // Археология, этнография и антропология Евразии. №4(20). С107-115. Томск, Нарымское Приобье.

Богачев А.В., 2000. Кочевники лесостепного Поволжья V-VIII вв. Автореферат диссертации на соискания ученой степени доктора исторических наук. СПб. 39 с.

Брюхова Н.Г., 2006. Антропологический материал Рождественского могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 1. - Пермь: ПГПУ.

Брюхова Н.Г., 2010. Следы ритуальных действий на черепках из погребений Чазевского могильника. //Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всероссийской научной конференции. Ижевск. с. 242-244.

Бужилова А.П., 2005. Homo sapiens: История болезни. М: Языки славянской культуры, 320 с.

Буров Г.М.. 1965. Археологическая разведка 1963 г. в районе затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // Материалы по археологии европейского Северо-востока. Вып. 3, Сыктывкар.

Буров Г.М.. 1967. Древний Синдор. М.

Буров Г.М.. 1992. Бронзовые культовые плакетки I тысячелетия н.э. на Крайнем Северо-Востоке Европы: печорский (местный) "звериный" стиль // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, с. 51-59.

Васёв С. А.. 2008. Водный мир родного края. - Чёрмоз.

Васюткин С.М. Калинин В.К., 1986. Ново-Сыскульский могильник //Археологические работы в низовьях Белой. Уфа.

Викторова В.Д., 2002. Мифы на сосудах // Северный археологический конгресс: Докл. Екатеринбург - Ханты-Мансийск.

Викторова В.Д., 2004. Культовые озерные памятники // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, с. 158-173.

Викторова В.Д., 2008. Древние угры в лесах Урала. Страницы ранней истории манси. - Екатеринбург: из-во "Квадрат". - 208 с.

Винокурова Э.П., 1999. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII в. - М.: Наука.

Воеводский М.В., 1951. Краткая характеристика городищ Ветлуги и Унжи // МИА. № 22. М.

Воронин К.В., 1997. Комплексы эпохи бронзы поселения Воймежное I // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М..

Гаврилова И.В., 1972. Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения // КСИА. № 131. М.

Гавритухин И.О., 1996. К изучению ременной гарнитуры Поволжья VI-VII вв. // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара с.115-133.

Гаджиалиева Н., 1999. Изображение водоплавающих птиц на древней керамике (по археологическим материалам Вологодской области) // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. VI. Вологда.

Газимзянов И.Р., 2000. Исследования Чаллынского I некрополя // Древние Чаллы. Борынги Чаллы. - Казань: Мастер Лайн.

Генинг В.Ф., 1959. Могильник Качка // Отчет Камской (Воткинской) экспедиции. М. 1959 вып.1. с. 196-209.

Генинг В.Ф., 1962. Мыдлань-Шай - удмуртский могильник VIII-IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. ВАУ. В. 3. - Свердловск: УрГУ. - С.7-111.

Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмурского Прикамья в пьяноборскую эпоху // Вопросы археологии Урала. Вып. 10. Свердловск: УрГУ.

Генинг В.Ф., 1971. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. // ВАУ 11. Свердловск.

Генинг В.Ф., Еговкина Л.М., Стоянов В.Е., 1956. Археологические исследования Коми-Пермяцкого музея в 1956 г. // Архив Кудымкарского краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка.

Гнутова С.В., 1994. Орудия Страстей Христовых на русских крестах второй половины XVII - первой половины XIX в. // Филевские чтения. Вып. V. Материалы третьей научной конференции по проблемам русской культуры втор. пол. XVII - нач. XVIII в.

Гнутова С.В., Зотова Е.Я., 2000. Кресты. Иконы. Складни. Медное художественное литье XI - начала XX вв. - М.: Интербук-Бизнес.

Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: ИрГУ. - 280 с.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. 280 с.

Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник на средней Каме I-V в.н.э. Ижевск. Т.1.

Голдина Р.Д., 2004. Тарасовский могильник на средней Каме I-V в.н.э. Ижевск. Т.2.

Голдина Р.Д., Водолага Н.В., 1990. Могильники Неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 1990. 176 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. - Свердловск: Уральский университет. - 215 с.

Голдина Р.Д., Ютина Т.К., 1987. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX-XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. - Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. - С.39-61.

Голева А.А., Яблонский Л.Т., 2007. Исследования образцов дерева из раскопок курганного могильника Филипповка I в 2004-2006 гг. // Формирование и взаимодействие Уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии. Уфа. с.233-236.

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., 2004. Строгановы и археология Среднего Приуралья // Оборинские чтения. Вып. 3. - Пермь: ПОКМ.

Голубева Л.А., 1962. Археологические памятники веси на Белом озере //

СА, № 3. С.53-77.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X-XIII вв. - М.: Наука. - 212 с.

Голубева Л.А. 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып.Е1-59. - М.: Наука. - 112 с

Гришаков В.В., Зеленев Ю.А. 1999. Муромы // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. - Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. - С.89-118

Гурина Н.Н., 1972. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен // КСИА. № 131. М.

Данич А.В., 2009. Отчет о раскопках Бояновского могильника в 2009 году. Архив Краевого Центра Охраны Памятников (КЦОП) Пермского края.

Девятое мая, 1869 - Девятое мая в селе Верхнемуллинском // Пермские епархиальные ведомости, 1869. С.277-280.

Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1988. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье// Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань.

Денисов В.П., Лещенко В.Ю., 1969. Работы на севере Пермской области // Археологические открытия 1968 года. - М.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., 1991. Заосиновское VII поселение и проблема формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола,

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., 1999. Новые находки предметов вооружения эпохи бронзы в Пермском Приуралье // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность. Березники.

Денисов В.П.. 1960. Хуторская неолитическая стоянка // Ученые записки. Т. XII вып. I. Труды Камской Археологической Экспедиции. Вып. III. Пермь: ПГУ, с. 34-72.

Деревянко А.П. Волков П.В., Петрин В.Т.. 1999. Технология галечного расщепления камня в палеолите: (по материалам микроиндустрии памятника Шоктас I). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН,

Есин Ю.Н., 2009. Древнее искусство Сибири: Самусьская культура: Труды музея археологии и этнографии Сибири. Т. II. Томск.

Жульников А.М., 2003. Древние жилища Карелии. Петрозаводск.

Жульников А.М., 2005. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск.

Жульников А.М., 2008. Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // РА. № 4.

Жульников А.М., Кашина Е.А. 2010. Образ птицы в искусстве неолита - энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. № 2.

Журавлев А.П. 1991. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск.

Забылин М., 1880. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Москва.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. - М.: Индрик. - 592 с.

Захаров С. 1911. О часовнях // Пермские епархиальные ведомости. 1911. С. 645-646.

Збруева А.В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М.

Зубов А.А., 1968. Одонтология. Методика антропологических исследований.

М.: Наука, 189 с.

Иванов А.Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. - Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. - 308 с.

Иванов С.В., 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX - начала XX в.). М-Л: Наука.

Иванова М.Г., 1998. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX-XIII вв. - Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. - 294 с.

Истомина Т.В., 1992. Комплекс погребения 37 Чептыгского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. - Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. - С.127-136

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X-XIII вв. низовий Камы. - Казань: Тат. кн. изд-во. - 176 с.

Казаков Е.П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. - М.: Наука. - 336 с.

Канивец В.И., 1974. Печорское Приполярье в эпоху раннего металла. М:Наука.

Кашина Е.А., 2006. Изображения человека на нео-энеолитической керамике лесной зоны Восточной Европы // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки.

Кирпичников А., Измайлов И., 2000. Каролингские мечи из Болгарии (из фондов Государственного объединенного музея Республики Татарстан) // Средневековая Казань. Возникновение и развитие. - Казань.

Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. - М: Наука.

Киришин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979. Бронзовый век Васюганья. Томск.

Китицина Л.С., 1976. Находка изображения уточек на стоянке Сахтыш I // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Клементьева Т.Ю., 2006. Орнитоморфные изображения на энеолитической керамике Зауралья // Емельяновские чтения. Курган.

Ковалева В.Т., 2002. Архаические модели мироздания зауральского населения (по археологическим источникам) // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург: УрГУ.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2007. О семантике обряда у Камня Дыроватого и образа водоплавающей птицы на энеолитической посуде в Зауралье // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М.Потемкиной). Курган

Ковалева В.Т., Шилов С.Н., 2002. Прообраз Индры: об интерпретации антропоморфного изображения на сосуде // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург: УрГУ.

Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М. 364 с.

Кольцов Л.В., 1971. Изображение рыбы на сосуде из Галичской стоянки // КСИА. Вып. 127.

Королев К.С. 2002. Угдымский археологический комплекс на Средней Вычегде. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН.

Королев К.С., 1997. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. - Екатеринбург: КНЦ УрО РАН. - 196 с.

Корякова Л.Н., 1979. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка.// СА, № 2. С.191-206.

Косарев М.Ф., 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М:Наука

Косинская Л.Л., 2001. Сосуд со стоянки Бож-ты // Археология в пути или путь археолога. Часть 2. Археология в пути... СПб.

Косменко М.Г., 1993. Археологические культуры периода бронзы - железного века в Карелии. СПб.

Крайнов Д.А., 1962. Кухмарский курганный могильник // КСИА. Вып. 88. М.

Кривощёков И.Я., 1914. Список селений и урочищ Чердынского уезда с местонахождениями вещественных археологических памятников и остатками живой старины. //Кривощёков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С.83-137.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. - Пермь: ПГПУ.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Ленц Г.Т., 2002. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Прикамье // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Ч. II. - Казань.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М., Ленц Г.Т., 2003. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обва и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье// Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III. -Пермь: ПГПУ.

Крыласова Н.Б., Бочарова Е.О., Бочаров И.В., 1997. Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып.1. - Екатеринбург: изд. "Екатеринбург".

Культура Биляра, 1985. Булгарские орудия труда и оружие X - XIII вв. - М.: Наука. - 216 с.

Ленц Г.Т., 2001. Протогородской Анюшкарский археологический комплекс на р.Иньве// Труды Камской археолого- этнографической экспедиции. Вып. 1 - 2. - Пермь: ПГПУ

Леонтьев А.Е., 1999. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. - Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН. - С.18-66

Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., 1997. Гляденовское костыще. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Вып. 3. - Пермь: ПОКМ.

Лозе И.А., 1983. Антропоморфные изображения со стоянки Звидзиенаск-рогс // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.

Лозе И.А., 1988. Поселения каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний неолит. Рига.

Лычагина Е.Л., 2003. Отчет об исследованиях стоянок Чашкинское Озеро IV, Чашкинское Озеро VIII в окрестностях г. Березники и поселения Посер в Ильинском районе Пермской области в 2002 г. Пермь, Архив МАЭ ПГПУ.

Лычагина Е.Л., 2004. Отчет об исследованиях поселения Посёр в Ильинском районе Пермской области и поселения Чернушка в окрестностях г. Чайковский в 2003 г. Пермь, Архив МАЭ ПГПУ.

Лычагина Е.Л., 2006. Отчет об исследованиях поселения Чашкинское Озеро VI в Соликамском районе Пермской области в 2005 г. Пермь, Архив МАЭ ПГПУ.

Лычагина Е.Л., 2007. Отчет об исследовании Хуторской стоянки в окрестностях г. Березники и обследовании поселения и могильника Посёр в Ильинском районе Пермского края в 2006 году. Пермь, Архив МАЭ ПГПУ.

Лычагина Е.Л., 2008. Отчет об исследовании поселения Чашкинское Озеро

Г и Чашкинское Озеро VIII в окрестностях г. Березники в 2007 г. Пермь, Архив МАЭ ПГПУ.

Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. Москва.

Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. - М.: Наука. - 164 с.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. 1968. Камышлы-Такманский могильник // Археология и этнография Башкирии. с. Уфа.

Малинков В., 1917. Справочная книжка для офицера. М. 831 с.

Материальная культура средневекового Предуралья. Ч. II / Культура производства, вооружение, торговля. - Пермь: ПГПУ. - 189 с.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. / А.Ф. Медведев // САИ - Вып. Е1-36. - М. - 184 с.

Мельничук А. Ф., Лепихин А. Н. 1997. Археологические памятники Ильинского района Пермской области // Сторонушка Ильинская. - Ильинский.

Мельничук А.Ф., 1979. Социально-экономические связи родановских племен с западно-финским и славянским населением в X- XIV вв. // Дипломная работа. Пермь, рукопись хранится в кабинете археологии ПГУ.

Мельничук А.Ф., 2004. Археологические древности поселка Ильинский // Ильинский. Страницы истории. - Пермь.

Мельничук А.Ф., Лепихин А.Н., 2001. Ильинское костыще - жертвенное место населения гляденовской культуры в бассейне р. Обвы // Пермский регион: история, современность, перспективы. - Березники.

Мельничук А.Ф., Макаров Э.Ю., 2002. Археологические древности в окрестностях г. Чермоза // Чермоз вчера, сегодня, завтра. - Пермь.

Мингалев В.В., 1997. "Дома мертвых" на могильниках ананьинской культуры в Среднем Прикамье. // История и культура Финно-угорских народов. Материалы международной студенческой научно-практической конференции (Глазов 11-13 ноября 1996 г.). Часть 1 (Археология. Этнология. История. Краеведение). Глазов. с.32-36.

Мингалев В.В., 2006. "Некрофобия", как транскультурное явление в эпоху великого переселения народов. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск. с.417-424.

Мингалев В.В., 2009. Керамика Чазевского I могильника. // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. Пермь. С.125-133.

Могильников В.А. 1992. Саргатская культура. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., с.292-311.

Мокрушин В.П., 1989. Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: КФ ФУ СССР.

Молебствие, 1916 - Молебствие в селе Гамовском // Пермские епархиальные ведомости. 1916. С. 671.

Молодин В.И., 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Нука.

Молодин В.И., 2001. Крест как архетип и одно из его символических проявлений в христианстве. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. - Томск: Из-во Том. Гос. Ун-та.

Молодин В.И., 2007. Кресты-тельники Илимского острога. - Новосибирск: ИНФОЛИО.

Мошинская В.Н., 1972. О зауральских зооморфных изображениях, связан-

ных с глиняной посудой (к вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.

Никитин В.В. 1996. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Том IV. Йошкар-Олаэ

Новокрещенных Н.Н., 1901. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии, вып.4. - Пермь.

Новоселов А., 2000. Туринск - прелюдия Сибири. // На государевой дороге: культурно-исторические очерки / Колл. авт. - Екатеринбург: ИД "Сократ".

Оборин В.А., 1953. Баяновский могильник на р.Косьве// Ученые записки ПГУ, том IX, вып. 3. Труды КАЭ ПГУ. Харьков.

Оборин В.А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. В.9. Памятники ломоватовской культуры. - Свердловск: УрГУ. - С.3-29

Оборин В.А., 1972. Раскопки в Верхнем Прикамье// Археологические открытия 1971. М: Наука.

Оборин В.А., 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское кн. из-во.

Оборин В.А., Ленц Г.Т., 2008. Городище Анюшка (по раскопкам 1951 - 1955, 1989 - 1991) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. - Пермь: ПГПУ

Описание, 1862 - Описание крестных ходов, совершаемых в продолжении года // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862. С. 6-23.

Отрощенко В.В., Формозов А.А., 1988. К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла // Studia Praehistorica. Sofia, 9.

Ошибкина С.В. 1987. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.

Ошибкина С.В., 1980. Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы в Восточном Прионежье // КСИА. №161. М:Наука

Паньков А. 1881. Корреспонденция из Таушинского села, Осинского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1881. С.364-365.

Перескоков М.Л., 2010. Основные итоги и проблемы изучения памятников финала раннего железного века в Пермском Приуралье. //Вестник Пермского государственного университета. История. Вып. 1 (12). Пермь. с.67-74.

По приходам, 1910 - По приходам епархии: дер. Кособаново Осинского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1910. С.234.

Погорелов С.Н., 2005. Охранные исследования захоронений Ново-Тихвинского женского монастыря.//Культура русских в археологических исследованиях: сб. научн. Ст./под ред. Л.В.Татауровой.-Омск: Изд-во ОмГУ.

Погорелов С.Н., Попов В.А., 2005. Культовая атрибутика из погребений Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга.//Культура русских в археологических исследованиях: сб. научн. Ст./под ред. Л.В.Татауровой.-Омск: Изд-во ОмГУ.

Подосенова Ю.А., 2009. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. - Дисс. канд. ист. наук / Рукопись. - Казань. - 220 с.

Покровский Н.В., 2001. Евангелие в памятниках иконографии. - М.: Прогресс-Традиция.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов// Город Бол-

гар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. - Казань: ИЯЛИ АНТ. - С.154-268

Полякова Ю.А., 1982. Отчет о раскопках Калашниковского (Ломотинского) могильника в Кунгурском районе Пермской области за 1982 г. //архив ИА РАН Р-1, д.8979.

Пономарев П. 1885. Религиозно-нравственное состояние прихода Дубровского, что Осинского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1885. С.421-423, 429-433, 441-445, 457-462, 469, 479-487, 497-500.

Пономарёв П.П. 1896. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда (Пермской губернии). Историко-географический и церковно-биографический очерк. Кунгур, 1896. 380 с.

Поплевко Г.Н.. 2007. Методика комплексного исследования каменных индустрий. С-Пб: "Дмитрий Буланин", 388 с.

Пшеничнюк А.Х., 1968. Охлебининский могильник// Археология и этнография Башкирии. Уфа Т.3

Пшеничнюк А.Х., 1996. Переволочанский курганный могильник //Курганы кочевников Южного Урала. Уфа. С.

Ражев Д.И., 1997. Отчет об антропологической обработке материалов из раскопок Старого Челябинска 1996 года. Архив АНЦ. - Челябинск.

Ражев Д.И., 2007. Отчет об исследованиях антропологических останков с кладбища нового времени г.Турина. Архив ОГУК "НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области", д.121.

Ражев Д.И., 2009. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 491 с.

Ражев Д.И., Святова Е.О., 2005. Палеодемографический анализ кладбища нового времени г.Верхотурья.//Культура русских в археологических исследованиях: сб. научн. Ст./под ред. Л.В.Татауровой.-Омск: Изд-во ОмГУ.

Руденко К.А., 2003. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. / К.А. Руденко. - Казань.

Руденко К.А., 2004. О роли финно-угров в сложении культуры волжских болгар XI-XIV вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. - Йошкар-Ола: МарНИИ. - С.148-159

Руденко К.А., 2010. Булгарское черневое искусство: перстни. - Казань: КГУ-КИ. - 44 с.

Савельева Э.А., 1968. Средневековый могильник в верховьях Выми (Коми АССР) // УЗ ПГУ. № 191. Труды Камской археологической экспедиции. - Пермь: ПГУ.

Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв.- Л.: ЛГУ. - 200 с.

Самигулов Г.Х., 2002. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок).//Культура русских в археологических исследованиях: Сборник научных трудов./ Под ред. Л.И.Татауровой. - Омск: Изд-во Омск. педагогич. ун-та.

Сарапулов А.Н., 2008. Классификация средневековых ральников Пермского Предуралья // Вестник МАЭ Пермского Предуралья. Вып.2. - Пермь: ПГПУ. - С.79-88.

Сарапулов А.Н., 2010. Земледелие // Материальная культура средневекового Предуралья. Ч.II. Культура производства. Вооружение. Торговля. - Пермь: ПГПУ. - С.5-17.

Святова Е.О. 2008. Палеодемографический анализ кладбища нового времени г. Каменск-Уральского.// Труды Камской археолого-этнографической экспе-

диции. Выпуск V. Университет и историко-культурное наследие региона: сб. науч. тр./под общ. ред. А.М.Белавина; Перм. Гос. Пед. Ун-т.-Пермь.

Село Золотые Промысла, 1905 - Село Золотые Промысла Пермского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1905. С.557-558.

Семенов В.А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. - Ижевск: НИИ при СовМин УдАССР. - С.5-135

Семенов В.А., 1985. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. - Устинов: НИИ при СовМин УАССР. - С.92-118

Семенов В.А., 1985а. Городище Весья-Кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. - Устинов.

Семенова В.И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. - Новосибирск: Наука. - 296 с.

Сидоров В.В., 2006. Колтово 7: комплекс эпохи бронзы // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том.1. Тверь.

Словцов И. 1875. Опыт описания некоторых церквей Соликамского уезда / Пермские епархиальные ведомости. 1875. № 39-40, 43-45, 49.

Смирнов К.Ф. Петрушенко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. - М.: АН СССР. - 276 с.

Смирнов В.И., 1941. Орнаментальный фриз на сосуде со стоянки Кузнечиха // КСИИМК. Вып. X. М.

Соловьёв А.И., 1987. Военное дело коренного населения Западной Сибири. / А.И. Соловьёв. - Новосибирск. - 192 с.

Соловьев Б.С., 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола. Спицын А.А., 1902. Древности Камской Чуды по коллекции Теплоуховых. / А.А. Спицын // МАР. - №26. - СПб.: Имп. Арх. Комиссия. - 110 с.

Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М., 2003. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X - XX вв. из частных собраний. М.

Стоколос В.С., 1988. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.

Струков А.И., Кременецкая Л.Е., 1993. Болезни зубочелюстной системы и органов полости рта // Струков А.И., Серов В.В. Патологическая анатомия. М.: Медицина, С. 635-662.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В., 2001. Галичский "клад": к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.

Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. / М.В. Талицкий // МИА. - №22. Вып.3. - М.: АН СССР. - 192 с.

Татаурова Л.В., 2005. Этнокультурные аспекты погребального обряда русских среднего Прииртышья в XVII-XVIII вв. по данным археологии//Культура русских в археологических исследованиях: сб. научн. Ст./под ред. Л.В.Татауровой.-Омск: Изд-во ОмГУ.

Топоров В.Н., 1997. Древо мировое// Мифы народов мира. Энциклопедия. Том. 1. М.

Третьяков П.Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.

Тульцева Л.А. 2001. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX - XX

вв.: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 124-167.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987 // Археология СССР. М.: Наука. - 512 с.

Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. 1999. - Ижевск: УДИИ-ЯЛ УрО РАН. - 390 с.

Халикова Е.А., 1976. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X - начала XIII в. - Казань: КГУ.

Ханенко Б.И., Ханенко В.Н., 1900. Древности Русские. Кресты и образки. Вып. II. - Киев.

Хок Стивен Л., 1999. Голод, болезни и структура смертности в приходе Борщевка, Россия, 1830-1912. // Социально-демографическая история России XIX-XX вв. Современные методы исследования. Материалы научной конференции (апрель 1998 г.). Тамбов.

Худяков Ю.С., 1986. Вооружение средневековых кочевников южной Сибири и центральной Азии. Новосибирск: Наука.

Хузин Ф.Ш., 1999. Древняя Казань и проблемы ее возникновения // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII вв. - Казань. - С.196-226.

Чаиркина Н.М., 2005. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург.

Чемякин Ю.П., 2002. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург6 УрГУ.

Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА, № 58. С.136-245

Черных А.В., 2003. Куединские праздники: Традиционный календарь русских Куединского района Пермской области: материалы и исследования. Пермь: Изд-во Перм. обл. науч.-исслед. центра авитальной активности, 2003. 192 с.

Черных А.В., 2006. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX - середины XX в. Ч.1. Весна. лето, осень. Пермь: Изд-во "Пушка, 2006. 368 с.

Черных Е.М., 2008. Жилища Прикамья. Ижевск: УдГУ.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия северной Евразии. М.: Наука.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия северной Евразии. М.: Наука.

ЧКМ 2691, Чашницкий М.М. Краткий обзор Чердынского уезда... Фонды Чердынского краеведческого музея. №2691.

Членов Н.Л., 1992. Таштыкская культура. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., с.236-246

Шмуратко Д.В., 2011. Культурогенез харинского населения Верхнего Прикамья в эпоху Великого переселения народов (по данным статистического анализа) // Вестник Челябинского государственного университета. История. Челябинск. Вып.43. №1 (216). с.10-16.

Энциклопедия символов, 2007./ сост. В.М. Рошаль.- М.: АСТ; СПб.: Сова.

Янкаускас Р.К., 1993. К антропоэкологии средневекового города (по литовским остеологическим материалам). // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Brooks S., Suchey J.M., 1990. Skeletal Age Determination Based on the Os Pubis: A Comparison of the Acsadi-Nemeskeri and Suchey-Brooks Methods // Human Evolution. № 5. P. 227-238.

Buikstra J., Ubelaker D.H. (ed.), 1994. Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of

Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series No. 44, 247 p.

Edgren T., 1967 Einige neue Funde von kammkeramischen Vogelbildern und Tierskulpturen aus Ton // Finskt Museum 73: 8-24.

Johnson, F.E., 1962. Growth of the long bones of infants and young children at Indian Knoll. Human Biologi 23:66-81

Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Menthforth R.P., 1985. Chronological Metamorphosis of the Auricular Surface of the Ilium: A New Method for the Determination of Adult Skeletal Age at Death // American Journ. Of Physical Anthropology. № 68. P. 15-28.

Meindl R.S., Lovejoy C.O., 1985. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // American Journ. of Physical Anthropology. № 68. P. 57-66.

Nieminen E.-L., Ruonavaara L., 1984. Stilisierte Vogeldarstellungen auf gef?sscherben aus Kiikarusniemi, gemeinde Sotkamo und B?le, gemeinde Porvoo // Fennoscandia archaeologica I.

Schmidt A.V., 1927. Ka?ka. Beitr?gezur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der V?lkerwanderung, (III-IV Jh.) // Eurasia Septentrionalis Antiqua V.I., 1927. Helsingfors. P. 18-50.

Ubelaker D.H., 1978. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Chicago: Aldine, 312 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- Белавин Андрей Михайлович, д.и.н., профессор, проректор по научной работе и внешним связям, научный руководитель КАЭЭ Пермского государственного педагогического университета
- Брюхова Наталья Геннадьевна, ст. инженер Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, научный сотрудник КАЭЭ Пермского государственного педагогического университета
- Попов Владимир Анатольевич, археолог отдела археологических исследований ОГУК НПЦ по охране и исследованию памятников истории и культуры Свердловской области
- Гасилин Вячеслав Владимир, к.б.н., научный сотрудник Лаборатории исторической экологии Института экологии растений и животных УрО РАН
- Данич Андрей Васильевич, научный сотрудник КАЭЭ Пермского государственного педагогического университета
- Денисов Владимир Петрович, Заслуженный работник культуры РФ, старший научный сотрудник Пермского краевого музея
- Жуковский Александр Сергеевич, главный специалист Государственной инспекции по охране объектов историко-культурного наследия Пермского края
- Жульников Александр Михайлович, к.и.н., доцент Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск
- Крыласова Наталья Борисовна, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН, начальник КАЭЭ Пермского государственного педагогического университета
- Кылосова Татьяна Александровна, учитель школы с. Кылосово Ильинского района Пермского края
- Лавров Алексей Анатольевич, аспирант, мл. научный сотрудник КАЭЭ Пермского государственного педагогического университета
- Лычагина Евгения Леонидовна, к.и.н., доцент Пермского государственного педагогического университета, ст. научный сотрудник КАЭЭ Пермского государственного педагогического университета
- Малых Олег Олегович, соискатель кафедры древней и средневековой истории России Пермского государственного педагогического университета
- Мельничук Андрей Федорович, к.и.н., доцент Пермского государственного университета
- Мингалев Виталий Викторович, зав. музеем "Археологии и этнографии Пермского Предуралья", научный сотрудник КАЭЭ Пермского государственного педагогического университета
- Погорелов Сергей Николаевич зам. начальника отдела археологических исследований ОГУК НПЦ по охране и исследованию памятников истории и культуры Свердловской области
- Святова Евгения Олеговна, ведущий специалист отдела археологических исследований ОГУК НПЦ по охране и исследованию памятников истории и культуры Свердловской области
- Лобанова Татьяна Владимировна, младший научный сотрудник Лаборатории исторической экологии Института экологии растений и животных УрО РАН
- Третьяков Денис Викторович, научный сотрудник муниципального Чермозского историко-краеведческого музея, учитель истории Чермозской ср. школы
- Хозяшева Екатерина Георгиевна, жительница с. Кылосово Ильинского района Пермского края
- Черных Александр Васильевич, д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии УрО РАН
- Шмырина Наталья Сергеевна, учитель ср. школы №6 г. Перми, соискатель Пермского государственного педагогического университета

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук

АУ – автономное учреждение

БАССР – Башкирская автономная Советская социалистическая республика

БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет

БГУ – Башкирский государственный университет

БИХМ – Березниковский историко-художественный музей

БФ – Башкирский филиал

ВАУ – «Вопросы археологии Урала» серийное издание

ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ВЦИК – Всесоюзный Центральный Исполнительный комитет

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГАПО – Государственный архив Пермской области

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ГИМ – Государственный исторический музей

ГОПАПО – Государственный общественно-политический архив Пермской области

ИА – Институт археологии

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИИА – Институт истории и археологии

ИИМК - Институт истории материальной культуры

ИИЯЛ - Институту истории, языка и литературы

ИЭРЖ – Институт экологии растений и животных

КАЭ – Камская археологическая экспедиция

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция

КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция

КСИИМК – «Краткие сообщения ИИМК» научный журнал

КСИКНОП - Комплекс по сохранению историко-культурного наследия и охраны памятников

КЦОП – Краевой центр охраны памятников

ЛО – Ленинградское отделение

МАВГР – «Материалы по археологии восточных губерний Росси» серийное издание

МАР – «Материалы по археологии России» серийное издание

МАЭ ПГПУ – Музей археологии и этнографии ПГПУ

МГУ – Московский государственный университет

МИА – «Материалы и исследования по археологии» серийное издание

МО – Московское отделение

МУ – муниципальное учреждение

НКАЭ – Нижне-Камская археологическая экспедиция

НКП – Народный комиссариат Просвещения

НПЦ – Научно-производственный центр

ОПИ ГИМ – Отдел первобытной истории ГИМ

ОФ – Осинский филиал

ОЦОП – Областной центр охраны памятников

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет

ПГУ – Пермский государственный университет

ПКМ – Пермский краевой музей

РА – «Российская археология» научный журнал

РАН – Российская академия наук

РЖВ – ранний железный век

СМ СССР – Совет министров СССР

СНК – Совет народных комиссаров

СССР – Союз Советских Социалистических республик

ТКАЭЭ – Труды КАЭЭ

УдГУ – Удмуртский государственный университет

УНЦ – Уфимский научный центр

УОБК – Уральское областное бюро краеведения

УрГУ – Уральский государственный университет

УрО – Уральское отделение

Содержание

Лычагина Е.Л., Шмырина Н.С. АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО КАМНЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	4
Жульников А.М. ПЛОСКОСТНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИКЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАУРАЛЬЯ	22
Лавров А.В. ОЧАГИ В ПОСТРОЙКАХ ГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	36
Денисов В.П., Жуковский А.С., Мельничук А.Ф. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ТУРБИНСКО-СЕЙМИНСКОГО ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ГОРИЗОНТА ПЕРМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ.....	41
Малых О.О. ПАЛАШИ ПРИКАМЬЯ III В. ДО Н.Э. - III В. Н.Э.	46
Мингалиев В.В. ОСОБЕННОСТИ ВНТУРИКУРГАННЫХ КОНСТРУКЦИЙ МОГИЛЬНИКА ЧАЗЕВО I.....	51
Белавин А.М. ЛАВРЯТСКОЕ ГОРОДИЩЕ (по раскопкам 1992 г.).....	68
Крыласова Н.Б. УКРАШЕНИЯ САЛАМАТОВСКОГО I ГОРОДИЩА	86
Данич А.В. ТИПОЛОГИЯ БРОНЕБОЙНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	97
Кыласова Т.А., Мельничук А.Ф., Третьяков Д.В., Хозяшева Е.Г. НОВЫЕ СБОРЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТОВ НА БЕРЕГАХ КАМСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В ИЛЬИНСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ	115
Брюхова Н.Г. ПОГРЕБЕНИЕ № 116 БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА	125
Крыласова Н.Б., Ильин М.С., Брюхова Н.Г. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО МОГИЛЬНИКА	130
Погорелов С.Н., Попов В.А., Е.О.Святова АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРОДА Т У Р И Н С К в 2004 и 2007 гг.	140
Святова Е.О. ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО КЛАДБИЩА НОВОГО ВРЕМЕНИ г. Т У Р И Н С К А	159
Гасилин В.В., Лобанова Т.В. КОМПЛЕКС КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА В ПРИКАМЬЕ (раскопки 2009 года)	166
Черных А.В. ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ РУССКИХ ПРИКАМЬЯ (часть 1. Храмовые традиции)	170
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	182
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	194
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	195

Научное издание

**Труды Камской археолого-этнографической
экспедиции
Выпуск VII**

Сборник научных трудов

На первой странице обложки подвеска из Саламатовского городища.

Редколлегия:

Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор серии)
Крыласова Наталья Борисовна (отв. редактор выпуска)
Лычагина Евгения Леонидовна
Подосенова Юлия Александровна
Сарапулов Алескей Николаевич

Технический редактор Е.Е.Покровская
КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА НПЕ «АФКУЛА»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за точность приводимых фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений, а также за то, что
в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Мнение авторов не является выражением мнения редакционной коллегии.

При перепечатке и ином использовании материалов ссылка на данное издание обязательна.

ИБ № 434

Изд.лиц. ИД №03857 от 30.01.2001

Свидетельство о государственной аккредитации вуза №1426 от 23.04.04.

Подписано в печать 27.05.2011. Формат 60X90 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать ризограф.
Усл. печ. л. 32,87. Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 250 экз.

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
педагогического университета.
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, тел (342) 238-63-12
Отпечатано в типографии

*Камская археолого-этнографическая экспедиция исторического факультета Пермского
государственного педагогического университета
Редколлегия сборника тел (342) 238-64-10
e-mail: belavin@pspu.ru*